

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

5

1988

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИИ

- К 70-летию образования самостоятельных государств
в Центральной и Юго-Восточной Европе 3

СТАТЬИ

- Копашева М. И.* Чехословацкая историография соци-
альной структуры общества ЧССР (социаль-
но-исторический аспект исследования) 11
- Ермолаева И. И.* Из истории социальной политики
польского правительства (унификационный за-
кон 1933 г.) 25
- Беляева В. И.* Мюнхен и историки: новые тенденции
в британской буржуазной историографии 34
- Аветисян В. А.* Гете и сербский эпос 45
- Мурьянов М. Ф.* Хронометрия Киевской Руси 57

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

- Лёвочкин И. В.* Изборник 1073 г.: энциклопедия или
хрестоматия? 70
- Лабунцев Ю. А.* «Статут Великого княжества Литов-
ского» 1588 г. — памятник белорусской старопе-
чатной литературы (К 400-летию выхода в свет) 75

СООБЩЕНИЯ

- Гачев Г.* Воскресшая литература 85

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Полявинный Д. И., Чернявский Г. И.* Краткая ис-
тория Болгарии: С древнейших времен до наших
дней 87
- Молок Ф. А.* Критика буржуазной фальсификации
истории социалистического содружества в Ев-
ропе 90
- Запаско А. П., Степовик Д. В., Атанасов П.* Бълга-
ро-русски литературни връзки през XVII и
XVIII в. 91
- Хорева О. А.* Переиздание в ГДР ценной книги
И. Венцига 93

<i>Смирнов Л. Н. И. Ф. Андерш. Типология простых дееслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською . . . . .</i>	95
<i>Карпенко Ю. А. W. Wenzel. Studien zu sorbischen Personennamen. T. I. Systematische Darstellung . . . . .</i>	98
<i>Супрун А. Е. R. Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. IV. Indices . . . . .</i>	100

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Кремнев В. Проблема обновления теории социализма . . . . .</i>	103
<i>Фрейденберг М. М. Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения . . . . .</i>	104
<i>Корбич Г. (ПНР). D. Wierzcholowska. «Górski wieniec» Petra Njegoša. Poetyka utworu . . . . .</i>	105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мельников Г. П. Конференция, посвященная славянам и их соседям в раннее средневековье . . . . .</i>	106
<i>С. Ф. Научная встреча советских и польских историков . . . . .</i>	107
<i>Наумов Е. П. В специализированном совете при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (по всеобщей истории) . . . . .</i>	108
<i>Юбилей . . . . .</i>	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
 А. А. ГУГНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУВО,
 В. П. КОЗЛОВ, М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора),
 Г. Ф. МАТВЕЕВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА,
 Л. А. СОФРОНОВА, В. Н. ФЛОРИЯ

Адрес редакции: 121069, Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ДИСКУССИИ

К 70-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В мае 1988 г. в секторе истории межвоенного периода Института славяноведения и балканистики АН СССР состоялся обмен мнениями по некоторым актуальным проблемам возникновения в 1918 г. самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. В обсуждении поднятых вопросов приняли участие сотрудники сектора истории международных отношений, а также представитель Института международного рабочего движения. Публикуем материалы этой встречи.

Р. П. Гришина (д-р ист. наук). В истории каждого народа обретение государственной самостоятельности — событие огромного значения, начало нового этапа его развития, мощный импульс для развития национального самосознания, политической активности. В 1918 г. на карте Европы появилась целая группа новых самостоятельных государств: Польша, Чехословакия, Венгрия, Австрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия). Для каждого из них со всей остротой встали вопросы, связанные с определением характера и структуры государственной власти, формирования ее органов, путей и форм дальнейшего развития. Монархия или республика? Консервативно-реакционный режим, буржуазная демократия или Советы? Буржуазная модернизация или сохранение в прежнем виде феодальных пережитков в экономике, политике и культуре? Эти и другие политические и социально-экономические проблемы вставали в период революционного подъема 1917—1920 гг. во весь рост и решение их зависело от расстановки внутренних сил в каждой стране и в меньшей степени — на международной арене.

Многие вопросы образования новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1918 г., исторического значения факта приобретения государственной самостоятельности народами этих стран получили более или менее полное освещение в советской историографии. Сегодня на повестке дня овладение новыми методологическими горизонтами, позволяющими поднять наши исследования на качественно более высокий и, я бы сказала, конкурентноспособный уровень. Нуждается в глубоком осмыслении и ряд конкретных вопросов темы.

Исходя из уже имеющегося и накапливающегося исследовательского материала предлагаются для сегодняшнего обмена мнениями такие конкретные аспекты проблемы:

- 1) внутренние и внешние предпосылки образования самостоятельных государств в 1918 г.;
- 2) позиция социал-демократических и крестьянских партий по вопросам социально-экономических и политических преобразований;
- 3) социальный и национальный факторы в революционном процессе 1917—1920 гг., их соотношение.

Целесообразно было бы сконцентрировать внимание прежде всего на моментах, которые не получили достаточного отражения в историографии

или значение которых было неправомерно принижено. К таким я отнесла бы, например, вопрос о влиянии Февральской буржуазно-демократической революции в России на развитие революционного процесса в центрально-юго-восточном регионе Европы.

Импульс, который получила борьба народов этого региона благодаря отмене в России в феврале 1917 г. сословных привилегий, провозглашению основных буржуазно-демократических прав и свобод, в литературе нередко объясняется скороговоркой или вообще обходится молчанием. Недооценивается и факт ликвидации монархического института в результате Февральской революции. На мой взгляд, было бы правомерно сказать, что революционные потрясения в Центральной и Юго-Восточной Европе на заключительном этапе первой мировой войны были явлением в известной мере однопорядковым с Февральской буржуазно-демократической революцией. Причем общим для революционного процесса в регионе, о котором идет речь, и в России была неспособность, а в других случаях и нежелание национальной буржуазии углубления демократических преобразований и придания им необратимого характера. В этом направлении важный в то время шаг был сделан только в России, и, как известно, не буржуазным Временным правительством, а в результате Октябрьской социалистической революции. Не случайно первыми декретами Советской власти были декреты о мире и о земле, реализовавшие требования общедемократического характера. Эти и другие революционные акты, осуществленные в России, оказали существенное влияние на развитие демократического процесса в центрально-юго-восточном регионе Европы. К ним приходилось приравниваться и буржуазии великих держав. Так, провозглашение Советской Россией права народов на самоопределение и образование самостоятельных государств было одной из причин появления буржуазной альтернативы решения национально-государственного вопроса в виде 14 пунктов президента В. Вильсона, свидетельствовавших о том, что страны Антанты стремились заполнить вакуум, образовавшийся в Центральной и Юго-Восточной Европе после крушения здесь многонациональных монархий, встать, и это им удалось, у колыбели новых государств.

Разнонаправленные внешние влияния здесь, как говорится, налицо. Однако преобладающим оказалось западное, антантовское. Почему? В одном ли военном преимуществе Антанты было дело?

В. В. Зеленин (д-р ист. наук). Хотел бы коснуться вопроса об отношении России монархической и России Временного правительства к проблеме образования объединенного югославянского государства. Этот вопрос недостаточно освещен как в советской, так и в югославской исторической литературе. Царскую Россию более устраивал консервативный вариант образования югославянского многонационального государства: в виде Великой Сербии, в которой православное сербское население составляло бы подавляющее большинство. К этому стремилась династия Карагеоргиевичей, возглавлявшаяся в то время принцем-регентом Александром. Этот вариант поддерживал и Н. Пашич — крупный сербский политический и государственный деятель. При этом основные надежды династия и Пашич возлагали на поддержку России и, в частности, на разгром Австро-Венгрии с помощью русской армии. Свержение монархии и образование Временного правительства в России было по-разному воспринято в правительственных и общественных кругах Сербии и Черногории, общественностью других югославянских земель, входивших в состав Австро-Венгрии. Н. Пашич и принц-регент сразу увидели в революционных мероприятиях Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов угрозу боеспособности царской армии. С другой стороны, Н. Пашич был встревожен тем, что руководителем русской дипломатии стал П. Н. Милюков, известный своими проболгарскими и прохорватскими, а также антисербскими настроениями.

В кругах же Югославянского комитета в Лондоне приход к руководству министерством иностранных дел Милюкова был воспринят положительно. Вообще среди определенной части политических буржуазных кругов

региона Центральной и Юго-Восточной Европы приход к власти в России либеральной буржуазии рассматривался как фактор, который мог способствовать объединению южных славян в крупное самостоятельное государство. Известен такой факт: Временное правительство прислало приветствие Корфской конференции, проходившей в июле—августе 1917 г. и заложившей основы будущего югославянского государства. В приветствии положительно оценивалась встреча делегаций Сербского правительства и Югославянского комитета в Лондоне — представителей двух течений национально-освободительной борьбы югославянских народов. Это внимание Временного правительства было положительно оценено участниками конференции.

Известен и другой, весьма характерный факт: Петроградский Совет на своем заседании выразил протест против обвинительного заключения, вынесенного руководителям организации «Объединение или смерть» («черная рука») на фальсифицированном Салоникском процессе, затеянном принцем-регентом Александром. В Салоники была послана телеграмма с требованием отмены смертного приговора. Есть также факты, свидетельствующие о том, что и Временное правительство в общем отрицательно относилось к диктаторским устремлениям Александра.

Революционные события в России, антивоенное движение в югославянских землях, развернувшееся под влиянием Февральской революции, заставили Н. Пашича и принца-регента Александра в известной мере пересмотреть свою политическую стратегию. С России они в этот период переориентируются на Францию и Великобританию. Но все было не так просто. Ибо, с другой стороны, провозглашение Советской Россией прав наций на самоопределение было восторженно принято тем же Пашичем — весьма консервативным буржуазным деятелем. Он говорил, что Сербское правительство борется за самоопределение наций, добивается того, чтобы все югославянские братья жили в одном государстве.

Также доброжелательно был воспринят этот лозунг Югославянским комитетом в Лондоне, широкой демократической общественностью югославянских земель, которая не имела возможности в условиях оккупации австро-германскими войсками открыто выражать свое отношение к Октябрьской революции. Это делали эмигрантские организации во Франции, Швейцарии и других странах.

Отношение же Сербского правительства к установлению Советской власти было резко отрицательным. Неудивительно, что сербские правительственные круги включились в русло авантюры, предпринимавшихся империалистами Антанты. Определенную роль здесь играли и старые монархические связи — будущий король Александр был связан родственными узами с домом Романовых. Есть сведения, что он лелеял мечту о восстановлении монархии в России.

Вообще в затронутой теме еще много неизученных сюжетов.

О. Ю. Тарасов (канд. ист. наук). Образование независимых восточноевропейских буржуазно-демократических государств произошло, как известно, на одном из грандиозных сломов мировой истории. Его живую картину как бы передают нам сегодня полотна европейских авангардистов тех лет с их «духом» экспериментаторства, пафосом движения, разрушения, создания новых форм. Это действительно было началом новой эпохи в жизни людей. Рушились старые и создавались новые не только государства, но и социально-политические идеи, нравственные ценности, мировоззренческие системы. Историк, ставящий перед собой цель проникнуть в эту «пограничную» ситуацию, видимо сразу же должен почувствовать не только всю сложность своей исследовательской задачи (поскольку он неизбежно столкнется с необыкновенно запутанным клубком причин и следствий, прямых и косвенных взаимосвязей, с самой динамикой исторической ткани, пытаясь обнаружить и построить в этом кажущемся «беспорядке» свой «порядок»), но и какую-то особую моральную ответственность. И это не случайно. Именно на этом переломе 70-летней давности от-

крылось и появилось то «прошлое», которое еще остро чувствуется и про-
должает активно жить сегодня, побуждает на диалог с настоящим.

Уровень развития современной исторической науки позволяет, на мой
взгляд, попытаться вступить в этот диалог как с новыми вопросами, так
и с новыми исследовательскими методами. Сейчас много и справедливо пи-
шут и говорят о том, что слияние нашей исторической науки с социоло-
гией и политэкономией привело в результате к известному схематизму, ко-
торый порой не позволяет разглядеть живую картину истории. За общи-
ми схемами, действительно, был потерян человек, т. е. субъективная, со-
циально-психологическая сторона исторического процесса. Поэтому так
ощутим в наши дни возросший интерес именно к «несобытийной истории»,
к «археологии повседневной жизни»; другими словами, к исторической ан-
тропологии, которая на первый план выдвигает выявление особенностей
коллективного сознания и исследование внутреннего мира человека. Но
надо признать, что эти проблемы стали разрабатываться у нас в основном
в области истории древнего мира, средневековья и истории культуры. В об-
ласти же новейшей истории такие исследования редки. Сегодня уже бес-
спорным становится факт, что без более пристального внимания к нацио-
нальной психологии и психологии национальных отношений, без попыток
проникнуть как во внутренний мир отдельного человека, так и в область
массового сознания, та же, например, картина возникновения в регионе
независимых государств и их сложнейших взаимоотношений останется
без живых красок и, пожалуй, без главных акцентов.

Буржуазные и социалистические революции, крушение империй, окон-
чание мировой войны, утверждение социализма в России — все это стало
рубежом и в развитии человеческой личности, зарождении новых менталь-
ных структур, которые сложно переплетались с исторически сложивши-
мися, устойчивыми и передающимися из поколения в поколение особен-
ностями сознания и эмоциональными реакциями людей. Первая мировая
война привела, как известно, к катастрофическому крушению моральных
ценностей, нравственности, которая всегда связывалась с сознанием чело-
веческой индивидуальности, а следовательно с чувством ответственности
человека перед другими людьми и за них. В вихре истории оказалась по-
теряна не только перспектива в живописи, но и во многом перспектива
в человеческих чувствах, сам человек. В острой кризисной ситуации его спо-
собность к индивидуальному восприятию резко снизилась и все больше он
стал склоняться к тому, чтобы руководствоваться в принятии решений или
своими эмоциями, или определенной идеологической доктриной. За счет это-
го снижения индивидуального сознания произошел колоссальный рост
массового, коллективного сознания. И именно здесь, на этой глубине для
историка, на мой взгляд, может открыться необыкновенно интересное, зам-
анчивое, но в то же время и очень трудное поле для работы. Трудное в том
смысле, что оно вряд ли поддастся исследованию без применения междис-
циплинарного подхода, без привлечения данных этнопсихологии, фило-
софии, искусствознания, истории религии и т. д. Но такое исследование
необходимо. Необходимо даже при разработке таких, казалось бы, «дале-
ких» от микроистории вопросов, как влияние Октябрьской революции на
процесс образования самостоятельных буржуазно-демократических госу-
дарств или проблемы формирования их внешнеполитических концепций,
складывания Версальской системы и т. п.

Так, международные связи всегда содержали определенные социаль-
но-психологические моменты. И в возникновении дружественных или враж-
дебных отношений между нациями и государствами роль социально-пси-
хологических факторов в отдельных случаях не менее важна, чем эко-
номических или политических. Поэтому, например, великодержавные
концепции Ю. Пилсудского и особенности его внешней политики в ре-
гионе после окончания первой мировой войны не поддаются глубокому
объяснению без специального рассмотрения польского «национализма» как
психологического комплекса и его преломления в массовом сознании до
уровня «бытовой» идеологии, без исследования и учета психологии поль-
ской нации.

Сам процесс образования малых и средних государств и влияние на него различного рода внешних факторов (будь то буржуазные революции в Германии или Австро-Венгрии, Февральская или Октябрьская революции в России) также, по-видимому, был бы раскрыт и понят не полностью без обнаружения симптомов того гипертрофированного массового сознания народов этих государств, в котором большую роль могли играть подсознательные элементы коллективного переживания своей особой национальной судьбы или, иначе говоря, многовекового переживания национальной трагедии как трагедии личной. На переломном этапе это составило, надо полагать, одну из важных «горизонтальных» сил сцепления общества — некий «дух национального родства». Другими словами, этот процесс был бы раскрыт только лишь «сверху» без выяснения особенностей восприятия коллективным сознанием различных идеологий, а отсюда, например, содержания и соотношения в нем национального и интернационального. Исследуя эту область (наше знание о которой, конечно, может только лишь колебаться в тех или иных границах достоверного, т. е. именно на уровне выявления «симптомов» и «особенностей»), можно было бы намного плодотворнее обнаружить сам комплекс причин и следствий данного процесса как нерасторжимого целого; тот комплекс, изъятие из которого отдельных составляющих его элементов и их фетишизация неизбежно привели бы к упоминавшейся выше схематизации живой картины истории.

Многовековая практика национального гнета и национальной вражды не могла не отразиться на природе национальных чувств, сознании и исторической памяти угнетенных народов. Сложившиеся стереотипизированные представления о государствах-завоевателях переносились массовым сознанием этих народов на нации-завоеватели. Нельзя не отметить, что этому способствовала и националистическая пропаганда тех классов, которые оказались у власти. Но почему так быстро она достигала своей цели? Ведь в ее результате националистические элементы сравнительно легко были активизированы в самых широких социальных слоях: идеи национальной исключительности и регионального этноцентризма довольно сложно переплетались со спецификой религиозных убеждений и элементами классового интернационализма и т. п.

Применение новых исследовательских методов будет способствовать, я думаю, не только проведению более тонкого анализа всех этих случаев, но и известным общим положением, но и значительному расширению круга источников, на которые раньше не обращалось внимания.

Р. П. Гришина. Это новая область для нас как исследователей, куда мы практически еще не пытались заглянуть. Все, что касается национального характера, массового сознания, изучать необычайно сложно, но необходимо для того, чтобы представить, чем для каждого народа было приобретение государственной самостоятельности.

А. И. Пущкаш (д-р ист. наук). Возникает вопрос, можно ли найти материал для социально-психологических характеристик?

О. Ю. Тарасов. Можно. Как раз при современном положении с архивными фондами, многие из которых все еще закрыты для нас, этот подход должен расширить круг источников за счет мемуаристики, художественной литературы, публицистики. Я думаю, что эти материалы есть и нужно внимательно их изучать.

И. И. Поп (канд. ист. наук). Действительно, такие материалы почти не исследовались, национальная и социальная психология не сопоставлялись. Между тем русскую, например, публицистику можно считать зеркалом национальной психологии. То же, очевидно, можно сказать о публицистике других стран.

А. К. Кавко (канд. ист. наук). Хотелось бы поддержать прозвучавшую идею о необходимости большего внимания исследователей к вопросам исторической антропологии и, расширяя проблему, к этнологии вообще. Тем

самым глубже вскрывались бы взаимосвязи между этническим и социальным в развитии народов. Меня, например, убеждает точка зрения некоторых ученых об этносе как феномене биосферы, на который социальные законы так или иначе влияют, но не предрешают его судьбы. Значит, и национально-освободительные движения, усиливаемые, подталкиваемые социальными противоречиями и конфликтами, ими тем не менее не исчерпываются. Реальные события 1918 г. и последующих лет, связанные с образованием самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе, это наглядно, подчас довольно драматически, подтвердили. В то время славянские страны и народы, добываясь политической независимости, переживали своего рода этно-исторический подъем, может быть, пик своей «пассионарности» (термин Л. Гумилева), общественно-духовные ресурсы, «национальная» энергия для которого интенсивно накапливалась на протяжении всего предшествующего XIX столетия, известного в истории большинства этих народов как эпоха национального возрождения.

В факте образования или воссоздания государств в упомянутом регионе, как, впрочем, и на бывших окраинах царской России (Прибалтика, Белоруссия, Украина, Закавказье), и проявилась историческая необратимость объективного процесса самоопределения наций, считаться с которым и учитывать который в революционной практике настойчиво призывал В. И. Ленин, отмечая как несостоятельные попытки левых коммунистов противопоставить социальное самоопределение пролетариата, трудящихся национальному самоопределению народа как таковому.

Уже тогда в практике революционной борьбы пролетариата обнажилась и обострилась проблема сочетания классово-пролетарских и общенациональных задач. И среди политического авангарда рабочего класса далеко не везде, не сразу, не просто появилось понимание необходимости и, особенно, всей сложности этого сочетания. Проблема эта во всем своем многообразии, со всеми присущими ей противоречиями до сих пор понастоящему не осмыслена отечественной историографией; многие же философские работы на сей счет страдают недостаточным историзмом, схематичностью. А между тем глубоко научное объяснение этой проблемы, на мой взгляд, многое прояснило бы в драматизме социалистических революций, строительства нового общества в странах славяно-балканского ареала.

И. С. Яжборовская (д-р ист. наук). Я остановлюсь на вопросе о внутренних предпосылках буржуазно-демократических преобразований в странах региона. Кроме территориальной и культурно-исторической близости страны обладали общими признаками «второго эшелона» капитализма и целым комплексом свойственных этому региону черт: сходной социальной и экономической структурой; приблизительно одинаковым удельным весом господствующего капиталистического способа производства; иной, чем в Западной Европе, разновидностью становления капитализма, зависящего от иностранного капитала, нередко функционировавшего в рамках социально-экономических систем, тормозивших его развитие и способствовавших сохранению многоукладности; своеобразием жизнедеятельности политических механизмов, навязываемым режимами трех монархий — Австро-Венгерской, Германской и Российской или несшим на себе следы политических отношений периода Османской империи.

Типичными для региона признаками «второго эшелона» капитализма были также: более позднее начало промышленного переворота (вторая половина XIX в.), приближение его к периоду перерастания капитализма в его высшую стадию; переход к империализму в условиях незавершенности буржуазно-демократических преобразований, сохранения значительного объема пережитков феодализма, многонациональных государств и национального угнетения.

С переходом капитализма в империалистическую стадию эти территории оказались в фокусе противоречий великих держав. Стремление последних ускорить передел мира было чревато реальной опасностью для «малых» народов Центральной и Юго-Восточной Европы, для решительной

демократической перестройки, расчистки как наследства феодализма, так и деформированных, запутанных отношений экстенсивного капитализма.

Ввиду сложного переплетения в странах на востоке Европы объективных задач разного порядка на первое место выдвигались вопросы их демократизации — установления республиканского строя, завоевания политических свобод, ликвидации помещичьего землевладения и инационального гнета, разумеется, в разной мере. Характерной чертой было развитие демократических движений: «здесь именно XX век особенно развил буржуазно-демократические национальные движения и обострил национальную борьбу» [1, т. 27, с. 260]. В дооктябрьский период В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что революционный процесс в этой части Европы в силу объективных условий будет развиваться сложнее и многоступенчатее, что здесь подход к социалистической революции лежит через необходимость решать в первую очередь задачи довершения буржуазно-демократических преобразований [1, т. 27, с. 260—261].

Препятствием на пути прогрессивного общественного развития ряда наций Центральной и Юго-Восточной Европы было недемократическое политическое устройство — как Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, так и, хотя в меньшей степени, балканских стран (конституционных монархий). Демократизация политического режима, связываемая у ряда народов с назревшим требованием национального освобождения, воспринималась массами во всех странах региона как первоочередная задача. Бурно развивавшееся крестьянское движение свидетельствовало о необходимости решать аграрный вопрос. Крестьянство было одной из основных движущих сил назревавшего революционного процесса.

Классовые антагонизмы часто переплетались с национальными: борьба за землю, за ликвидацию остатков феодализма одновременно являлась борьбой против господства помещиков угнетающей нации. Хорватского, словенского и боснийского крестьянина угнетал австрийский или венгерский помещик. В Словакии преобладали венгерские магнаты. В польских землях, входивших в состав Германии, помещик был, как правило, немцем. В Чехии значительной частью фольварков владели немцы, в румынских землях — немцы и венгры. На фабриках хозяин и администратор также нередко принадлежали к господствующей нации.

В. И. Ленин понимал, что все эти назревшие противоречия требовали своего разрешения. И накануне первой мировой войны, и в ее ходе, и в послеоктябрьский период В. И. Ленин неуклонно выделял этот регион. Он неоднократно указывал, что в силу действия закона неравномерности развития капитализма здесь на первое место выдвигаются демократические задачи, задачи «довершения... буржуазно-демократического преобразования», свержения национального гнета [1, т. 27, с. 260—261; т. 30, с. 88, 111].

В 1916 г. В. И. Ленин, представляя себе грядущее развертывание революционного процесса, писал: «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд демократических и революционных*, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [1, т. 30, с. 112]. И далее он подчеркивал, что «на всем востоке Европы» как правило «...еще есть *объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета*», что в ходе развития революционного процесса неизбежно «... „действие“ национально-угнетенного пролетариата и крестьянства *вместе с национально-угнетенной буржуазией против угнетающей нации...*» [1, т. 30, с. 111—114].

Рабочий класс — авангард национально-демократических революций не сумел стать их гегемоном.

Р. П. Гришина. В разговоре о роли различных классов и социальных групп, их политических представителей в борьбе за национальную государственность некоторые моменты нужно подчеркнуть специально. Дело

в том, что среди большей части буржуазных деятелей чешского, польского, венгерского происхождения, а также из югославянских земель Австро-Венгрии, пока шла мировая война имела хождение концепция решения национально-государственного вопроса в форме автономии в составе Австро-Венгерской и Российской монархий, возможно реформированных, но не более того. И именно общественная активизация революционных и демократических сил была одним из факторов, способствовавших изменению позиции лидеров буржуазных партий. Выступления народных масс, вначале преимущественно стихийные, но постепенно становившиеся все более политически осознанными и мотивированными, не только дестабилизировали обстановку, но со всей очевидностью свидетельствовали о готовности трудящихся отстаивать свои национальные права, добиваться освобождения от социального и национального гнета, бороться за собственную государственность. Тогда-то польские, чешские и югославянские буржуазные партии поспешили взять знамя борьбы за национальную государственность в собственные руки. Тем самым буржуазия стремилась уменьшить размах массового освободительного движения и одновременно облегчить себе условия для создания своих, буржуазных органов власти, чтобы опередить в этом отношении трудящихся.

И. И. Поп. Стало аксиомой утверждение о решающем влиянии Октябрьской революции на развитие национально-освободительного движения в Центральной и Юго-Восточной Европе и определяющем влиянии ее на возникновение здесь новых государств. Мне кажется, что следует раскрыть значение и Февральской революции 1917 г. в России для стран и народов региона. Февраль оказался как бы в тени Октября. Но ведь именно Февральская революция продемонстрировала реальную возможность падения деспотического монархического режима, казавшегося неизменным. Крушение одной из крупнейших империй оказало огромное влияние на все слои населения в Центральной и Юго-Восточной Европе, возбудило надежды у угнетенных народов на свое освобождение и побудило их к политической активности.

Внимательно следила за развитием событий в России польская, чешская, словацкая и югославянская буржуазия, видевшая в лице Временного правительства своего политического союзника. При этом следует учесть, что, например, буржуазия угнетенных народов Австро-Венгрии обладала большим политическим опытом, чем русская буржуазия, большей способностью маневрировать. Она училась на ошибках русской буржуазии, потерявшей власть в Октябре 1917 г., и, как мы видим из последующих событий в Дунайской монархии в 1918 г., стремилась не повторить их. Развитие же национально-освободительного движения в монархии Габсбургов давало буржуазии шанс направить борьбу народных масс в национальное русло и тем самым избежать социального взрыва. Положение буржуазии стран Центральной и Юго-Восточной Европы в народной революции напоминало то, о котором писал В. И. Ленин в отношении русских буржуазных либералов, характеризуя их позицию в первой русской революции: «Вынужденные строить свою деятельность (или свои политические гешефты, вернее сказать) на почве данных, фактически складывающихся отношений, либеральные буржуа начали приходить к необходимости признать революцию. Они делают это не потому, что они не революционеры... Они делают это по нужде и против воли, со злобой видя успехи революции... Природные торгаша, они ненавидят борьбу и революцию, но обстоятельства заставляют их встать на почву революции, ибо иной почвы нет под ногами» [1, т. 11, с. 116]. Помня уроки Октября, буржуазия своевременно включила в свою программу и социальные лозунги: осуществление аграрной реформы, 8-часового рабочего дня, улучшение системы социального обеспечения и т. д. Буржуазии удалось внушить широким массам мысль о том, что социальные проблемы будут решены с обретением национальной государственности. К тому же для чешской, словацкой, хорватской, словенской буржуазии это не было столь болезненно, ибо самый

сложный вопрос — аграрный — она решала за счет немецких и венгерских помещиков.

Выдвижение такой программы позволило буржуазии стать политическим лидером народной революции, а реформистское руководство социал-демократии, в частности в Чешских землях и Словакии, с готовностью ей подчинилось. Левые силы в рабочем движении региона из-за своей немногочисленности не смогли сформулировать своевременно четкую программу национального и социального освобождения.

На протяжении межвоенного двадцатилетия польская, чешская и словацкая буржуазия изображалась официальной пропагандой как единственный носитель идеи национальной независимости. Достаточно вспомнить «Масариковскую легенду», «Штефаниковскую легенду», легенду о «спасителе нации Пилсудском». Но действительность была иной, более сложной. Наиболее четко это можно проследить на примере программ Т. Г. Масарика и Э. Бенеша. Уезжая в эмиграцию в конце 1914 г., они вовсе не ставили перед собой задачу борьбы за создание независимого чешского или чехословацкого государства. Они планировали информировать страны Антанты о положении в Австро-Венгрии и убедить их учесть интересы угнетенных наций монархии Габсбургов на будущей мирной конференции. И только.

Идея же государственной независимости чехов и словаков возникла летом 1917 г., т. е. опять-таки под влиянием революции в России. Притом весьма характерно, что лозунг о государственной независимости впервые прозвучал на майских митингах чешских рабочих в Праге. В дальнейшем он становится лозунгом широкого народного движения, буржуазия же его подхватывает и переводит само движение в плоскость только национальной борьбы, всячески разжигая националистический угар. Поэтому вопрос о том, быть или не быть независимыми чехословацкому, польскому и югославянскому государствам решался размахом народного движения, народной революции осенью 1918 г.; буржуазия же, захватившая в свои руки руководство этим движением, решала каким быть этим государствам. В этом отношении веление момента — национальное освобождение через национальную независимость — буржуазия поняла лучше, чем левые социал-демократы, оставшиеся на позиции преимуществ большого единого экономического целого. Однако как только буржуазия укрепляется у власти, а революционная волна спадает, носившие демократический характер конституции 1920—1921 гг. уже в 1925—1926 гг. подвергаются «корректировке» в консервативном направлении, а в некоторых государствах региона происходят перевороты, перечеркнувшие результаты народных революций.

А. И. Пушкаш. Судьбы государств Европы повернулись бы по-другому, если бы буржуазия не заняла такую позицию, как в Польше, Чехословакии, Югославии. В целом можно сделать вывод, что школа Австро-Венгрии не пошла буржуазии на пользу. Она ничего не поняла, не смогла противостоять реакции, которая постепенно приходила к власти.

Е. К. Жигунов (канд. ист. наук). В самый раз вспомнить о политической метаморфозе в поведении национальной буржуазии, которая одновременно с собственным конститутированием в независимом государстве обнажила свою классовую сущность и угнетательскую роль в отношении других наций и народов. Тому пример — великосербский унитаризм, чехословакизм (концепция единой чехословацкой нации), инкорпорация буржуазной Польшей части белорусских, украинских, литовских территорий, захват Румынией бессарабских земель.

А. К. Кавко. И эта угнетательская функция еще вчера угнетаемой буржуазии также заслуживает более углубленного внимания исследователей. Ведь здесь — помимо прочего — таится немало ответов на многие, непреодоленные до сих пор в национальном самосознании исторические мифы, стереотипы и предрассудки.

И. И. Поп. Появление целой системы малых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе внесло существенные коррективы в международные отношения, с чем вынуждена была считаться и Антанта. «Версальские миротворцы» утверждали уже фактически сложившееся в регионе положение и вынуждены были корректировать свои планы с учетом размаха и силы развернувшихся здесь национально-освободительных движений. Впервые в истории малые государства стали субъектом международных отношений. Они использовали представившиеся им возможности неудачно для себя: национально-государственные программы представителей тех классов и групп, которые заняли господствующее положение в этих государствах, оказались очень ограниченными, а сами они, в своем большинстве, недальновидными. Выдвинутые ими концепции блокообразования малых стран, «империализм слабости» у польских правящих кругов, «провинциальный империализм» у хорватов в Венгрии, «великой Румынии» — во многом противоречивы, неконструктивны, служили не столько объединению, сколько разобщенности стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

И. И. Ермолаева. Я хочу заострить внимание на конкретных моментах, когда сработала или не сработала национальная идея в чистом виде и когда она нуждалась в социальном подкреплении.

Условно национально-освободительную борьбу польского народа, как мне кажется, можно разделить на два этапа. Первый большой этап — до образования самостоятельного государства, когда, несомненно, национальные идеи стояли на первом месте. Второй этап связан со становлением нового польского государства, когда происходила все большая поляризация классовых сил и социальные идеи становилась вровень с национальными. Неслучайно в манифесте Временного правительства И. Дашиньского от 7 ноября 1918 г. наряду с провозглашением Польши независимой Народной Республикой говорилось о необходимости проведения ряда важнейших социальных реформ. Прежде всего имелась в виду национализация некоторых отраслей промышленности, аграрная реформа; были выдвинуты также лозунги об участии рабочих в управлении национализированными предприятиями, об охране труда, страховании по безработице, болезни и старости, о введении всеобщего, обязательного и бесплатного светского образования. Через несколько дней правительство И. Дашиньского прекратило свое существование, но от выдвинутых им лозунгов не смогло отказаться ни призванное Ю. Пилсудским «рабоче-крестьянское» правительство правого социалиста Е. Морачевского, ни правительство «впещартийного» И. Падеревского.

На первый взгляд, быстрота, с которой принимались декреты, касавшиеся социальных проблем, поражает, но она вполне объяснима. После 123 лет небытия восстанавливалось не какое-то абстрактное польское государство, решался вопрос о его облике, о том, каким ему быть. Следует отдать должное умелому социальному маневрированию пришедших к власти сил и лиц. Так, 22 ноября 1918 г. Ю. Пилсудский издал декрет об организации высшей власти в стране, сосредоточив в своих руках законодательную и исполнительную власть, а уже на следующий день был издан декрет, устанавливавший в Польше 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю для рабочих и служащих при сохранении прежней заработной платы. Этот декрет готовился в спешке, что называется «на злобу дня». В 1935 г. Министерство социального обеспечения, отмечая несовершенство правового акта, признало его ориентированность на успокоение трудящихся масс. Поспешность издания декрета была вызвана стремлением «временного начальника государства» показать свою заинтересованность в решении социальных проблем, обезоружить активно действовавшие в тот период Советы рабочих депутатов. Ю. Пилсудскому удалось опередить Варшавский Совет, который свое постановление о 8-часовом рабочем дне принял на день позже — 24 ноября. Хотя кровной заинтересованности у Ю. Пилсудского в немедленном проведении декрета в жизнь не было, характерно, что свое правление он начал с решения «мелко» социальных вопросов.

Трудности экономического положения Польши привели к сильной безработице: в первом полугодии 1919 г. число безработных более чем в семь раз превышало число занятых — соответственно 650 и 90 тыс. человек [2]. Прямая помощь безработным, организация общественных работ, возобновление экономической эмиграции сглаживали проблему, но ее существенное уменьшение было достигнуто лишь в ходе подготовки и ведения войны с Советской Россией. Таким образом, вновь теснейшим образом переплелись национальный вопрос (восточная граница Польши) и социальный (безработица). Экономическая подготовка к войне ускорила восстановление польской промышленности. Военные заказы стали важным средством взвинчивания конъюнктуры, ввода в строй многочисленных предприятий.

Можно привести и другие примеры тесного взаимодействия двух этих факторов и случаев сознательного использования правящими кругами рычагов для активизации действия одного из них и притупления действия другого.

Р. П. Гришина. Подведем некоторые итоги. Я думаю, мы едины в оценке прошедшего обсуждения как полезного, хотя не все вопросы получили освещение и не по всем пунктам у нас имеется одинаковое представление. Обмен мнениями развивался свободно, были высказаны свежие идеи, намечены новые подходы к исследованию интересующей нас проблемы. Симптомом времени, на мой взгляд, является большой интерес, проявленный участниками встречи к задаче углубления и расширения методологической базы наших исследований. Характерна также дискуссия, завязавшаяся вокруг вопроса об оценке роли буржуазии в процессе становления национальной государственности, стремление отойти от однозначности и прямолинейности традиционной трактовки.

Положительный резонанс вызвала постановка вопроса о соотношении социального и национального факторов в революционном процессе 1917—1920 гг., хотя в литературе эта проблематика стала освещаться сравнительно недавно. Хочу только подчеркнуть, что оба этих фактора существовали и действовали одновременно, в комплексе, но в зависимости от обстоятельств мог выходить на роль первостепенного какой-то один из них. Поскольку за национальным фактором до недавнего времени такой роли в литературе практически не признавалось, конкретные ситуации в странах нуждаются в глубоком анализе.

К сожалению, в ходе обсуждения не был затронут вопрос о позиции социал-демократических и крестьянских партий по проблемам социально-экономических и политических преобразований в годы революционного подъема, обращение к которому я также связала бы с поиском новых подходов к изучению темы образования самостоятельных государств в 1918 г., а затем и формирования их политических систем на сравнительно демократической основе. Думается, неправомерно упускать из виду, что, как правило, социал-демократические и крестьянские партии выступали в 1917—1918 гг. главными выразителями интересов трудового народа — и рабочего класса, и мелкобуржуазных масс. Это их силами в Польше, Венгрии, Чехии, в югославянских землях Австро-Венгрии пропагандировались лозунги республики, утверждения парламентского строя, немедленных демократических преобразований, аграрной реформы.

Однако, по-видимому, специалистами еще на накоплен в этом отношении достаточный фактический материал. Это обстоятельство и общий ход обсуждения поставленных вопросов свидетельствуют, что перед нами еще огромное поле деятельности, тем более, что сам круг актуальных проблем может быть значительно расширен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Landau Z., Tomaszewski J. *Gospodarka Polski międzywojenny*. T. I. Warszawa, 1967, s. 117.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА ЧССР (социально-исторический аспект исследований)

Социальную структуру социалистического общества формируют отношения, взаимосвязи и взаимодействия между различными социальными общностями (классами, слоями, группами, нациями). Ее исследование — проблема чрезвычайно широкая и многогранная. Поскольку характер социальных изменений входит в число важнейших исходных параметров при изучении общественных тенденций и определения перспектив экономического, политического и культурного развития страны, вопросы общей проблематики социальной структуры привлекают пристальное внимание ученых различных специальностей.

В материалах XXVII съезда КПСС отмечено, что для марксистско-ленинской партии «жизненно важное значение имеет анализ проблем взаимоотношений классов, общественных групп» [1]. В принятой новой редакции Программы партии есть вывод о том, что преодоление различий между классами, утверждение в нашей стране общества без классов произойдут в основном в исторических рамках первой, социалистической фазы коммунистической формации [2, с. 43]. В числе основных задач в социальной области Программа КПСС предусматривает «создание в основном бесклассовой структуры общества, стирание существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, все более органичное соединение физического и умственного труда в производственной деятельности» [2, с. 25]. Эти положения имеют принципиальное значение для научной разработки проблематики социальной структуры социалистического общества.

Несмотря на актуальность и практическую значимость изучения социальных отношений, теоретико-методологическая основа их исследования разработана недостаточно как в советской, так и в чехословацкой историографии. В известной статье А. Н. Яковлева «Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки» говорится, что ключевые вопросы развивающегося социализма надо решать с учетом опыта, как положительного, так и негативного. Вместо изучения реальной структуры социалистического общества с учетом динамики социально-классовых или внутриклассовых изменений, вместо анализа сложного и противоречивого процесса формирования социальной однородности в научных трудах обществоведов подчеркивается лишь тезис об этой однородности [3, с. 19]. Поднять теоретический уровень исследований в этой области возможно только совместными усилиями специалистов различных научных дисциплин.

О повышении роли и ответственности общественных наук на современном переломном этапе в мировом развитии и в жизни чехословацкого общества говорилось на XVII съезде Коммунистической партии Чехо-

Словакии (1986), принявшем курс на ускорение социально-экономического развития страны. Ведущие ученые ЧССР в своих выступлениях в печати по актуальным проблемам развития общественных наук, и в частности, истории и социологии, отметили, что мощным импульсом для дальнейшего развития этих наук стали Материалы XXVII съезда КПСС. В числе основных задач марксистской историографии Чехословакии называются: углубление теоретического мышления при изучении закономерностей общественного развития, преодоление позитивистской описательности, эмпиризма, более полное использование преимуществ марксистско-ленинской методологии социального познания. Особый интерес в этом плане представляют программные статьи В. Плевзы, С. Цамбела и В. Копейтко [4].

В Чехословакии первая попытка теоретического осмысления проблематики социальной структуры была предпринята в начале 60-х годов — после построения основ нового общества. Этим занялись тогда философы и социологи на конференции в Либлицах, посвященной теоретическим проблемам строительства социализма и коммунизма (1961) [5], на международной конференции социологов в Гразапах под Прагой (1964), на Первой общегосударственной конференции чехословацких социологов (1966), на специальном семинаре обществоведов Словакии по проблемам социальной структуры, состоявшемся в Братиславе (1967) [6].

Концепция социальной структуры социалистического общества в Чехословакии разрабатывалась в период, когда в общественной теории имела место переоценка достигнутого уровня классовой зрелости общества ЧССР. Понятие «общественный класс» многими обществоведами отождествлялось только с антагонистическими отношениями. «Социализм уже не знает классов и его нельзя рассматривать как общество с классовой структурой», — писал в «Философском словаре» директор Института социально-политических наук при Карловом университете в Праге П. Махонин [7]. Совместно с Б. Юнгманом он изложил философско-методологические проблемы исследований в этой области, подчеркнув, что при разработке теоретических вопросов социалистической социальной структуры целесообразно использовать положения как функционально-структурного направления в современной западной философии, так и довоенной чехословацкой позитивистской социологии [8].

В теоретической статье к вышедшему под его редакцией сборнику П. Махонин отмечал, что первейшей предпосылкой разработки концепции социальной структуры социалистического общества является решительный отказ от классового подхода к проблеме [9, s. 17]. В рецензиях советских обществоведов на эту работу отмечалось, что это первая попытка в социалистических странах создать концепцию социальной структуры нового общества. Положительно оценив поисковый характер работы, опирающейся на материалы социологических исследований и социальной статистики, советские ученые М. Н. Руткевич, М. Г. Камович, Э. А. Ораб-Оглы, В. Д. Скаржинская обратили внимание на недооценку в чехословацком обществе начала 60-х годов значения классовых различий (см. [10]).

В сформулированной под влиянием теорий неопозитивистской социологии теоретической концепции отсутствовал конкретно-исторический классовый подход к анализу общественных явлений. «При определении глобальной структуры каждого человеческого общества важно осознавать, что первичный основной круг человеческой деятельности и соответственно структурных отношений человеческого общества может быть приблизительно очерчен такими главными жизненными процессами: воспроизводством человеческой жизни в биологическом отношении, производством материальных и духовных потребительских ценностей, их потреблением, развитием человеческой личности, возникновением новых потребностей и т. д.», — писал Махонин [9, s. 22]. В следующем труде под руководством Махонина [11] концепция социальной структуры социалистического общества получила завершение. Используя структурно-функциональный метод анализа эмпирического материала с применением только профессионального критерия социальной дифференциации, авторы выделили в чехословацком обществе множество социальных групп и опи-

сали отдельные элементы социальной структуры без учета динамики их развития и взаимосвязей между компонентами этой структуры.

В те же годы в партийной печати и в научных периодических изданиях велась острая дискуссия о роли рабочего класса и интеллигенции в социалистическом обществе в условиях НТР. Наряду с нареканиями по поводу допущенных ошибок в политике руководства КПЧ по отношению к интеллигенции, настойчиво пропагандировались «элитарные» концепции о ее положении и роли в обществе. Статьи о ведущей роли рабочего класса в условиях социализма с трудом пробивали тогда себе дорогу.

После преодоления общественно-политического кризиса конца 60-х годов перед чехословацкими обществоведами встала задача комплексного исследования социальной структуры ЧССР, которая диктовалась решениями XIV съезда КПЧ (1971), проанализировавшего кризисные процессы и наметившего программу дальнейшего развития общества. Были опубликованы две коллективные работы, подготовленные соответственно Институтом философии и социологии ЧСАН и Институтом социологии САН [12; 13]. Авторы названных публикаций противопоставили структурно-функциональному методу исследования конкретно-исторический классовый анализ социальной структуры чехословацкого общества. Они рассматривали свой труд как основу для дальнейшей разработки этой принципиально важной проблематики. Значительное внимание в [12] уделено критическому разбору концепции социальной стратификации. По мнению авторов, серьезные ошибки в разработке вопросов социальной структуры в 60-е годы заключались в недооценке комплексного подхода с учетом экономических, политических и идеологических аспектов взаимоотношений между классами и социальными слоями [12, с. 25]. Ядро этой работы составил анализ изменений в социальном составе населения ЧССР, выявленных в результате конкретных социологических исследований и микроценса 1967 г. Представляют интерес данные о социальной мобильности основных классов и слоев в процессе социалистического строительства. Вместе с тем в названном труде не получил освещения вопрос о внутриклассовых изменениях. Имеются неясности в критериях выделения некоторых социальных категорий экономически активного населения. Хотя в книге обозначены основные тенденции дальнейшего развития социальной структуры, тем не менее вопросы преодоления социально-классовых различий остались недостаточно разработанными. В работе словацких ученых, также имеющей обзорный характер, на значительном фактическом материале рассматриваются изменения, происшедшие в рабочем классе под влиянием социалистической индустриализации, социальные последствия кооперирования деревни, положение интеллигенции в социальной структуре социалистического общества в Словакии. Оба названных труда, обобщившие первые результаты эмпирических исследований социальной структуры Чехословакии с позиций исторического материализма, внесли определенный вклад в изучение данной проблематики.

Одновременно в журналах «Sociologický časopis» (Прага) и «Sociológia» (Братислава) публиковались теоретико-социологические статьи Ф. Харвата, Й. Грабины, И. Гоушки, И. Грузы, Л. Забраговой и др., в которых предпринимались попытки теоретического осмысления общей проблематики социальной структуры.

Для дальнейшего исследования вопросов социальных отношений в социалистическом обществе важное значение имело постановление Президиума ЦК КПЧ 1974 г., в котором впервые была обстоятельно проанализирована роль общественных наук в ЧССР и сформулированы их задачи. Отмечалось, что чехословацкие ученые уделяют недостаточное внимание изучению социалистического общества и предусматривалось активизировать изучение социалистического строительства в Чехословакии, обобщение его опыта и характерных черт современного этапа развития. Особое внимание обращалось на разработку проблем социально-классовой структуры, и прежде всего анализ происходящих качественных изменений в ее основных компонентах — рабочем классе, кооперированном крестьянстве и интеллигенции [14].

Среди работ, вышедших в середине 70-х годов, следует назвать монографию Л. Забраговой [15] по теоретико-методологическим проблемам социально-классовой структуры в переходный от капитализма к социализму период и в условиях развития социализма. Автор обращает внимание на междисциплинарный характер предмета и одним из основных направлений дальнейшего его изучения называет социально-историческое исследование. Стержнем работы является полемика против позитивистских концепций социальной структуры. Забрагова подвергла критике структурно-функциональный метод анализа, не позволяющий рассматривать явления в исторической перспективе, с точки зрения общих и специфических законов исторического развития.

Определенный этап в исследовании социальной структуры ЧССР связан с осуществлением задач, поставленных в «Единой программе развития общественных наук», которая была принята Президиумом ЦК КПЧ в июне 1977 г. Основное внимание в программе уделено проблемам развития социалистического общества. Общественная практика требовала углубленного изучения закономерностей и критериев развития социализма. В числе основных направлений программа по-прежнему предусматривала анализ изменений в социальной структуре Чехословакии и прежде всего социального развития рабочего класса, сближения классов и социальных групп общества.

На рубеже 70—80-х годов начали появляться монографические работы о динамике социальной структуры ЧССР в целом и об ее основных компонентах. Следует отметить работу социологов Ф. Харвата, Й. Лингарта и Й. Вечерника [16]. В книге впервые предпринята попытка соединить статистико-социологический системный анализ со сравнительно-историческим. Исследование предваряется кратким историческим очерком развития социальной структуры Чехословакии на протяжении более чем 50 лет, при этом характеристика классовой структуры буржуазной ЧСР служит основой для сравнительного анализа социальных структур капиталистического и социалистического обществ. Сравнительно-исторический подход используется авторами и при рассмотрении изменений в социальной структуре стран социалистического содружества — НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР и СССР, что позволило выявить общие и специфические черты изменений, происшедших к началу 70-х годов.

В центре внимания исследования — теоретико-методологические аспекты социалистической социальной структуры Чехословакии. Авторы считают, что поскольку социальную структуру общества создает диалектика социальных сил и отношений, то социалистическое общество следует рассматривать в системном единстве экономического, социального, политического и культурного развития. В работе дана периодизация изменения социальной структуры, рассмотрены ее компоненты, динамика изменений рабочего класса, кооперированного крестьянства и интеллигенции. Процессы внутриклассовых изменений и социально-профессиональной дифференциации освещены как составная часть интеграционных процессов в обществе.

Во главу угла поставлен анализ рабочего класса как ядра социальной структуры чехословацкого общества и ее главной воспроизводственной базы. Авторы рассматривают важнейшие слагаемые социального развития рабочего класса: сдвиги в его отраслевой структуре, рост образованности и квалификации. Ставится вопрос о его социально-генетических связях с крестьянством и интеллигенцией, а также о преодолении классовых различий по характеру труда, уровню образования, условиям жизни и т. д.

Проблемы, поставленные в этой работе, получили более углубленную проработку в монографии Ф. Харвата [17]. Помимо основных элементов социальной структуры в книге рассматриваются демографические группы — положение женщин в социалистическом обществе, структура молодежи и ее роль в процессах воспроизводства социальной структуры, социальная характеристика лиц пенсионного возраста. Эта книга стала

этапной в исследовательской деятельности Ф. Харвата — одного из ведущих чешских социологов.

Результаты теоретических и эмпирических исследований социальной структуры общества ЧССР обсуждались на конференциях социологов и на заседаниях, посвященных общей проблематике строительства социализма. Наиболее представительной из них явилась организованная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПЧ и редакцией журнала «*Nová mysl*» научная конференция «Теоретические проблемы развитого социализма» [18].

Поворот чехословацких обществоведов к систематическому научному изучению вопросов социальных отношений привел к появлению социально-философских и социально-исторических работ о социалистическом рабочем классе [19—24]. Этой проблематике посвящен и сборник статей «Рабочий класс в процессе социалистического строительства» [25].

Анализ качественных изменений — в центре внимания проблемных статей А. Квасничковой [26], В. Кухаржовой [27], Я. Шандеровой [28]. Прослеживается развитие внутренней структуры рабочего класса в аспекте межпоколенной мобильности, его социально-профессиональная дифференциация, социокультурные характеристики рабочих. Авторы обращают внимание на противоречия процессов социально-профессиональных перемещений и роста образовательного и культурно-технического уровня рабочего класса.

В конце 70-х — начале 80-х годов появились труды чешских и словацких историков, посвященные основным классам и социальным слоям общества [29—31]. Монографии [29] и [30], хронологически охватывающие период перерастания национально-демократической революции в социалистическую, служат отправным пунктом социально-исторического исследования. В них политическая активность рабочего класса раскрывается в органической взаимосвязи с его социальным развитием. О. Фельцман рассматривает гегемона революционного процесса в Чешских землях в двух аспектах — его борьбу за победу социалистической революции и изменения в самом рабочем классе в результате революционных преобразований 1945—1948 гг. Подобный метод применен А. Габалем [32] в исследовании положения и роли рабочего класса ЧССР в один из сложнейших периодов развития общества в 60-е годы. Автор рассматривает политическую и производственную активность рабочих во взаимосвязи с их внутренними изменениями в рамках социальной структуры общества.

Крестьянская проблематика разрабатывается в ЧССР в рамках комплексного исследования аграрной политики КПЧ в период социалистического строительства. Начиная с 1982 г. вышли в свет пять тематических сборников статей под редакцией известного словацкого историка С. Цамбела. Название первого из них стало общим заглавием всего издания; осуществленного на базе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПС в Братиславе [33].

Один из этих сборников [34] специально посвящен социальным последствиям социалистического преобразования деревни. Отличительной чертой сборника является междисциплинарный характер исследования эволюции крестьянства в Чехословакии, главным образом, в период строительства основ социализма. Его авторский коллектив состоит из историков, экономистов, философов, социологов и этнографов. Проведенный ими анализ экономических, политических, культурных и психологических аспектов процесса формирования класса кооперированного крестьянства дополняется региональными исследованиями проблематики. Содержащиеся в сборнике статьи можно подразделить на четыре группы. Первую из них составляют работы В. Бауха, Л. Слезака, Л. Шпирка, М. Штефанского, В. Янаша и Ш. Мозола об изменениях в социально-классовой структуре сельского населения и формировании класса кооперированного крестьянства в 50-е годы. Следующая группа включает статьи об отдельных категориях крестьянства — среднего (Л. Копейткова) и зажиточного (В. Кркошка и П. Зеленек). Три статьи (Л. Маликовой, Я. Ордопча и В. Дракслера) посвящены изменениям в образе жизни

сельскохозяйственного населения в результате коллективизации. И, наконец, четвертую группу составляют исследования о социальных последствиях кооперирования деревни в отдельных районах страны. Коллективу авторов книги удалось создать оригинальное исследование, обобщившее результаты изучения различных аспектов социального развития чехословацкого крестьянства в 50-е годы.

Социальные последствия индустриализации сельского хозяйства ЧССР в 60-е и особенно в 70-е годы рассматриваются в монографии З. Ламсера и И. Суры [35] и сборнике статей [36]. В этих работах прослеживается, в частности, влияние научно-технического прогресса и агропромышленной интеграции на социально-профессиональную структуру занятых в сельскохозяйственном производстве. Получили освещение вопросы взаимоотношений двух основных классов общества ЧССР, прежде всего в аспекте формирования социальной однородности [37].

Сближение рабочего класса и крестьянства в рамках процесса стирания существенных социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней стало одной из довольно интенсивно изучаемых областей в общей проблематике социальной структуры. Вместе с тем сложности и противоречия этого процесса не нашли пока адекватного отражения в работах чехословацких обществоведов.

В разработку вопросов развития социальной структуры села существенный вклад вносят ученые Словакии. Так, социально-экономические аспекты преобразования кооперированного крестьянства плодотворно разрабатывает В. Баух [38]. В журнале «Sociológia» систематически публикуются статьи о различных аспектах влияния НТР на изменение характера аграрного труда, о динамике внутриклассовых изменений в кооперированном крестьянстве, о его социокультурном развитии. Представляет интерес в этом плане подборка статей в специальном номере журнала, посвященном 35-летию принятия Закона о Единых сельскохозяйственных кооперативах [39, 1984, с. 2].

Исследование социальных последствий НТР приобретает все большее значение при анализе качественных изменений в социальном облике работников, занятых преимущественно физическим или умственным трудом. Первой серьезной попыткой изучения в ЧССР социальных аспектов научно-технического прогресса явилась коллективная монография чехословацких и советских философов [40]. В работе предпринят комплексный анализ целостной марксистско-ленинской концепции НТР и ее развития в различных социально-экономических системах. Авторы пришли к выводу, что в отличие от капиталистического пути существует специфический социалистический путь развития НТР: от революционных изменений в науке и технике через изменения в структуре производительных сил и в характере экономического развития, в содержании труда — к формированию всесторонне развитой личности.

В последнее десятилетие чехословацкие обществоведы переходят к теоретическим и практическим исследованиям сферы комплексного управления социальными процессами в условиях научно-технического прогресса [41]. Важной предпосылкой этой деятельности явились проводившиеся в 1978 г. и 1984 г. в государственных масштабах широкие социолого-статистические исследования современного состояния социальной структуры общества ЧССР и тенденций ее развития. Их результаты используются как в общественной практике, так и в теоретических обобщениях чехословацких ученых. Так, на состоявшейся в конце 1984 г. конференции обществоведов Словакии «Современное состояние общества ССР и перспективы его развития» с основным докладом выступил один из ведущих словацких историков В. Плевза [39, 1985, с. 5]. В центре внимания участников этой конференции были вопросы совершенствования экономической структуры, политической системы, социально-классовых отношений.

Наряду с разработкой вопросов социального развития рабочего класса и кооперированного крестьянства и взаимоотношений между двумя общественными классами развивалось, хотя и с отставанием, исследование интеллигенции ЧССР: ее положения и роли в обществе, социально-

профессиональной структуры, тенденций воспроизводства, сближения технической интеллигенции с рабочим классом. Этими вопросами занимаются социологи, включающие в социальную категорию интеллигенции специалистов высококвалифицированного труда, имеющих высшее и среднее специальное образование (чехословацкая социальная статистика оперирует категорией «интеллигенция и служащие», которая охватывает лиц, занимающихся преимущественно умственным трудом).

Наиболее изучена пока научно-техническая интеллигенция — ей посвящена единственная, вышедшая в Чехословакии, монография К. Сливки [42]. Значительное внимание уделяется проблемам взаимоотношений интеллигенции с рабочим классом. Изучение этих вопросов ведется как в теоретико-социологическом аспекте [43], так и посредством конкретных социологических исследований. В конце 70-х годов проводились специальные разработки на тему: «Сближение рабочего класса и интеллигенции», результаты которых дали возможность анализировать качественные изменения, происходящие в пограничных слоях этих самых многочисленных социальных групп общества ЧССР. На основе результатов социологических исследований под руководством Р. Рошко подготовлена коллективная монография [44].

По сравнению с «триадой» гораздо менее изученными или не исследованными вовсе остались средние городские слои. Определенные шаги в этом направлении были сделаны в ЧССР в 60-е годы [45]. После почти двадцатилетнего перерыва молодые ученые Чехословакии вновь обращаются к проблеме социалистического преобразования мелкотоварного сектора в городе [46].

Понятие социальная структура социалистического общества в широком смысле охватывает, как известно, помимо основных структуроформирующих компонентов — рабочего класса, кооперированного крестьянства, интеллигенции — и социальных связей между ними, также другие структурные элементы — служащих, кооперированных ремесленников и торговцев, мелких частных, лиц свободных профессий, различные переходные, промежуточные социальные группы, слои и прослойки. Социальная структура общества включает и национальные общности (нации и народности) и демографические группы (женщины, молодежь, пенсионеры и т. д.).

Среди перечисленных структурных элементов наибольшее внимание уделяется проблемам молодежи. Серьезный интерес к ее изучению проявился в ЧССР после событий 1968—1969 гг., в которых часть молодежи (студентов, учащихся средних школ и молодых рабочих) выступила на стороне оппозиционных сил: разрабатывались вопросы положения в социалистическом обществе студенчества и трудящейся молодежи, их трудовая и общественно-политическая активность, влияние научно-технического прогресса на молодое поколение, проблемы коммунистического воспитания молодежи и ее взаимоотношений с КПЧ. Большое внимание уделялось анализу кризиса чехословацкого молодежного движения в 60-е годы. В связи с I съездом Социалистического союза молодежи Чехословакии (октябрь 1972 г.) журнал «Sociológia» посвятил один из своих номеров (№ 5) публикации первых результатов социологических исследований и теоретических обобщений на тему: «Социалистическое общество и молодежь». Спустя два года была опубликована книга очеркового характера руководителей молодежного движения О. Чмолика и И. Варголика [47], в которой предпринималась попытка охарактеризовать социальный облик современной молодежи ЧССР.

С середины 70-х годов исследование положения и роли молодежи в обществе проводится в контексте изучения социальной структуры. Среди многочисленных работ, вышедших за это время, следует назвать статьи И. Махачека [39, 1979, с. 4]. В поле зрения находятся вопросы эффективности профессиональной подготовки рабочей молодежи в условиях структурных изменений экономики, формирования социопрофессиональной ориентации студенчества и другие проблемы, связанные с социальными перемещениями внутри современной молодежи [48].

Огромное влияние на всю систему социальных отношений в многонациональном государстве оказывает национальное своеобразие развития социальной структуры. Исследование этой проблемы должно способствовать определению наиболее эффективных путей социального развития наций, сочетанию общегосударственных и национальных интересов в решении актуальных проблем строительства социализма.

При всей своей значимости историко-социологическое изучение процессов, происходящих в социальной структуре чешской и словацкой наций, началось в Чехословакии лишь после перехода к федеральному государственному устройству в 1969 г. Основой для анализа процессов преодоления социальных различий между двумя основными нациями ЧССР послужили уже опубликованные исследования, в которых рассмотрены социальные изменения в обществе ЧССР и социальное развитие Словакии в период социалистического строительства. Теоретическая постановка вопроса о роли национального компонента социальной структуры, о диалектике взаимосвязи классовых и национальных отношений в ЧССР содержится в работах В. Плевзы, Ф. Харвата, Ф. Зиха, В. Бауха, И. Гутиры и др. [49]. При этом они опираются на выводы XV (1976) и XVI (1981) съездов КПЧ о преодолении значительных различий в уровнях развития экономической, политической и культурной жизни народов Чехословацкой Социалистической Республики. По мнению некоторых словацких обществоведов, в ЧССР проявляется тенденция возникновения новой социальной и интернациональной общности — чехословацкого социалистического народа как качественно нового типа единства граждан страны [50].

Одновременно с преодолением межклассовых различий в ходе развития социализма все более ощутимой становится значимость социально-профессиональной дифференциации населения по характеру и содержанию труда: «умственный — физический», «квалифицированный — неквалифицированный», «организаторский — исполнительский». Процессы дифференциации чешской и словацкой наций по этим социальным показателям еще ждут своих исследователей.

В 80-е годы в общей проблематике социальной структуры появились специальные исследования о динамике социальной мобильности и демографических процессов как факторах развития социальных отношений [51].

Если основные направления социальных перемещений между поколениями в ходе социалистического строительства уже являлись предметом изучения (как социальные источники формирования пополнений рабочего класса, кооперированного крестьянства и интеллигенции), то социальные перемещения внутри поколения все еще остаются мало исследованной областью воспроизводства социальной структуры. А между тем социальная значимость изучения интрагенерационной мобильности очень велика, так как имеет прямой выход на социальную политику.

Таким образом, чехословацкими обществоведами уже накоплен значительный фактический материал, позволивший анализировать количественные и качественные изменения в социальном составе общества на всех этапах строительства социализма в ЧССР. В монографических работах в той или иной мере рассмотрены компонентный состав чехословацкого общества в целом и отдельно Словакии (главным образом социально-классовая структура), соотношение классов и слоев в нем, показана динамика развития основных элементов этой структуры. Исходным принципом научного анализа большинства работ является конкретно-историческое исследование общественных явлений. Авторы применяли социологостатистический и сравнительно-исторический системный подход к освещению темы.

Обобщающие результаты социально-исторического изучения социальной структуры общества ЧССР и теоретического осмысления проблематики социальных отношений нашли определенное отражение в труде коллектива авторов Института чехословацкой и всемирной истории ЧСАН [52], а также в книге В. Плевзы и А. Габала [53]. В первой из названных работ на широком международном фоне прослеживаются преобразования

в экономической, политической, социальной и духовной жизни общества Чехословакии с начала национально-демократической революции до середины 80-х годов. Отличительной особенностью этого синтетического труда и его достоинством является специальное освещение социальных отношений (автор соответствующих разделов О. Фельцман). Периодизация развития социальной структуры дана в соответствии с этапами социалистического строительства в Чехословакии.

Степень разработанности отдельных областей этой проблематики сказалась и на освещенности вопросов социального развития общества ЧССР в [52]. Наиболее обстоятельными представляются разделы о социально-классовых отношениях на этапе перерастания национально-демократической революции в социалистическую и в период строительства основ социализма в ЧССР. 60-е годы рассматриваются с точки зрения соотношения классов и социальных слоев. А изменение социальной структуры в 70-х — первой половине 80-х годов, к сожалению, не получило еще специального освещения. Проблематика социальных отношений этого периода сведена к повышению жизненного уровня населения.

Период 70-х — первой половины 80-х годов в развитии чехословацкого общества составляет хронологические рамки исследования [53], в котором есть раздел «Основные тенденции развития социально-классовой и национальной структуры». В центре внимания авторов этого труда — проблемы сближения рабочего класса, кооперированного крестьянства и интеллигенции как определяющей, по их мнению, тенденции развития социальных отношений на современном этапе. В работе прослеживается динамика качественных изменений в социальном облике основных классов и слоев общества ЧССР, содержится теоретическая постановка вопроса о формировании его социальной однородности.

Отмечая результаты исследования в чехословацкой историографии проблематики социальной структуры, вместе с тем надо констатировать, что роль социальных сил и механизмов в планомерном ее совершенствовании в условиях развивающегося социализма показана недостаточно. Не получила пока должного освещения взаимосвязь между политическими, культурно-идеологическими и социально-классовыми процессами в обществе. Все это, как и раскрытие неантагонистических противоречий в развитии социальной структуры ЧССР на отдельных этапах социалистического строительства — еще впереди.

Новые исследовательские задачи в области разработки вопросов социальных отношений названы, в частности, в выступлениях президента Советской социологической ассоциации академика Т. И. Заславской. В беседе с корреспондентом газеты «Известия» о формировании социального самосознания человека в процессе перестройки всех сфер общества, Т. И. Заславская обратила внимание на проблему интересов различных общественных групп. Было подчеркнуто, что речь идет не только о структурной формуле «два класса и один слой». В обществе развивающегося социализма закономерно усложняется его социальный состав: «Усложнение, дифференциация общества, с одной стороны, усиливают многообразие „мозаики“ групповых интересов, а с другой — требуют специальной работы, направленной на усиление общности интересов всех слоев и групп, которая обеспечивает их сплочение, а значит и способность ставить крупные цели и достигать их» [54]. Положение о борьбе интересов — групповых, коллективных — как о естественном, полезном процессе, который один только и может обеспечить реализацию общественных интересов, углубляет представление о социальной структуре социалистического общества, включающей противоречия и динамизм многообразных интересов его различных слоев и групп.

Такая теоретическая постановка вопроса предполагает осуществление дальнейших научных исследований проблематики социальных отношений социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 50.
2. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1986.
3. Яковлев А. П. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки. — Коммунист, 1987, № 8.
4. Československý časopis historický, 1986, č. 6.
5. Základní teoretické otázky vystavby socialismu a komunismu ve světle výsledků společenských věd. Materiály konference, konané 26—29 dubna 1961 v Liblicích. Praha, 1962.
6. Dynamika sociálnej štruktúry v CSSR. Materiály z československého seminára, konaného 3—5 května 1967 v Bratislave. Bratislava, 1968.
7. Filosofický slovník. Praha, 1966, s. 463.
8. Sociologický časopis, 1965, s. 658.
9. Sociální struktura socialistické společnosti. Sociologické problémy soudobé československé společnosti. Praha, 1966.
10. Философские науки, 1967, № 1, с. 153—154; Вопросы философии, 1967, № 5, с. 166—168; Философские науки, 1967, № 6, с. 103.
11. Československá společnost. Sociologická analýza sociální stratifikace. Praha, 1969.
12. Charvát F. a kol. Sociálně třídní struktura CSSR a její vývoj v 60-ech letech. Praha, 1972.
13. Zmeny socialne triednej štruktúry Slovenska. Bratislava, 1973.
14. Vývoj, současný stav a úkoly společenských věd. — Nová mysl, 1974, č. 11, s. 1532.
15. Zahradová L. Třídní sociální struktura ve výstavbě socialismu. Praha, 1976.
16. Charvat F., Linhart J., Večerník J. Sociálně třídní struktura Československa. Praha, 1978.
17. Charvat F. Sociálně třídní struktura socialistické společnosti a její vývoj v Československu. Praha, 1980.
18. K teoretiko-metodologickým otázkám rozvinutého socialismu. — Nová mysl, 1982, duben — zvláštní číslo.
19. Formánek M. K. problematice formování a úlohy socialistické dělnické třídy. — Sociologický časopis, 1977, č. 6; Formánek M. Socialistická robotnická třída. Bratislava, 1986.
20. Hrabina J. Historické poslanie robotnickej triedy a úloha budovania socialismu. — Nová mysl, 1981, č. 2; Hrabina J. Robotnická třída. Bratislava, 1986.
21. Tašký F. Robotnická třída v procese budovania socialismu v nasej vlasti. — Sociológia, 1977, č. 1.
22. Slivka K. Robotnická třída v etape budovania rozvinutej socialistickej spoločnosti. — Sociológia, 1980, č. 5.
23. Huláková M. Realita, pojetí a výzkum dělnické třídy. — Sociologický časopis, 1979, č. 1.
24. Гулакова М., Вечерник И. Рабочий класс СССР: генезис, динамика, перспективы. — Рабочий класс и современный мир, 1981, № 2; Гулакова М., Вечерник И., Гартл Я., Шандерова Я. Социальное развитие рабочего класса СССР. — В кн. Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1985.
25. Robotnická třída v procese socialistické vystavby. Bratislava, 1978.
26. Kvasničková A. Funkcia vzdelania a kvalifikácií robotníkov ve vývoji sociálnej štruktúry socialistickej spoločnosti. — Sociológia, 1980, č. 4.
27. Kuchářová V. Špecifické a obecné ve vzdělanostně kvalifikačním rozvoje dělnické třídy v Socialistickém Československu. — Sociologický časopis, 1984, č. 6; Kuchářová V., Kuchář P. Proměny společenského postavení a uplatnění dělnické mládeže v socialistickém Československu. — Sociologický časopis, 1985, č. 5.
28. Šanderová J. Některé aspekty vývoje sociální struktury dělnické třídy v zemích socialistického společenství. — Sociologický časopis, 1985, č. 1.
29. Barnovský M. Socialne triedy a revolučne premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Bratislava, 1978.
30. Felcman O. Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce 1945—1948. Praha, 1984.
31. Vartíková M. Vedúca sila vystavby socialismu. Bratislava, 1980.
32. Gabal' A. Na rozhraní etap. K postaveniu a úlohe robotnickej triedy ČSSR v 60-och rokoch. Bratislava, 1981.
33. Kapitoly z dejín socialistického poľnohospodárstva v Československu. Bratislava, 1982.
34. Cambel S. a kol. Formovanie triedy družstevného roľníctva v Československu. Bratislava, 1984.
35. Lamser J., Sura J. Člověk v socialistickém zemědělství. Praha, 1978.
36. Dělnicko-rolnický svazek v současné etapě rozvoje socialistického zemědělství. Praha, 1977.
37. Suchánek U., Špirk L. Sbližování třídy družstevních rolníků s dělnickou třídou. Praha, 1985.
38. Bauch V. Dve etapy života slovenskej dediny. Bratislava, 1984; Bauch V. Sociálno-ekonomické aspekty vývoja socialistického poľnohospodárstva v CSSR. — Sociológia, 1984, č. 2; Sociálno-ekonomický vývoj slovenského poľnohospodárskeho obyvateľstva. Bratislava, 1986.

39. Sociológia. Bratislavéa.
40. Clověk, věda, technika. Praha, 1973.
41. *Sládek S.* Vedeckotechnická revoluce a KSC. Bratislava, 1984; *Hupčej S.* Některé problémy vedeckotechnického pokroku v ČSSR.— *Nová mysl*, 1981, č. 12; *Šíma R.* Sociálně l'udské súvislosti vedeckotechnického pokroku.— *Sociológia*, 1984, č. 6; *Landa O.* Vedeckotechnická revoluce a některé aspekty vývoje vzdělání.— *Sociologický časopis*, 1982, č. 5; *Sládek S.* K sociálně triednym súvislostiam stratégie urýchlenia.— *Teorie socialismu*, 1986, č. 4; *Hohos L.* Vedeckotechnická revolucia a intenzifikácia spoločenských procesov.— *Nová mysl*, 1987, č. 2.
42. *Šlívka K.* Vedeckotechnická inteligencia a dnešok. Bratislava, 1983.
43. *Pecen J.* Dělnická třída a inteligence.— *Nová mysl*, 1970, č. 9; *Roško R.* K metodologickým otázkám zkumania inteligencie.— *Sociologický časopis*, 1974, č. 1; *Francisti M.* K aktuálnim problémom zblížovania robotnícké triedy a inteligencie.— *Sociológia*, 1980, č. 2; *Gnothová E.* Aktuální otázky zväzku robotníckej triedy so sociálnou skupinou inteligencie v etape budovania rozvinutej socialistické spoločnosti.— *Marxismus a současnost*, 1980, č. 4; *Roško R.* K otázke prohlbovania socialistického charakteru inteligencie.— *Sociológia*, 1981, č. 2; *Gnothová E.* Prhlbovanie vedúcej úlohy robotníckej triedy vo vzťahu k inteligencie.— *Marxismus a současnost*, 1983, č. 3; *Gnothová E.* Vymedzenie sociálnej skupiny inteligencie.— *Marxismus a současnost*, 1984, č. 1; *Roško R.* K teorii zblížovania robotníckej triedy a inteligencie.— *Sociológia*, 1986, č. 2.
44. *Roško R. a kol.* Zblížovanie robotníkov a inteligencie. Bratislava, 1986.
45. *Jonák A.* 15 let československého spotřebního družstevné. Praha, 1960; *Kraus O., Radoš F.* Vývoj československých výrobních družstev. Praha, 1964; K politickým a sociálně ekonomickým přeměnám v ČSR v 1945—1953. Praha, 1967.
46. *Bálková D.* Vývoj a socialistická přestavba městského maloburžoazního podnikání v Československu. Kandidátská práce. Praha, 1985.
47. *Čmolík O., Varholík J.* Pokolení. Praha, 1974.
48. *Kuchárová V., Kuchát P.* Proměny společenského postavení a uplatnění dělnické mládeže v socialistickém Československu.— *Sociologický časopis* 1985, č. 5; *Fránek R.* Aktuální problémy formování sociálně profesionálního profilu studentů a absolventů vysokých škol v ČSSR.— *Sociologický časopis*, 1985, č. 5.
49. Narodnostní vztáhy v podmínkách federace. Bratislava, 1980; *Plevza V.* Socialistické přeměny Československa. Bratislava, 1983; *Charvat F., Zich F.* Prognóza vývoje sociální struktury z hlediska vytváření socialistických společenských vztáhů.— *Nová mysl*, 1985, říjen— zvláštní číslo; *Bauch V.* Vývoj sociální a třídní struktury národov a národností v ČSSR.— *Sociológia*, 1979, č. 3.
50. *Hutira J.* Formovanie novej sociálnej a internacionálnej jednoty l'udu.— *Nová mysl*, 1985, říjen— zvláštní číslo.
51. *Večerník J.* Některé aspekty dynamiky mobilních procesů v socialistické společnosti.— *Sociológia*, 1983, č. 3; *Večerník J., Matej P.* Vývoj sociální mobility v socialistických zemích.— *Sociologický časopis*, 1983, č. 2; *Piska L.* Vývoj demografické a sociální struktury v ČSSR.— *Sociológia*, 1980, č. 1; *Piska L.* Vzajomne pôsobenie demografických a sociálně-ekonomických mobilít a procesov.— *Sociológia*, 1980, č. 6.
52. K dějinám socialistického Československa. Praha, 1986.
53. *Plevza V., Gabal' A.* Zápas o budoucnost. Bratislava, 1985.
54. *Известия*, 1987, 20 IV.

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (унификационный закон 1933 г.)

Сформированное К. Свитальским 14 апреля 1929 г. правительство, в котором было шесть военных, вошло в историю под названием «первого правительства полковников». С ним был связан переход ко второму, после майского переворота, этапу в истории важнейшей отрасли социальной политики — социального страхования, рассмотрению которого и посвящена предлагаемая статья. Министр труда и социального обеспечения полковник А. Прыстор своими основными задачами считал уничтожение самоуправления страховых учреждений, где ведущее положение занимали представители оппозиции, главным образом связанные с ППС, и отказ от уже задуманной реформы социального страхования. В кампании по борьбе с самоуправлением больничных касс новый министр успешно использовал статью 100 закона от 1920 г. о страховании по болезни [1, 1920, № 44, poz. 242], которая предусматривала возможность приостановки деятельности касс в случае обнаружения злоупотреблений или преступлений. Министр под различными, часто надуманными предлогами, распускал органы самоуправления касс и вместо них назначал комиссаров. Он сумел таким образом к концу июня 1929 г. расправиться с органами самоуправления 13 касс, в том числе в Белостоке, Дрогобыче, Кракове, Лодзи, Петркове и других центрах [2]. Комиссар, как правило, увольнял политических противников из управленческого аппарата кассы, а на их места назначал своих людей [3, с. 321].

Ни внутреннее, ни международное общественное мнение не смогло остановить правительство в его стремлении укрепить свои позиции в учреждениях социального страхования путем упразднения самоуправления и насаждения принципа единоличного руководства. Так, в июне 1929 г. санация пошла на срыв Чрезвычайного всепольского съезда больничных касс, а в июле того же года — III съезда Международного союза больничных касс. Правительство все же отдавало себе отчет, что его действия находятся в противоречии с правом. Стремясь по крайней мере *post factum* легализовать положение комиссаров в учреждениях социального страхования, оно 29 ноября 1930 г. издало декрет об организации и функционировании института социального страхования. [1, 1930, № 81, poz. 635].

Согласно декрету, выборные правления были упразднены, сохранились лишь советы, ревизионные комиссии и комиссии по пособиям. По новому положению часть состава совета не избиралась, а назначалась. В результате представители правительства вместе с представителями предпринимателей «составляли большинство и осуществляли власть в страховых учреждениях» [3, с. 399]. Все функции, касавшиеся деятельности страховых учреждений, были переданы дирекции, которая в значительной степени зависела от правительственных комиссаров. Последние решали

вопрос не только о легальности, но и целесообразности деятельности страхового учреждения, утверждая все важнейшие постановления совета. Комиссар также имел право распускать коллегиальные органы и приостанавливать деятельность дирекции.

Пытаясь любыми средствами ослабить влияние оппозиции в сфере социального страхования, санация ввела ценз среднего образования для директоров больничных касс. Это означало, что «у сотен рабочих деятелей, многие из которых достойно вошли в историю социального страхования, отбирают возможность трудиться на постах директоров» [4]. На основании декрета была проведена централизация, уменьшившая количество больничных касс с 243 до 61. Эта мера, безусловно, имела свои положительные стороны, но осуществлялась она тогда, прежде всего, по политическим соображениям: чрезмерно большое количество больничных касс препятствовало реализации бюрократических форм надзора. В 1932 г. была проведена дальнейшая централизация путем упразднения окружных союзов больничных касс. В качестве координационного центра был оставлен Союз больничных касс в Варшаве.

В рассматриваемый период усилилось и наступление предпринимателей на социальное страхование. «Чрезвычайное положение, вызванное кризисом, требует исключительных средств и даже определенных жертв. Эти жертвы приносят все области экономической и общественной жизни; ничего удивительного, что может быть затронута и область социального страхования», — лицемерно рассуждал Центральный союз промышленности, торговли, горного дела и финансов («Левиафан») в своем отчете о деятельности в 1930 г. [5]. Выступая против социального страхования, предприниматели и их идеологи свою аргументацию основывали на том, что высокие страховые взносы якобы оказывают неблагоприятное воздействие на себестоимость продукции, вызывают увеличение цен, а следовательно, ведут к сужению внешнего и внутреннего рынков; уменьшение же рентабельности предприятий тормозит развитие промышленного производства.

Реформисты указывали на неизбежность развития института социального страхования. Они считали, что страхование при наличии большого числа безработных становится, по меньшей мере временно, экономической основой существования значительной части населения, доказывали, что капиталы, сосредотачивавшиеся страховыми учреждениями, не замораживались, что в таком экономически развитом государстве, как Франция, кризис привел не только к сохранению, но и улучшению системы социального страхования, а в США — к изданию общенационального закона о социальном обеспечении, который положил начало обязательному социальному страхованию американских рабочих. Важное место в аргументации защитников социального страхования занимали идеи классовой солидарности во имя национальных интересов [6].

Реформируя социальное страхование, польское правительство ставило перед собой следующие задачи: покончить с самоуправлением в больничных кассах, где ведущие позиции, несмотря на действия А. Прыстора и декрет от 30 ноября 1930 г., по-прежнему занимали оппозиционные политические деятели; преодолеть финансовые трудности в системе социального страхования с тем, чтобы если не сократить, то заморозить размер дотаций на страхование из казны; провести унификацию социального страхования в масштабе всей страны. Законопроект о реформе социального страхования был внесен на рассмотрение сейма в конце февраля 1932 г. Одновременно правительство предложило сейму еще три законопроекта: об отпусках, продолжительности рабочего времени и о страховании по безработице. Они были преподнесены в качестве компенсации «хозяйственным сферам» за согласие на изменение социального страхования. Министр труда и социального обеспечения С. Хубицкий, выступая 7 марта 1932 г. на заседании сейма, заявил: «Правительство в целом и лично я, как министр труда и социального обеспечения, были поставлены перед альтернативой: отложить на какое-то время введение пенсионного страхования рабочих или ввести его, сократив одновременно другие виды социальных

платежей. Учитывая несравненно большую ценность пенсионного страхования, я избрал второй путь» [7, с. 101]. Этот политический маневр правящего лагеря никого не обманул. Проект закона, «унифицирующего» социальное страхование, вызвал необычайно острую критику. Центральная комиссия профессиональных союзов охарактеризовала его как «циничный подарок капитализму с целью спасения его от грозящего банкротства за счет интересов рабочего класса» [8]. Предусматривавшаяся проектом пенсия по старости устанавливалась в размере 10% заработной платы и только через 35 лет должна была достигнуть 50%. Депутат-социалист, выступая в сейме, пророчил: «К 1967 г. ни от вас, ни от вашего ведомства социального обеспечения, ни от этого обанкротившегося строя не останется камня на камне» [7, с. 113].

Унификация социального страхования проводилась под лозунгом экономии. В первую очередь существенно пострадало страхование по болезни. Пособие должно было выплачиваться не более 26 недель (прежде — 39 недель), начиная с четвертого дня нетрудоспособности. Наряду с сокращением срока выплаты, были снижены и сами пособия: формально на 10% (с 60 до 50% заработной платы), а фактически, ввиду изменения принципа начисления, — на 18% (до 42% зарплаты). Дополнительное снижение было обусловлено тем, что закон от 1920 г. принимал во внимание только рабочие дни, а рассматриваемый закон — все дни недели. Ежедневная заработная плата делилась, следовательно, не на 6, а на 7. Еще большему сокращению подвергалось пособие по болезни в случае частичной безработицы. Кроме того, вводилась доплата за лекарства и консультации у врача. Для получения права на денежное пособие следовало иметь четырехнедельный страховой стаж. Вдвое был сокращен размер пособия по беременности и родам. Если в 1933 г. пособие по болезни на одного застрахованного составляло 73,8 зл. в год, то в 1935 г. — уже только 46,9 зл. [9, с. 295, tabl. 6].

Начавшееся еще в 1926 г. сближение санационного лагеря с крупными земельными собственниками вылилось в рассматриваемый период в полнейшую дискриминацию сельскохозяйственных рабочих: «унификационный» закон не только вновь отсрочил страхование от несчастных случаев в поместях площадью менее 30 га, но упразднил страхование по болезни сельскохозяйственных рабочих. Оно было заменено полуфеодальной системой: сельские работодатели сами должны были оказывать помощь своим постоянным (занятым более 25 дней) рабочим и членам их семей. Даже «Левиафан» оценивал введение такого положения как «фактическое уничтожение этого вида страхования в Великой и Малой Польше» [10]. В опиравшемся на результаты анкетирования издания Института общественных проблем утверждалось, что «расходы даже тех сельских работодателей, которые, как кажется, проявляли достаточную заботу, не превышали 20% прежних взносов в большую кассу» [11, с. 47]. В 1936 г. лишь третья часть сельских хозяев в Польше заключила договоры с врачами о лечении рабочих, причем 93% из них — в западных воеводствах, а около 3% — в восточных [11, с. 42]. Следует отметить, что заключение договора было лишь формальной обязанностью, на практике зачастую применялись домашние методы лечения. В «унификационном» законе говорилось об обязанности министра социального обеспечения до 1 января 1934 г. разработать проект пенсионного обеспечения сельскохозяйственных рабочих, что должно было стать «компенсацией» за упраздненное страхование по болезни. Такой проект был подготовлен и поступил в сейм, однако не рассматривался ввиду его нереальности [12].

Безработица, снижение заработной платы, сокращение сроков выплаты пособий, ликвидация страхования по болезни сельскохозяйственных рабочих привели к уменьшению общей суммы пособий в страховании по болезни: с 270 млн. зл. в 1930 г. до 114 млн. — в 1937 г. [13, с. 129].

Одновременно «унификационным» законом вводилось единое для всей страны страхование от несчастного случая на работе или профессионального заболевания. Оно было обязательным и для ряда категорий сельскохозяйственных рабочих. Это привело к росту застрахованных от несчаст-

ных случаев на 1% [14, s. 150]. Позитивным было установление минимума заработной платы, с которой насчитывалась пенсия по инвалидности: 600 зл. в год для мужчин и 480 зл. в год для женщин. Это привело к определенному увеличению самых низких пенсий. Общий рост пенсий в страховании по нетрудоспособности в связи с несчастными случаями составил 25% [14, s. 150].

Закон предусматривал, что при полной потере трудоспособности застрахованный в виде пенсии мог получать $\frac{2}{3}$ своей средней зарплаты, при частичной — соответствующую часть полной пенсии. Вдове полагалось 30%, сиротам — 20—25% средней зарплаты застрахованного. Общая сумма пенсий более дальних родственников не могла превышать 20%. Посмертное пособие равнялось месячной зарплате застрахованного.

«Унификационный» закон вводил страхование по старости. Пенсия назначалась рабочим по достижению 65-летнего возраста (для шахтеров — 60-летнего) независимо от состояния трудоспособности или при утере профессиональной трудоспособности не менее, чем на $\frac{2}{3}$. Для получения права на пенсию нужно было в течение последних 10 лет уплачивать страховые взносы 200 недель, из которых 50 — в последние три года. Законом предусматривалась также возможность приобретения права на пенсию путем уплаты 1000 еженедельных страховых взносов. Поскольку на территории восточной, центральной и южной Польши пенсий по старости ранее не было, то те лица, которым к моменту введения закона уже исполнилось 65 лет, а также лица, которые по возрасту не могли выполнить все условия, предусматривавшиеся законом, в случае, если они не имели необходимых средств к существованию и в течение последних 14 лет по крайней мере 4 года работали, по достижению 65 лет тоже получали право на пенсию [13, s. 128].

В условиях хронической безработицы, существовавшей в межвоенной Польше и особенно обострившейся в период экономического кризиса, для получения максимальной пенсии на практике (поскольку неизбежны были перерывы в работе) нужно было проработать 42—44 года, а это значило, что рабочие в своем большинстве могли рассчитывать на получение пенсии в минимальном или среднем размере [15, s. 473]. Средняя же пенсия не гарантировала даже самого скромного прожиточного минимума и имела скорее характер дополнительного дохода. Так, в 1934 г. она равнялась 20 зл. в месяц [16].

Финансовой основой страхования, как известно, являлся страховой взнос. Только в одном виде страхования, а именно — от несчастного случая, его полностью уплачивал работодатель¹. В пенсионном страховании взнос равнялся 5,2% (для шахтеров и металлургов — 5,8), из чего 3,3% (у шахтеров и металлургов — 3,6) приходилось на долю застрахованного.

Существенно была увеличена степень участия трудящихся в финансировании страхования по болезни. «В период плохой конъюнктуры возможно переложение на работающего взносов, которые в соответствии с намерением законодателя должен платить работодатель», — оправдывало эту меру министерство социального обеспечения в своем издании [17, s. 282]. Взнос в страховании по болезни стал равняться 5% зарплаты рабочего и 4,6% зарплаты служащего и уплачивался поровну застрахованным и работодателем.

---

¹ Взнос различался в зависимости от степени безопасности условий труда и гигиены на предприятии. Он подлежал изменению каждые три года с тем, чтобы отдельные группы предприятий покрывали приходившийся на их долю риск несчастных случаев и профессиональных заболеваний, определенный на основании опыта, накопленного за это время. Данное положение «унификационного» закона было подкреплено и расширено исполнительным распоряжением министра социального обеспечения от 30 декабря 1933 г. [1, 1934, № 1, роз. 2] о величине взносов за страхование по нетрудоспособности в результате несчастного случая на работе или профессионального заболевания, а также по вопросу оснований для повышения или понижения этих взносов на предприятиях в зависимости от условий гигиены и безопасности труда и распоряжением от 31 января 1938 г. [1, 1938, № 2, роз. 83], имевшим схожее название.

«Унификационный» закон предусматривал незначительное участие государства в покрытии расходов страхования: устанавливалась дотация к каждой пенсии по инвалидности в размере 24 зл. в год, а также предусматривались суммы на покрытие части дефицита страхования от несчастных случаев в сельском хозяйстве по 3 млн. зл. ежегодно в течение 20 лет [17, s. 282].

Данные министерства социального обеспечения красноречиво свидетельствуют о том, что доля предпринимателей в финансировании фондов социального страхования возросла на 0,1% лишь на территории южных, центральных и восточных воеводств Польши. В других же районах она существенно уменьшилась: в Верхней Силезии на 2,8% и в Великой Польше и Поморье — на 4,8% (доля же застрахованных возросла соответственно на 2,8% — в первом и на 1,0% — в последнем случаях [17, s. 268—269]).

«Унификационный» закон упразднил прежние больничные кассы, заменив их 67 конторами социального страхования, наряду с которыми были основаны 4 вышестоящих органа, ведавших пенсионным страхованием, страхованием от несчастных случаев, страхованием по болезни и страхованием служащих. Здание социального страхования венчалось Палатой социального страхования.

Несмотря на сокращение численности страховых учреждений и то, что «унификация» социального страхования проводилась под популярным в тот период лозунгом уменьшения расходов и введения «режима экономии», рассматриваемый закон на деле привел лишь к незначительному снижению административных расходов в системе социального страхования. В абсолютных величинах эти расходы уменьшились с 54 до 44 млн. зл. [18], т. е. на 19%, в пересчете же на одного застрахованного снижение почти не обозначилось.

Вне области действия рассматриваемого закона, несмотря на его название, осталось опиравшееся на совершенно иные правовые принципы страхование по болезни и инвалидности в Верхней Силезии, страхование по инвалидности сельскохозяйственных рабочих на территории Познаньского и Поморского воеводств, дополнительное страхование шахтеров Верхней Силезии и Домбровского каменноугольного бассейна. Отдельно продолжало существовать и страхование по безработице. Хотя издание закона и не привело к полной унификации социального страхования в масштабе всей страны, он все же действовал в этом направлении, а следовательно способствовал стиранию различий между отдельными регионами Польши, интеграции их в единый организм.

Вводя закон, правительство добивалось также полного подчинения себе института социального страхования. Вот почему закон в значительной степени перенял и развил положения декрета от 29 ноября 1930 г. об организации и функционировании института социального страхования. Закон закрепил институт комиссаров и назначаемых правительством лиц. Расширился диапазон государственного надзора за системой социального страхования, поскольку министру социального обеспечения предоставлялось право утверждать и корректировать любые начинания страховых контор, а также следить за исполнением различных предписаний и постановлений. Таким образом, «учреждения социального страхования превратились в его (министра.— *И. Е.*) ведомства» [19, s. 304].

Политическую окраску имели произведенные отступления от декрета. Так, декрет вводил ценз среднего образования для директоров больничных касс, а закон его отменял, поскольку настало время облегчить приверженцам санации занятие директорских постов. По свидетельствам современников, социальное страхование стало «сферой нездоровой протекции, что вызвало порочный подбор руководителей, не имевших квалификации и профессии (...) Из 65 директоров контор социального страхования, хорошо оплачиваемых и должных представлять важный общественный институт, лишь несколько имеют высшее или среднее специальное образование» [20].

Несмотря на то, что «унификационный» закон и распоряжение от

24 октября 1934 г. [1, 1934, № 95, поз. 855]² уменьшили число застрахованных почти на 180 тыс. человек [9, s. 291, tabl. 1] и снизили размер взносов, это не удовлетворило предпринимателей, считавших, что введение широко разрекламированного в проправительственной прессе пенсионного страхования рабочих находится в противоречии с концепцией дефляционной политики правительства. Нельзя не согласиться с польским исследователем М. Свенцицким, который указывал, что выступления «Левиафана» были «чистой демагогией: инфляционно действуют пособия, а они должны были выплачиваться лишь в будущем» [19, s. 299]. Резкое ухудшение страхования по болезни было вызвано не стремлением правительства ввести неизвестное ранее на большей части территории страны пенсионное страхование, а сократить «социальные тяготы» работодателей в связи с переживавшимися экономическими трудностями³. «Robotniczy Przegląd Gospodarczy» справедливо утверждал, что была произведена «анекдотическая операция: путем значительного ухудшения пособий по болезни /.../ за счет застрахованных рабочих было основано пенсионное страхование» [21]. Для большинства рабочих уменьшение пособий по болезни отражалось на их положении непосредственно, эффекты же от введения пенсии могли стать очевидными лишь в будущем.

Как указывалось в журнале «Prasa i Opieka Społeczna», в связи с введением нового вида страхования «выясняется, что многие заводы платили своим заслуженным рабочим значительные денежные суммы по старости, которые ведь тоже являлись социальными пособиями. Естественно, что с момента введения всеобщего пенсионного страхования рабочих выплата этих сумм постепенно в значительной мере прекратится, а суммы, сэкономленные работодателями, в действительности очень значительно снизят так называемые тяготы в связи со взносом в пенсионное страхование (мы здесь опускаем вопрос, что в действительности этот взнос платится работодателем за счет уменьшения взноса в фонд по страхованию на случай болезни)» [22].

«Унификационный» закон вызвал решительное сопротивление рабочих. Центральная комиссия профессиональных союзов при поддержке ППС назначила на 16 марта 1932 г. всеобщую забастовку. КПП удалось «в значительной степени превратить предполагавшуюся мирную демонстрацию в действительно революционное выступление масс» [23, с. 40]. Во многих местах состоялись манифестации и митинги, которые часто жестоко подавлялись полицией. Так, в Липинах были ранены 4 человека, в Кракове 1 человек убит, а около 120 арестованы, в Живце 3 человека убиты и 13 ранены. Наиболее массовыми были стачки в Варшаве, Келецком, Краковском, Львовском, Лодзинском и Силезском воеводствах. Общую численность бастовавших, ввиду наличия в источниках больших расхождений, определить трудно. По оценке современного польского исследователя Ю. Лавника. «скорее всего, действительное число забастовщиков не превысило 100 тысяч человек по всей стране» [24, s. 388]. В результате забастовки правительство отсрочило дебаты в сейме по проекту «унификационного» закона до осенней сессии, что на практике задержало его принятие на год.

² Распоряжение от 24 октября 1934 г. частично изменяло «унификационный» закон. Из области действия пенсионного страхования и страхования по болезни исключались лица, занятые в домашнем хозяйстве, если срок их найма не превышал двух недель, например, прачки, швеи, уборщицы, а также члены семей ремесленников, если они вели совместное с работодателем домашнее хозяйство. Кроме того, обязательному страхованию по болезни не подлежали и другие группы трудящихся, например лица, зарплата которых была больше 725 зл. в месяц. Правда, в том случае, если их годовая зарплата не превышала 10 тыс. зл., они могли застраховаться добровольно. Пенсионное страхование и страхование по болезни не распространялось также на служащих органов территориального самоуправления и работников государственных военных предприятий и учреждений, для которых создавалось отдельное страхование.

³ Стремление уменьшить «социальные тяготы» не прошло с окончанием кризиса. В 1936 г. взносы в фонд пенсионного страхования служащих были снижены с 8 до 6,5%, несмотря на то, что этот вид страхования находился под угрозой технического недобора, а в фонд пенсионного страхования рабочих с 5,2 до 4,2% [1, 1936, № 3, поз. 24].

В связи с повторным внесением на обсуждение сейма проекта этого закона, КПП с целью мобилизации широких масс объявила 22 февраля 1933 г. днем борьбы, стачек и демонстраций против этого законопроекта [23, с. 40]. ППС не только не поддержала данную кампанию, но и противодействовала ей. Прекратили работу лишь отдельные заводы Лодзи, Варшавы и некоторых других центров.

Закон о социальном страховании был принят сеймом весной 1933 г., а с 1 января 1934 г. вступил в силу, что вызвало волну забастовок. В Лодзи и Лодзинском округе прекратили работу почти 77 тысяч человек на 569 предприятиях. В Варшаве 11 января бастовали около 9 тысяч металлистов. В Белостоке 10 января забастовка охватила всех рабочих. 31 января в Варшаве состоялся марш 13 тысяч еврейских рабочих против «унификационного» закона, 5 января произошла стачка в Кракове. Лидеры пепезовских профсоюзов стремились сбить забастовочную волну. Так, 16 января 1934 г. Щерковский, председатель пепезовских профсоюзов в Лодзи, заявил: «Следует осознать, за что именно мы боремся. Ясно ведь, что закон с момента его опубликования обязывает. И если мы ходатайствуем у правительства об отмене этого закона, то ведь нужен длительный период времени, покуда это наступит» (цит. по [23, с. 42]). Упомянутый выше Ю. Лавник также считает, что «значение этих стачек скорее являлось символическим, поскольку закон вступил в силу, и кампания против него запоздала» [24, с. 394].

Серьезной проблемой для социального страхования в те годы была все увеличивавшаяся задолженность по взносам. Представление о ее масштабах дает таблица. Если мы сопоставим величину задолженности в фонд

Т а б л и ц а

Задолженности по взносам (в тыс. зл.) *

Вид страхования	Годы					
	1928	1929	1930	1931	1932	1933
По болезни	66 339	84 340	99 537	108 387	119 976	117 050
Пенсионное	19 811	31 280	42 822	56 852	62 226	69 551
От несчастных случаев	32 052	38 116	39 341	43 604	51 265	48 407
По безработице	11 000	15 030	19 020	24 092	26 879	29 146
Всего...	129 202	168 766	200 720	232 935	260 346	264 154

* См. [25, с. 19, tabl. 17].

страхования по болезни с суммами взносов, которые должны были бы поступить в каждый отдельный год (см. [25, с. 5, tabl. 3]), то окажется, что в 1928 г. задолженность составляла 23,48% от суммы взносов, в 1929 г. — 26,17, в 1930 г. — 32,25, в 1931 г. — 40,39, в 1932 г. — 55,02, в 1933 г. — 60,71%.

Таким образом, масштабы неуплаты взносов в страхование по болезни, как, впрочем, и в другие виды страхования, были чрезвычайно велики. Какой же выход из создавшейся ситуации видело тогдашнее правительство Польши?

Уже статья 79 декрета от 29 ноября 1930 г. на 50% снизила штрафы, которые должны были уплачивать предприниматели за просрочку платежей. Специально для освобождения предпринимателей от долгов был принят закон от 15 марта 1934 г. [1, 1934, № 29, роз. 237], предписывавший предоставлять предпринимателям рассрочку в оплате задолженностей, образовавшихся до 1 июля 1933 г. в сельском хозяйстве и до 1 июля 1932 г. — в промышленности, а также списать либо снизить проценты штрафа за просрочку платежей. Этот закон, однако, вскоре потерял свою обязательную силу ввиду введения закона от 26 марта 1935 г. [1, 1935, № 27, роз. 202].

Во исполнение последнего закона министерством социального обеспечения было издано распоряжение от 12 июля 1935 г. [1, 1935, № 54, роз. 353], подробно нормировавшее уплату просроченных страховых взносов. Согласно ему, предприниматель получал возможность погасить долг, уплатив лишь 14% суммы. Учитывая, что на 31 декабря 1934 г. размер задолженности определялся, по оценке журнала «Prasa i Opieka Społeczna» суммой примерно в 90 млн. зл., могло быть списано около 77 млн [26, s. 390]. На самом деле выигрыш был еще значительнее, поскольку согласно закону о страховании по болезни, $\frac{2}{5}$ взноса уплачивали застрахованные рабочие.

В отношении других видов социального страхования распоряжение от 12 июля 1935 г. предусматривало отсрочку погашения задолженностей до 15 февраля 1936 г. и возможность рассрочки платежей на срок от 3 до 9 лет. Задолженность в страховании служащих составляла около 84 млн зл., в страховании от несчастных случаев — около 48 млн. зл. Следует особо подчеркнуть, что работодателями были получены от рабочих около 44 млн зл. в качестве доли страхового взноса, но не переданы соответствующим учреждениям [26, s. 392].

Таким образом, вопрос о погашении задолженностей по социальному страхованию полностью решался в пользу имущих за счет ущемления интересов трудящихся.

В литературе встречаются различные оценки «унификационного» закона. От крайне отрицательной — до безусловно положительной. Представляется, что однозначную оценку введения этого закона дать невозможно. Конечно, рабочие получили пенсионное обеспечение, неизвестное ранее на большей части территории Польши, но заплатили за это слишком дорого: число лиц, имевших право на пособие по болезни, сократилось на 30% [15, s. 479].

Введение пенсионного обеспечения, определенная унификация социального страхования в масштабе всей страны безусловно являлись положительными сторонами «унификационного» закона. Однако не следует забывать и о том, что правительство стремилось достичь, в первую очередь, свои политические цели — подчинить социальное страхование санации и усилить авторитарные тенденции в правлении. Кроме того, оно учитывало интересы крупных земельных собственников и предпринимателей, «страдавших» от якобы «непомерных» социальных платежей. Ярким подтверждением последнего является выполнение правительством программных требований предпринимателей в вопросе о погашении их задолженностей по взносам на социальное страхование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej.
2. Zawieszenie władz kasy chorych w Łodzi.— Przegląd Ubezpieczeń Społecznych (далее — PUS), 1929, № 7, s. 142.
3. Próchnik A. (Swoboda H.). Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej (1918—1933). Zarys dziejów politycznych. Warszawa, 1933.
4. Kriegler A. O organizacji i funkcjonowaniu instytucji ubezpieczeń społecznych.— Robotniczy Przegląd Gospodarczy (далее — RPG), 1930, № 12, s. 269.
5. Załącznik do № 11 «Przeglądu Gospodarczego» z 1931 r. Warszawa, 1932, s. 15.
6. Lechowicz T. Rola ubezpieczeń społecznych w rozwoju nowoczesnego państwa.— Polska po roku 1926. Warszawa, 1937.
7. Sprawozdanie stenograficzne z 64 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej z dnia 7 marca 1932 roku.— Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres III. Sprawozdania Stenograficzne z posiedzeń Sejmu. Sesja zwyczajna. Rok 1931/1932.
8. Kieszczyński L. Kronika ruchu zawodowego w Polsce. 1808—1939. Ważniejsze wydarzenia. Warszawa, 1972, s. 312.
9. Mały Rocznik Statystyczny. 1937. Warszawa, 1937.
10. Jastrzębowski M. Reforma ubezpieczeń społecznych.— Przegląd Gospodarczy, 1933, № 8, s. 284.
11. Radajewski M. Opieka nad zdrowiem robotników rolnych i ich rodzin.— W walce o zdrowie wsi polskiej. Pod red. M. Kacprzaka. Warszawa, 1937.
12. Ajnenkiel A. Położenie prawne robotników rolnych w Polsce (1918—1939). Warszawa, 1962, s. 363.
13. Ciechowski W. Ustawodawstwo socjalne.— Polska po roku 1926. Warszawa, 1937.

14. *Landau Z., Tomaszewski J.* Gospodarka Polski międzywojennej. 1930—1931. T. III.—Wielki kryzys (1930—1935). Warszawa, 1982.
15. *Landau Z., Tomaszewski J.* Robotnicy przemysłowi w Polsce. Materialne warunki bytu. 1918—1939. Warszawa, 1971.
16. Sprawozdanie z działalności Zakładu Emerytalnego Robotników za rok 1934, s. 50.
17. Polityka społeczna państwa polskiego. Warszawa, 1935.
18. *Janiak J.* Działalność ubezpieczeń społecznych i innych ubezpieczeń w świetle cyfr.—PUS, 1937, № 2, s. 96.
19. *Świcicki M.* Instytucje polskiego prawa pracy w latach 1918—1939. Warszawa, 1960.
20. *Dehnel M.* O wadach i niepopularności ubezpieczeń na wypadek choroby.—PUS, 1936, № 2.
21. *Zdanowski A.* Ustawa o ubezpieczeniu społecznym (scaleniowa).—RPG, 1934, № 2, s. 21.
22. Międzynarodowe porównania obciążeń społecznych.—Praca i Opieka Społeczna (далее — POS), 1934, № 1, s. 86—89.
23. *Генриховский Г.* Стачные бои польского пролетариата.—Коммунистический Интернационал, 1934, № 14.
24. *Ławnik J.* Represje policyjne wobec ruchu robotniczego. 1918—1939. Warszawa, 1979.
25. Ubezpieczenia społeczne w Polsce w latach 1925—1934. Warszawa, 1935.
26. *Wisłocki M.* Równowaga finansowa ubezpieczeń społecznych a spłata zaległych stawek.—POS, 1935, № 3.

БЕЛЯЕВА В. И.

МЮНХЕН И ИСТОРИКИ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В БРИТАНСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Мюнхенское соглашение 1938 г. соединило в себе главные тенденции развития международных отношений периода между двумя мировыми войнами. Империалистические державы, начиная с Версальского мирного урегулирования, стремились решать мировые проблемы на основе создания группировок и блоков, которые диктовали бы свою волю остальным государствам. Такие попытки можно отметить от Локарнских соглашений (1925) до проекта «пакта четырех» (1933). Логическим следствием империалистической политики западных держав в межвоенный период, включавшей в себя «умиротворение» нацистской Германии, явилось мюнхенское соглашение. Сговор в Мюнхене привел к расчленению Чехословацкой республики и фактически открыл путь к развязыванию второй мировой войны.

Марксистские и буржуазные историки изучали различные аспекты истории чехословацкого кризиса 1938 г. и мюнхенского сговора. Интерес к этой проблематике стимулировало опубликование новых документов, мемуаров и открытие британских правительственных архивов, хотя первые книги появились в конце 1938—1939 гг. Больше всего работ написано британскими буржуазными историками. Их исследования приобрели особый резонанс в начале 70-х — первой половине 80-х годов, когда доступ к архивным материалам позволил по-новому взглянуть на внешнеполитическую деятельность правительства Н. Чемберлена и поставить вопросы, на которые ранее не обращали внимания. Именно в эти годы появляются крупные труды и публикации архивных материалов по данной проблематике в Чехословакии и СССР. Историки-марксисты глубоко проанализировали новые документы и дали научно обоснованные ответы на многие принципиальные вопросы истории чехословацкого кризиса.

Основные события, происходившие в Европе с марта по сентябрь 1938 г., достаточно широко известны. Правда, было создано много мифов и фальсификаторских версий в интерпретации чехословацкого кризиса, в чем особенно преуспели британские буржуазные историки. Однако положение несколько изменилось за последние полтора десятилетия. Поэтому процесс пересмотра сложившихся стереотипов в буржуазной историографии Великобритании представляет безусловный интерес. Настоящая работа посвящена анализу этого процесса.

Прежде всего обратимся к вопросу о поездке лорда Галифакса, который занимал посты лорда-хранителя печати и лидера Палаты Лордов, в Германию в ноябре 1937 г. на проходившую там охотничью выставку. Британские буржуазные историки, за редким исключением, вплоть до конца 60-х годов «не замечали» этого визита. В лучшем случае о нем упоминали как еще об одном паломничестве среди многих других с целью найти основу для взаимопонимания между Великобританией и Германией.

И это после опубликования в СССР в 1948 г. записи беседы Галифакса с Гитлером! Во время беседы 19 ноября 1937 г. лорд Галифакс по собственной инициативе (мы это подчеркиваем, так как его слова не являлись ответом на какое-либо заявление Гитлера) заявил буквально следующее: «Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны» [1].

Визит Э. Галифакса в свое время привлек внимание общественности. Оппозиционные партии в британском парламенте внесли запрос с требованием разъяснений от премьер-министра. Вынужденный 21 декабря 1937 г. выступить в Палате Общин Н. Чемберлен старательно принижал значение этого визита, говорил, что во время беседы между Галифаксом и Гитлером происходил лишь обмен мнениями по поводу ситуации в Европе, что никаких обещаний от имени британского правительства не было дано [2]. Это был сознательный обман, так как после открытия для исследователей секретных архивов британского кабинета стало совершенно ясно, что визит Галифакса лишь по видимости был неофициальным и что кабинет через Галифакса довел до сведения Гитлера нежелание Великобритании поддерживать независимость и суверенитет Австрии и Чехословакии. Мюнхенская политика начала формироваться, таким образом, еще в 1937 г. — до открытого обострения чехословацко-германских отношений.

В 70-х годах британские буржуазные историки не смогли больше делать вид, что не замечают визита Галифакса, или принимать его официальную оценку. Появился ряд работ, в которых авторы показывают прямую связь переговоров Галифакса с Гитлером и отсутствие серьезного противодействия аншлюсу Австрии, с одной стороны, и поощрение требований Гитлера к Чехословакии британским кабинетом, с другой [3, р. 179; 4, р. 12—13]. Наиболее подробно рассмотрел этот вопрос известный либеральный историк К. Барнет. Он пришел к выводу, что не Гитлер, а Чемберлен через Галифакса сдвинул чашу весов в Центральной Европе в пользу Германии, что лорд Галифакс действовал с ведома и одобрения не только Чемберлена, но и всего британского кабинета. К. Барнет считал, что к концу 1937 г. уже сформировался внешнеполитический курс, проводимый Великобританией в период чехословацкого кризиса, и характеризует его следующим образом: «Английская политика „интереса“ без обязательств в Восточной Европе на практике означала, что Англия молча соглашалась с экспансией Германии на Восток, лишь бы этот процесс был прилично обставлен по всем легальным правилам. Это позволит избежать таких актов открытой агрессии, которые смутят в глазах общественного мнения английскую совесть и могут вовлечь Англию в войну. Это дало возможность Англии выйти из затруднительного положения, но благодаря тому, что полностью игнорировалось равновесие сил в Европе» [5, р. 469].

Любопытные подробности о визите Галифакса в Германию сообщил профессор университета Лоборо А. Адамсуайт, основываясь на материалах его личного архива, хранящегося в Черчилль Колледже (Кэмбридж). 21 ноября Галифакс встретился с Геббельсом, который пожаловался на выпады против Гитлера в британской прессе и недружелюбные репортажи британских корреспондентов в Берлине. Галифакс обещал сделать все, что в его силах, чтобы обеспечить «сотрудничество британской прессы», и после возвращения в Лондон развернул бурную деятельность, встретился с владельцами большой прессы, посылал письменные протесты против нежелательных карикатур [6, р. 283—284]. Таким образом, Галифакс в Германии не только закладывал основы мюнхенского курса Великобритании, но и взял на себя обязательства влиять на прессу в благоприятном для нацистов духе. Игнорировать эти факты британская буржуазная историография уже не в состоянии.

Марксистская историография дала принципиальную оценку визиту. Чехословацкий историк В. Крал подчеркнул, что в свое время далеко не всеми было понято ключевое значение визита Галифакса для британской политики 1938 г.: «Великобритания решила не противодействовать германскому стремлению захватить Чехословакию, если это осуществится в форме поддержки требований судетских немцев. ... Британскому общественному мнению подобная сделка была бы представлена как осуществление требования о „самоопределении“ судетских немцев...» [7, с. 44].

Беседы Галифакса в Германии носили ярко выраженный антисоветский характер. Как свидетельствуют документы, он неоднократно подчеркивал, что видит в Германии бастион против коммунизма. Советский историк И. Д. Овсяный справедливо пришел к выводу: «Встреча Гитлера с Галифаксом относится к числу внешне малозначащих событий. В действительности же она вошлочала замысел дипломатии западных держав — проложить фитиль войны от границ фашистской Германии в сторону Советского Союза» [8, с. 183].

Один из самых живучих мифов в британской буржуазной историографии — ссылки на право судетских немцев в Чехословакии на «самоопределение». Исследования внешней политики Великобритании в межвоенный период, затрагивающие историю возникновения чехословацкого кризиса, в той или иной степени касаются вопроса самоопределения наций и прав национальных меньшинств. Именно под лозунгом права немецкого меньшинства в Чехословакии на самоопределение велась нацистами широкая пропагандистская кампания в течение 1938 г. Эта кампания помогла в то же время британским и французским «умиротворителям» найти «благородный» предлог для предательства Чехословакии, а буржуазным историкам — возможность оправдывать мюнхенский курс Великобритании и Франции ссылками на недопустимость по моральным соображениям игнорировать «священный» принцип самоопределения.

Официальная версия гласила — судетские немцы хотят присоединиться к германскому рейху и было бы нелепо вступать в войну, чтобы им помешать. Эту точку зрения открыто выразил министр социального обеспечения Великобритании Х. Рэмсботхэм: «Мы должны были бы воевать, чтобы помешать примерно трем с половиной миллионам немцев, живущим на границе между Германией и Чехословакией, присоединиться к своим родичам» (цит. по: [9]). Сторонников этой версии среди британских буржуазных историков вполне достаточно.

Однако с конца 60-х годов постепенно пробивает себе дорогу критическое отношение к пониманию судетского вопроса британским правительством в 1938 г. и понемногу выкристаллизовывается подход к более отвечающему действительности ответу на вопрос, каким образом право на «самоопределение» немецкого меньшинства в Чехословакии могло послужить причиной чехословацкого кризиса и с какими целями оно использовалось разными сторонами в кризисе.

К. Барнет подходит к оценке проблемы «самоопределения» судетских немцев с точки зрения стратегических установок британской внешней политики. Он считает пропагандистскую кампанию о притеснениях судетских немцев в Чехословакии инструментом нацистской Германии в борьбе за гегемонию в Европе. По его мнению, вера кабинета, значительной части прессы, либеральной интеллигенции в то, что чехословацкий кризис следует рассматривать как моральную проблему, была серьезной ошибкой. Не было никаких оснований считать, пишет К. Барнет, что «уступки чехов судетским немцам как предотвратят непосредственную опасность войны, так и на долгое время внесут ценный вклад в общее умиротворение Европы» [5, р. 514, 468].

Прогрессивный историк Л. Мосли в своей книге [10] неоднократно подчеркивал, что Гитлеру не нужны были судетские немцы: «Ему нужна была судетская территория, которую чехи укрепили и превратили в оборонительный вал против немецкого „натиска на Восток“». И далее автор пишет, что на самом деле Гитлер домогался захвата всей Чехословакии. Л. Мосли сделал интересное и важное заключение, анализируя протокол

беседы Чемберлена с Гитлером в Берхтесгаде (15 сентября 1938 г.). Чемберлен задал Гитлеру вопрос: «Зачем требовать новых границ? Почему бы не осуществить переселение?» Однако в конечном итоге выяснилось, что Гитлер меньше всего «хотел возвращения в Германию трех с половиной миллионов немцев без тех стратегических районов, которые они занимали внутри Чехословакии» [10, с. 58, 61, 70]. Больше вопрос о переселении не поднимался, а Чемберлен и британское правительство уже не ставили под сомнение необходимость изменения чехословацко-германских границ.

Но было бы ошибкой считать, что официальная версия «морального» оправдания внешнеполитического курса Великобритании, направленного на защиту права судетских немцев на «самоопределение», отброшена британскими буржуазными историками. Приведем для примера две работы, вышедшие с интервалом в одиннадцать лет. Так, К. Миддлмас (представитель консервативного направления в британской буржуазной историографии), несмотря на многочисленные доказательства (как опубликованные, так и доступные архивные) сомневается, что Генлейн был нацистским агентом и получал инструкции из Берлина. Автор считает его умеренным политиком, добивавшимся автономии Судетской области в рамках чехословацкого демократического государства [11, р. 178, 305]. Западногерманский историк Й. Брюгель по поводу рассуждений К. Миддлмаса с сарказмом замечает: «С такими критиками политики умиротворения защитникам Чемберлена нет нужды беспокоиться об аргументах в свою пользу» [12].

Другой представитель консервативного направления Р. Дуглас утверждал, что судетская проблема с моральной точки зрения была недостаточно веской причиной, чтобы идти на риск войны с Германией, так как «со всей очевидностью подавляющее большинство судетских немцев хотело включения в состав рейха» [13, р. 86].

Таким образом, суждения и выводы британских буржуазных историков по проблеме «самоопределения» судетских немцев во многом противоречивы. Однако даже те из них, кто осуждает британское правительство за необоснованное отождествление стремлений немецкого меньшинства в Чехословакии с доктринами судето-немецкой партии, считают, как правило, выразителем интересов чешского народа лишь буржуазное правительство республики. Особенно старательно игнорируется позиция чехословацкой Коммунистической партии, которая выступала с обоснованной критикой политики правительства и четким разъяснением действительной сути кризисной ситуации в Чехословакии.

Руководитель Чехословацкой компартии К. Готвальд в газете «Rudé právo» за 4 сентября 1938 г. дал глубокий анализ обстановки в Чехословакии и целей судето-немецкой партии и нацистской Германии: агрессору важно не решение национального вопроса в Судетах, который для него является лишь предлогом, плохо маскирующим его истинное намерение уничтожить Чехословакию как самостоятельное и независимое государство; из этого следует, что любая уступка в национальном судето-немецком вопросе, какой бы большой она ни была, для агрессора не будет столь велика, чтобы за эту цену он навсегда оставил в покое Чехословакию...; чешский народ бесчисленное количество раз давал понять, что он поддержит всякое стремление к справедливому уравниванию в правах немецкого населения, но он не потерпит, чтобы господствующие позиции в государстве были отданы предателям, нацистским агентам [14].

При всех недостатках решения национального вопроса в буржуазно-демократических государствах межвоенной Европы следует четко различать действия национальных меньшинств, направленные на улучшение их положения, и использование этих меньшинств в качестве пятой колонны нацистской Германии. В марксистской историографии давно сложилось основанное на изучении большого количества материалов понимание подлинной сути так называемого права на «самоопределение» немецкого меньшинства в межвоенной Чехословакии. Прежде всего, очень плодотворно работают в этом направлении ученые ЧССР. В сжатом виде их

концепции можно изложить следующим образом: после прихода к власти в Германии нацистов произошла национально-шовинистическая радикализация судетских немцев; немецкие буржуазные партии рассматривали судето-немецкую партию Генлейна как инструмент в борьбе против рабочего движения и коммунистов в пограничных районах республики; по своей программе и идеологии генлейновское движение с самого начала было нацистским, хотя официально Генлейн заявлял о преданности буржуазной демократии и чехословацкому государству; постоянную связь с третьим рейхом генлейновцы установили с начала 1934 г., хотя первая финансовая помощь движению со стороны Германии была оказана уже в конце 1933 г.; целью Германии и судето-немецкой партии было подорвать изнутри чехословацкое государство, чтобы в дальнейшем уничтожить его [15—19].

В работах советских ученых, посвященных истории международных отношений в межвоенной Европе, прежде всего подчеркивается, что вопрос о праве на «самоопределение» судетских немцев являлся лишь средством для маскировки готовившейся нацистской Германией агрессии против Чехословакии, что Германия искусственно превратила этот вопрос в один из важнейших в международных отношениях 1938 г. Советские ученые обращают внимание и на то, с какой готовностью этот вопрос был подхвачен империалистическими кругами Франции и Великобритании, использовавшими его для сокрытия своих действительных целей [8, с. 199—200; 20; 21].

Самым напряженным и насыщенным событиями в истории чехословацкого кризиса был сентябрь 1938 г. 7 сентября в газете «Times» была опубликована печально знаменитая передовая статья, в которой говорилось открыто о необходимости превращения Чехословакии «в более однородное государство путем отдаления той части иностранного населения, национальность которого одинакова с жителями соседнего государства». Таким образом Германии ясно давали понять, что идея прямой аннексии чехословацких пограничных областей пользуется поддержкой британского правительства. 12 сентября в Нюрнберге состоялся очередной съезд нацистской партии Германии, на котором с речью выступил Гитлер. Несколько позже в Женеве открылось пленарное заседание Лиги Наций, которое британские и французские «умиротворители» не без помощи министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты ухитрились провести так, будто никакого чехословацкого кризиса вообще не существовало. И, наконец, 15 сентября, как гром среди ясного неба для непосвященных, весь мир облетело сообщение о полете Чемберлена в Германию и встрече его с Гитлером. Так начал осуществляться «План Зет», подробности подготовки которого выяснились лишь после открытия для исследователей секретных архивов британского кабинета и Форин-оффис.

Официальная интерпретация визита Чемберлена в Берхтесгаден как попытки любой ценой спасти мир имеет много сторонников в британской буржуазной историографии. Один из первых исследователей чехословацкого кризиса 1938 г. Д. Уилер-Беннет красочно описывает, как встретились «человек, который был готов принести почти любую жертву для того, чтобы сохранить мир, и холодное, циничное и высокомерное существо, которое считало войну просто одним из видов оружия в арсенале Германии для достижения своих целей». В то же время он первым среди буржуазных исследователей заявил, что «визит в Берхтесгаден во многих отношениях имеет большее историческое значение, чем сама Мюнхенская конференция: он привел в движение цепь событий, в которых Мюнхен был трагическим кульминационным пунктом и неизбежным исходом» [22]. Эту точку зрения поддерживают Я. Колвин, Р. Паркинсон и Л. Мосли [23; 4, р. 27—28; 10, с. 61]. Согласие британского премьер-министра «в принципе» на передачу чехословацкой территории Германии, по мнению этих авторов, предопределило мюнхенский стовор и расчленение чехословацкого государства. Как образно выразился Р. Паркинсон: «Мир должен был быть сохранен почти любой ценой. Последующие события просто установили эту цену» [4, р. 28].

Наиболее подробно подготовку первого визита Чемберлена к Гитлеру описали британские историки К. Миддльмас и М. Коулинг. Их подход к интерпретации этого события не одинаков, различны и выводы, к которым они приходят. Они очень развернуто и с обильными цитатами рассказывают о деталях разработки «Плана Зет». Теперь известно, что под большим секретом, в тайне от кабинета, Чемберлен беседовал в конце августа с видными политическими и государственными деятелями П. Гендерсоном, А. Кадоганом, Р. Валситтартом, У. Вудом, У. Ренсименом, Х. Вильсоном, Р. Макдональдом и, разумеется, с Д. Саймоном, С. Хором и Э. Галифаксом о возможности своего визита к Гитлеру. Цель визита раскрыта самим Чемберленом в письме Ренсимену от 12 сентября и на заседании кабинета 14 сентября: он надеялся, что на Гитлера произведет впечатление перспектива сделать «Германию и Англию двумя столпами европейского мира и барьером против коммунизма» [3, р. 185, 186]. Эту разоблачающую цитату приводит М. Коулинг, разумеется, никак ее не комментируя. Но она говорит сама за себя, и если бы даже не было других доказательств, слова Чемберлена вскрыли подоплеку не только стремления к личной встрече с Гитлером, но и всей политики «умиротворения», сутью которой был антисоветизм и антикоммунизм.

К. Миддльмас на основании данных о многочисленных тайных беседах Чемберлена о своем плане делает не отвечающий действительности вывод о якобы тщательной подготовке первого визита Чемберлена к Гитлеру [11, р. 334—335]. Напротив, М. Коулинг подчеркивает, что Чемберлен не сумел или не захотел (эта грань у автора почти неразличима) представить Гитлеру согласованное на заседании кабинета 14 сентября предложение о плебисците в спорных районах, а просто согласился с требованием Гитлера об отделении пограничных областей Чехословакии и включении их в состав Германии [3, р. 190]. В. Крал на основании тщательного изучения британских архивных материалов отмечает, что Великобритания во что бы то ни стало стремилась исключить возможность угрозы вооруженного конфликта и даже в случае его возникновения удержать от выступления Францию и самой остаться в стороне. Чехословацкий историк пришел к обоснованному выводу: непосредственно перед визитом Чемберлена в Германию вообще не было ясно, на какой основе состоятся переговоры [7, с. 243, 249, 262]. Сложность ситуации для британского правительства заключалась в том, что нацисты старательно избегали точных формулировок своих требований — это позволяло им придерживаться тактики вымогательства и не исключало возможности их увеличения.

Документы британских архивов показывают, как мало интересовала правительство Великобританию судьба Чехословакии. П. Д. Овсяный, всесторонне проанализировав материалы заседания британского кабинета министров от 14 сентября (накануне полета Чемберлена в Берхтесгаден), пришел к верному выводу, что «целью визита являлось вовсе не спасение Чехословакии от нависшей над ней опасности». И далее автор обращает внимание на то, что во время заседания не прозвучало ни слова о защите интересов Чехословакии или о «стремлении ограничиться минимумом уступок за ее счет» [8, с. 215—216]. Таким образом, еще до первой встречи Чемберлена с Гитлером британские министры были согласны пожертвовать суверенным чехословацким государством.

Некоторые буржуазные историки подчеркивают два существенных аспекта последствий встречи Чемберлена и Гитлера для развития чехословацкого кризиса. Например, К. Миддльмас подчеркивает, что до этой встречи «Гитлер полностью не понимал ужаса Британии перед войной как инструментом политики — ужаса, который вызвал британскую заинтересованность в решении его раздоров с Чехословакией, хотя Чехословакия сама по себе никогда не смогла бы вызвать такую заинтересованность» [11, р. 369]. К. Барнет считает серьезной ошибкой правительства Великобритании то, что ни до встречи в Берхтесгадене, ни после нее на заседании кабинета «не ставились и не принимались во внимание вопросы большой стратегии — влияние на европейское равновесие уничтожения Чехословакии как сильной, хотя и второклассной, военной дер-

жавы; влияние открытия для Германии пути дальнейшей экспансии на восток и юго-восток» [5, р. 531].

Визит Чемберлена в Берхтесгаден в наибольшей степени повлиял на формирование отношения определенной части западноевропейской общественности к принципу расчленения Чехословакии. Тем самым облегчались условия для прямого стовора между западными «умиротворителями» и нацистской Германией за счет чехословацкого государства. Именно во время визита была согласована сделка, предопределившая дальнейшую судьбу Чехословакии. Признание большего значения для разрешения чехословацкого кризиса встречи Чемберлена с Гитлером по сравнению с мюнхенской конференцией мы считаем определенным достижением британской буржуазной историографии. Прежде всего потому, что стала видна несостоятельность утверждения якобы вынужденности мюнхенского соглашения, по которому Чехословакия потеряла часть территории, когда Европа стояла на грани развязывания войны. Встреча в Берхтесгадене проходила после речи Гитлера 12 сентября в Нюрнберге, которая открытых угроз начать войну против Чехословакии не содержала. Волнения в приграничных районах ЧСР, спровоцированные генлейновцами, встретили достойный отпор и не приобрели широкого размаха. В этих условиях фактическое согласие Чемберлена на отторжение от чехословацкого государства пограничных территорий никак нельзя трактовать как жертву для спасения мира. Становится ясным, что британский кабинет еще до обострения ситуации после годесбергского ультиматума Гитлера не принимал в расчет государственных интересов Чехословакии, которые сознательно игнорировались ради гипотетической возможности достичь «взаимопонимания» с нацистской Германией.

Во второй половине сентября 1938 г. события развивались следующим образом: Англо-французский меморандум чехословацкому правительству с требованием согласия с решениями, принятыми в Берхтесгадене, принятие этого меморандума правительством ЧСР с несущественными оговорками. Вторая встреча Чемберлена с Гитлером в Годесберге, где требования нацистов были ужесточены. Мобилизация в Чехословакии. И наконец, мюнхенская конференция, на которую не пригласили Чехословакию и Советский Союз, чтобы не раздражать Гитлера, где гитлеровцы получили все, что хотели, как будто одержали победоносную войну. Конференция вызвала своего рода эйфорию у значительной части западноевропейской общественности. «Умиротворителям» удалось, используя прессу и радиовещание, представить сделку в Мюнхене как спасение Европы от войны в последний момент. И британская буржуазная историография активно использовала этот аргумент в защиту политики Н. Чемберлена.

До 70-х годов фактически не было серьезных попыток проанализировать во всей полноте отношение британского общественного мнения к мюнхенскому стовору. Изучение общественного мнения выдвигает перед исследователем много сложных проблем, связанных как с выработкой критериев оценок, так и с поисками надежных источников, на базе которых можно достаточно объективно судить о проявлениях той или иной его позиции. Однако долгое время этот вопрос как предмет исследования даже не ставился. Для большинства буржуазных историков не подлежащим сомнению доказательством всеобщего одобрения мюнхенского соглашения была восторженная толпа в аэропорту и на Даунинг-стрит, поток благодарственных писем в адрес премьер-министра.

В связи с этим представляется немаловажным рассмотреть, кем и на какой основе формировалось общественное мнение Великобритании, особенно осенью 1938 г. Со второй половины сентября вплоть до мюнхенской конференции в стране старательно раздувался военный психоз, насаждался страх перед неизбежностью войны. Мобилизация лондонского населения на строительство траншей для спасения от атак с воздуха, массовое распространение противогазов и учебные тревоги основательно запугали обывателя. Ужасающие предсказания чуть ли не всеобщей гибели от немецких бомбардировок не сходили со страниц газет. Наряду

с этим британская пропаганда вела интенсивную обработку общественности и в другом аспекте. Народ Великобритании стремились убедить в том, что для вступления в войну необходимо иметь более веские и обоснованные причины, чем ссора в маленькой стране, далекой и малоизвестной, к тому же не представляющей жизненно важного интереса для британцев. Обстановка нагнеталась очень искусно. И поэтому сообщение о мюнхенской конференции сознательно интерпретировалось органами массовой пропаганды как избавление от угрозы войны.

Еще более интенсивно обрабатывала общественное мнение Европы и всего мира нацистская пропаганда. Чехословацкий историк К. Доудера пришел к выводу: «Гитлеровская пропаганда оказала влияние на определенные круги мирового общественного мнения, создавая миф о Чехословакии как очаге напряженности в Европе, маскировала свои цели антикоммунизмом и антисоветизмом, тем самым подготавливая почву для мюнхенского предательства западных держав» [19, с. 7—8].

Гитлеровцы расценивали пропаганду на зарубежные страны как решающий фактор достижения своих захватнических целей. В отношении Чехословакии стратегической задачей было представить ее угрозой миру и спокойствию в Европе и «форпостом» большевизма, спекулируя на советско-чехословацком договоре. В то же время в западноевропейских странах знания о чехах, их истории и культуре были минимальны, многие даже не знали, где находится эта страна. Чехословацкие правящие круги и органы массовой информации не сумели организовать действенную контрпропаганду в противовес измышлениям нацистов. Не распространялись широко сведения о действительном положении немецкого меньшинства, общественность фактически оставалась в неведении о политических и гражданских правах немцев в ЧСР, которых были лишены немцы в самой Германии. Это объяснялось, в частности, тем, что реакционная аграрная партия имела господствующие позиции в Чехословацком телеграфном агентстве, на радио, решала вопросы о цензурных ограничениях. Несомненно это сказывалось на содержании и тональности материалов средств массовой информации. Отпор клеветническим нападениям геббельсовской пропаганды был явно недостаточным.

Таким образом, античехословацкая пропагандистская машина работала активно и целенаправленно, создавая в общественном сознании определенные стереотипы и предубеждения. Всех ли удалось ввести в заблуждение относительно истинных намерений Гитлера и западноевропейских «умиротворителей»? Ответ на этот вопрос британская буржуазная историография стала искать с начала 70-х годов.

Прежде всего, британские историки обратились к материалам дополнительных выборов в парламент, проходивших после мюнхенской конференции. Первым серьезно подошел к анализу этих материалов Р. Итуэл [24]. Спустя два года вышел в свет коллективный труд о роли дополнительных выборов в политике Великобритании в XX в. Важность исследования материалов этих выборов один из редакторов труда Д. Рамсен объясняет тем, что интерес и внимание к ним вызываются убеждением в возможности считать их референдумом по определенным аспектам политики правительства» [25].

В связи с проблемой отношения общественности Великобритании к мюнхенскомуговору показательно, что в так называемых «мюнхенских дополнительных выборах» главным вопросом предвыборных кампаний стали международные вопросы. Кандидаты от лейбористской и либеральной партии выступали с резкой критикой внешней политики Чемберлена и особенно мюнхенского соглашения. Консерваторы потерпели поражение в двух из семи выборов — в Дартфорде и Бриджуотере. Р. Итуэл подчеркнул, что выдвижение общего кандидата от лейбористов и либералов в Оксфорде и Бриджуотере объяснялось антимюнхенской платформой [24, р. 125, 134]. По мнению Р. Итуэла, результаты этих выборов доказывают наличие «противодействия внешней политике Невилля Чемберлена и особенно Мюнхену» [24, р. 138].

К нескольким другим выводам пришел Й. Маклин, автор раздела о «мюн-

хенских дополнительных выборах» в упомянутом выше труде британских историков. По его мнению, кроме Бриджуотера, на другие выборы не влияли дискуссии по внешней политике, так как международные события почти не оказывали влияния на оценку ведущих политических деятелей страны средним избирателем [26].

Расширение тематики исследований истории межвоенного периода привело к постановке и такого важного вопроса, как роль большой прессы в пропаганде внешнеполитического курса «умиротворения» и характер отношений между средствами массовой информации и правительством. Ф. Тейлор подчеркнул, что «межвоенный период стал свидетелем появления действительно средств массовой информации. Эти новые средства уже нельзя было игнорировать как инструменты политического убеждения ни в стране, ни за рубежом» [27].

Разумеется, значение влияния на средства массовой информации творцы внешней политики Великобритании прекрасно понимали. Но каким образом осуществлялось это влияние? Большинство британских буржуазных историков, касаясь этого вопроса, предпочитают проторенный путь популярного стереотипа о так называемом надпартийном положении прессы, невозможности для «свободной демократической» печати быть рупором внешнеполитических ведомств. Приведем лишь два примера. Д. Макинтош, хотя и отмечает, что правительство в 1938—1939 гг. прилагало большие усилия для того, чтобы удерживать прессу в русле основных линий официального курса (владельцам и редакторам газет регулярно вручались специальные краткие сводки по международным событиям, составленные министрами кабинета в духе политики «умиротворения»), тем не менее считает ее лишь «сдержанным индикатором общественного мнения» [28]. П. Аддисон подчеркивал неприязнь к прессе Чемберлена, считавшего связь с ней вульгарной необходимостью [29].

Однако углубление источниковой базы исследований, использование личных архивов многих политических деятелей, журналистов, а также архивов различных редакций и издательств позволило пересмотреть существовавшие стереотипы в освещении этого вопроса и прийти к другим выводам. Прежде всего, было доказано, что резиденция правительства на Даунинг-стрит и Форин оффис были центрами влияния на хозяев большой прессы и ведущих журналистов. Чемберлен был назван первым премьер-министром, который использовал управление средствами информации в широких масштабах. Он поддерживал тесные контакты с журналистами, редакторами и владельцами газет [30]. Задачей различных департаментов и офисов по связям с прессой премьер-министра, консервативной партии, министерства иностранных дел было не только снабжение различных органов печати ежедневной информацией, но и воздействие на них с тем, чтобы освещение ими международных событий совпадало с главными линиями проводимой правительством политики [31].

Более того, нежелательные или неприятные для правительства радиопередачи или корреспонденции попросту запрещались. Например, после отставки А. Идена в сводке последних известий фирмы Парамант должен был выступить с комментарием на эту тему лидер лейбористской партии К. Эттли. В последний момент эта часть передачи в эфир не вышла [32]. На Би-би-си известный деятель консервативной партии Г. Никольсон вел серию передач «На прошлой неделе». В августе и начале сентября 1938 г. министерство иностранных дел фактически запретило ему говорить о чехословацком кризисе и вообще о международных делах, считая, что это может встревожить аудиторию [6, р. 286—287]. Надо отметить, что Би-би-си в течение кризиса не давала никакой информации о Чехословакии. Кроме того, она дезориентировала общественность, сообщая лишь о письмах на имя Чемберлена с одобрением его политики. А. Адамсуайт нашел в архиве этой радиокорпорации свидетельство бывшего главного редактора редакции новостей от 5 октября 1938 г. о том, что британское общество было лишено существенных сведений о чехословацком кризисе, которые ему необходимо было знать, «фактически это был заговор молчания» [6, р. 291]. Наличие цензуры на радиопередачи и документальные

фильмы типа «Новости дня» доказано современными британскими исследователями [33; 34].

Таким образом, британское правительство использовало свое влияние и цензуру для того, чтобы направлять и контролировать внутренние дебаты по международным вопросам. Поэтому исключались альтернативные точки зрения, что позволяло правящим кругам создавать видимость единства взглядов общественности и правительства по решающим вопросам внешнеполитического курса Великобритании и осуществлять сильное давление на Чехословакию с целью принудить ее пойти на уступки нацистской Германии [35; 36].

Мифотворчество в связи с мюнхенским соглашением продолжалось в британской буржуазной историографии достаточно долго. Процесс пересмотра устоявшихся стереотипов оказался длительным и непростым. Однако в 70-е — первой половине 80-х годов историки Великобритании, используя обширные архивные материалы, во многом развенчали наиболее популярные мифы в интерпретации истории чехословацкого кризиса 1938 г. Этот процесс еще не завершился. Но намечившаяся тенденция серьезного критического анализа данной проблематики, постановка новых вопросов, расширение тематики исследований не могут не привлекать историков, особенно в связи с пятидесятилетием заключения мюнхенского соглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. I. М., 1948, с. 35—36.
2. *Chamberlain N.* The Struggle for Peace. London, 1939, p. 54.
3. *Cowling M.* The Impact of Hitler. British Politics and British Policy 1933—1940. London, 1975.
4. *Parkinson R.* Peace for Our Time. Munich to Dunkirk — The Inside Story. London, 1971.
5. *Barnett C.* The Collapse of British Power. London, 1972.
6. *Adams-Hwaite A.* The British Government and the Media, 1937—1938. — *Journal of Contemporary History.* 1983, № 2.
7. *Крас В.* План Зет. М., 1978.
8. *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). М., 1975.
9. *Ротштейн Э.* Мюнхенский договор. М., 1959, с. 326.
10. *Моски Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. М., 1972.
11. *Middlemas K.* Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany. 1937—1939. London, 1972.
12. *Bruegel J.* Czechoslovakia before Munich. The German Minority Problem and British Appeasement Policy. Cambridge, 1973, p. 109.
13. *Douglas R.* Chamberlain and Appeasement. — In: *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement.* London, 1983, p. 86.
14. *Готсальд К.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1957, с. 521—522.
15. *Kvaček R.* Jednání o československý národnostní statut v roce 1938. — In: *K národnostní problematice českých zemí v 19. a 20. století.* Praha, 1977, s. 105—143.
16. *Novák O.* Legalizace Henleinova hnutí. — In: *K národnostní problematice českých zemí v 19. a 20. století.* Praha, 1977, s. 83—104.
17. *Novák O.* Počátky henleinovského hnutí a československo-německé vztahy. — In: *K mezinárodnímu postavení Československa.* Praha, 1978, s. 7—39.
18. *Biman S., Malíř J.* Kariéra učitele tělocviku. Ústí nad Labem, 1983.
19. *Doužera K.* Jak se rozhoupával zrada zvon. Praha, 1983.
20. *Ион И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939). М., 1972, с. 128.
21. *Случ С. З.* Внешняя политика фашистской Германии. 1933—1939. (Основные этапы подготовки к войне). — В кн.: *Европа в международных отношениях. 1917—1939.* М., 1979, с. 258.
22. *Wheeler-Bennett J.* Munich. Prologue to Tragedy. London, 1948, p. 109, 116, 173.
23. *Colvin I.* The Chamberlain Cabinet. London, 1971, p. 153—154.
24. *Eatwell R.* Munich, Public Opinion, and Popular Front. — *Journal of Contemporary History.* 1971, № 4.
25. *By-Elections in British Politics.* London, 1973, p. 115.
26. *McLean I.* Oxford and Bridgwater. — In: *By-Elections in British Politics,* p. 159, 161.
27. *Taylor Ph.* Publicity and Diplomacy: The Impact of the First World War upon Foreign Office Attitudes towards the Press. — In: *Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century.* Vol. 1. 1906—1939. London, 1981, p. 62.
28. *Mackintosh J.* The British Cabinet. London, 1962, p. 507.

29. *Addison P.* The Road to 1945. British Politics and the Second World War. London, 1975, p. 65.
30. *Margach J.* The Abuse of Power. London, 1978, p. 50.
31. *Taylor Ph.* The Projection of Britain: British Overseas Publicity and Propaganda, 1919—1939. Cambridge, 1981, p. 297.
32. *Ramsden J.* The Age of Balfour and Baldwin. London, 1978, p. 336.
33. *Haworth B.* The British Broadcasting Corporation. Nazi Germany and the Foreign Office, 1933—1936.— The Historical Journal of Film, Radio and Television, 1981, № 1.
34. *Pronay N.* The First Reality: Film Censorship in Liberal England.— In: Feature Films as History. London, 1981.
35. *MacDonald C.* The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939. London, 1981, p. 82.
36. *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe 1933—1939. London, 1984, p. 166.

ГЕТЕ И СЕРБСКИЙ ЭПОС

Задача настоящей работы — исследовать, как Гете воспринимал эпос сербского народа в соотношении со своей концепцией мировой литературы; заявки на рассмотрение вопроса в этом плане уже делались [1, S. 13; 2, с. 123], но сколько-нибудь подробно он еще не изучался.

Такой путь подсказывает сам Гете, в ставшей хрестоматийной беседе с Эккерманом от 31 января 1827 г. он замечает: «Я все больше убеждаюсь в том, ... что поэзия — это общее достояние человечества и что повсюду и во все времена она проявляется в тысячах и тысячах людей... Правда, мы, немцы, боясь высунуть нос за пределы того, что нас окружает, неизбежно впадаем в ... педантическую спесь. Поэтому я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое. Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать скорейшему ее наступлению. Но и при полном признании иноземного нам не стоит задерживаться на чем-нибудь выдающемся и почитать его за образец. Не следует думать, что такой образец — китайская литература, или сербская, или Кальдерон, или „Нибелунги“. Испытывая потребность в образцах, мы поневоле возвращаемся к древним грекам, ибо в их творениях воссоздан прекрасный человек. Все остальное мы должны рассматривать чисто исторически, усваивая то положительное, что нам удастся обнаружить» [3, с. 249]¹.

В этом разговоре сербская литература называется в одном ряду с феноменами мирового литературного развития. Значение греческого искусства для духовной эволюции поэта хорошо известно; его интерес к китайской литературе обусловлен ее огромным вкладом в развитие мировой литературы; внимание Гете к Кальдерону — это в немалой степени и внимание к той художественной системе, принципы которой Кальдерон выразил в своем творчестве, то есть к барокко; наконец, интерес поэта к «Песне о Нибелунгах» показателен для той переоценки средневекового (в частности, старонемецкого) искусства, которая под влиянием романтизма происходила в поздней гетевской эстетике.

Что же касается сербской литературы (в эстетическом мышлении Гете она конкретизировалась прежде всего как сербский эпос), то о масштабах интереса поэта свидетельствует тот факт, что в период с 1823 г. по 1828 г. он пишет 8 посвященных ей статей и заметок, обсуждает эту тему с Эккерманом и Римером, в переписке с немецкими и иностранными корреспондентами и т. д. Мы лучше поймем своеобразие и причины этого внимания, если хотя бы вкратце познакомимся с гетевской концепцией мировой литературы (см. [4—7]).

Эта концепция представляет собой универсальную теорию, вобравшую не только итоги эстетических исканий поэта, но и его опыт историка

¹ Издание цитируется с небольшими изменениями и уточнениями автора.

и философа, а также результаты его многолетних научных штудий; ниже мы остановимся на характеристике тех ее элементов, которые первоначально важны для понимания своеобразия рецепции Гете сербской словесности.

Гетевскую концепцию мировой литературы мы понимаем как специфическую модификацию воззрений поэта на мировой литературный процесс, складывавшихся в 1810—1820 гг.; важная веха здесь — понятие Гете мировой литературы, составляющее методологическое ядро этой концепции и свидетельствующее о том, что осмысление поэтом эволюции литературы поднимается на более высокий уровень обобщения.

В концепции Гете полно и широко отразился процесс интернационализации литературного развития, имевший место в начале XIX в. и исторически связанный с Французской революцией, ее ближайшими и отдаленными последствиями. В этот период литературы различных европейских народов приходят во все большее соприкосновение друг с другом: стремительно возрастает количество переводов как внутри европейского региона, так и с восточных языков на европейские, устанавливаются и крепнут личные контакты между писателями разных стран, идет активный обмен литературной информацией, интенсифицируются различные формы творческой рецепции инонационального художественного опыта: от оригинального его освоения до стилизаций и подражаний и т. д.

Начинают выходить периодические издания, освещающие развитие как национальных, так и инонациональных литератур: журнал французских романтиков, многозначительно названный «Глобус», журнал итальянских романтиков с не менее символическим названием — «Эхо», в Англии появляется «Ежеквартальное иностранное обозрение», в России выходит «Вестник Европы», в Германии Гете издает журнал «Искусство и древность», в котором публикует свои статьи по истории и теории мировой литературы (в том числе большинство работ по сербскому эпосу), и проч.

Данная эпоха выдвигает своеобразный тип интеллигента, представителя мировой культуры, берущего на себя функцию посредника в международном духовном общении; здесь можно назвать госпожу де Сталь как автора книги «О Германии», Карлейля как посредника между английской и немецкой литературами, Карамзина и Жуковского, активно знакомивших русского читателя с произведениями иностранных авторов, и, конечно же, самого Гете, неустанно призывавшего немецкую публику к внимательному и доброжелательному изучению духовных богатств других народов.

В 1810 г. и особенно в 1820 г. творческая личность Гете находится как бы в фокусе литературного развития эпохи и становится точкой приложения и отталкивания многообразных, зачастую перекрещивающихся литературных влияний и связей, выступая по отношению к ним в двойной функции: как их объект и субъект одновременно — обстоятельство, помогающее лучше понять, почему идея мировой литературы была выдвинута Гете и именно в этот период.

Процесс интернационализации захватывал не только литературу, но и другие сферы искусства и культуры, в его орбиту все более активно вовлекался и духовный опыт народов Востока; этот процесс, таким образом, обретал глобальный характер [8—9].

С точки зрения современного литературоведения гетевскую концепцию мировой литературы точнее всего определить как теорию интернационального литературного общения, в которой зафиксированы различные типы международных литературных связей; в данном случае важны два из них: личные контакты писателей разных стран и художественный перевод.

Особое внимание поэт уделял живому общению литераторов, их регулярным встречам и контактам. «Когда мы решаемся возвестить создание общеевропейской и даже всемирной литературы, — пишет Гете, — это означает вовсе не то, что теперь различные нации начинают узнавать друг о друге, о своих произведениях. В таком смысле мировая литература уже давно существовала и продолжает существовать, более или менее

обновляясь. Нет! Речь идет о том, что ныне живущие и действующие литераторы все ближе узнают друг друга и свои взаимные склонности, и общие взгляды побуждают их к общественной деятельности. Это достигается в большей мере поездками, чем перепиской, ибо только непосредственное личное общение может создать и в дальнейшем укреплять настоящую связь между людьми» [10, с. 569].

Эти принципы сложились у Гете в результате его непосредственного общения со многими десятками «живущих и действующих литераторов» разных стран; дом поэта в Веймаре стал местом литературного паломничества со всех концов света; можно сказать, что здесь наиболее активно бился пульс мирового литературного развития. Важно отметить и другой момент: в этих рассуждениях звучит мысль о необходимости установить в интернациональных культурных отношениях «надежное доверие», без чего поэт не мыслил наступления «эпохи мировой литературы»; тут гетевская концепция предстает как глубокая этическая теория [10, с. 576].

Важное место в размышлениях Гете о мировой литературе занимает проблема перевода. Некогда весьма скептически оценивавший потенции перевода, поэт в период формирования в его эстетике концепции мировой литературы (и в прямой связи с этим процессом) радикально пересматривает свою точку зрения. В письме от 20 июля 1827 г. Карлейлю, чья деятельность по ознакомлению английского читателя с немецкой литературой, по мнению Гете, способствовала приближению «эпохи мировой литературы», поэт писал: «Он (т. е. переводчик. — В. А.) действует посредником во всеобщем духовном товарообмене и взаимообогащении народов становится его кровным делом. Ибо что бы ни говорили о недостатках перевода, он есть и будет одним из важнейших и наиболее достойных средств развития всеобщих международных связей.

Коран гласит: „Бог дал каждому народу пророка, вещающего на его собственном языке“. Так и каждый переводчик — пророк в своем народе» [11, с. 439].

И в письме к нему же от 1 января 1828 г. Гете подчеркивал, что «именно связь оригинала с переводом наиболее ясно выражают отношения одной нации к другой, и именно их нужно глубоко изучать и уметь ценить для того, чтобы содействовать приходу всеобщей мировой литературы» [4, S. 370]. Пожалуй, первым в истории эстетической мысли поэт указал на функциональную значимость перевода для развития мировой литературы [12, S. 49—54].

Гете полагал, что перевод, способствуя взаимодействию литератур, содействует и сближению народов. «Перевод, который стремится быть идентичным оригиналу, — писал поэт, — обладает точностью подстрочника и безгранично приближает нас к подлиннику. Нас подводят, даже подталкивают к нему, и, наконец, весь круг сближения чужого со своим отечественным, знакомого с незнакомым — замыкается» [13, с. 237]. В такого рода «сближении» Гете видел выражение живых и постоянно обновляющихся связей культур народов разных стран; тех связей, которые он назвал «братскими узами».

И, наконец, о таком важном источнике гетевской концепции, как теория мировой поэзии Гердера, вырвавшая из его опыта исследователя фольклора разных народов [14—15]. Философ призывал «воспринять „голоса“ всех народов как „гармоническое многоголосье“, призвать поэтическую равноценность свойственных им выразительных средств, в какую бы форму они ни облекались, уловить в их множестве единый, универсальный голос человечества» [9, с. 32]. Гете, восприняв эту теорию, соединил ее с идеей развития и тем самым устранил присущую ей ретроспективность. В эстетике Гете гердеровская теория мировой поэзии перерастает в универсальную концепцию мировой литературы, которую поэт намеренно строит как обращенную в грядущее.

При этом ранний этап исторического развития литературы (назовем его, используя терминологию Гердера и Гете, «эпохой мировой поэзии») сохраняет свое значение для Гете, однако, его интерес к нему падает в степени, соизмеримой с той, в какой растет его внимание к «эпохе ми-

ровой литературы» как феномену высшего порядка [3, с. 219; 16, S. 245—246].

Гердер выступал и предшественником Гете в изучении народного творчества славян. Поместив в издании «Голоса народов в песнях» образцы славянского фольклора, философ содействовал его растущей известности; с большим вниманием относился он к России, которая представляла для него особый интерес как своего рода «сокращенная вселенная» [17]. С искренней симпатией отзывался Гердер о славянах в своем главном труде — «Идеях к философии истории человечества», где он, в частности, высказывает пожелание, «чтобы исчезающие остатки славянских обычаев, песен и сказаний были собраны и чтобы, наконец, была создана целостная история этого племени, чего настоятельно требует общая картина человечества» [18, с. 472].

Внимание Гердера (и Гете) к славянской культуре было по достоинству оценено в славянском мире; характеризуя это внимание, Ян Коллар писал: «Гете, Гердер... были первыми, кто в Германии начал трудиться против антиславянских предрассудков, клеймил слепую национальную ненависть и пробивал путь человеческим чувствам и взглядам» [19, с. 59]. На необходимость изучения славянской словесности в кругу других литератур указывали и романтики, например, Ф. Шлегель в «Истории древней и новой литературы».

Были, правда, примеры и иного отношения к истории и культуре славян: не кто иной, как Гегель смотрел на них, что называется, сверху вниз, оказываясь на западноевропоцентристской точке зрения, разительно отличавшейся от позиций Гердера и Гете.

Постепенно славянские (в том числе русские) мотивы и тематика все шире входят в литературы различных европейских стран [20—21]. Обострение интереса к славянскому миру было связано и с освободительной миссией России в ее борьбе с наполеоновской агрессией.

В первые десятилетия XIX в. разворачивается многогранная деятельность выдающегося сербского просветителя Вука Стефановича Караджича по собиранию, изучению и изданию сербских народных песен, которая имела широкий европейский резонанс. В Германии активным пропагандистом и переводчиком сербского фольклора выступил известный филолог Я. Гримм, ставивший сербский эпос в один ряд с гомеровскими поэмами. «Благодаря Я. Гримму сербы, их язык и народная поэзия, а с ними и облик самого Вука Караджича были впервые по-настоящему открыты научно-литературными кругами Европы» [22, с. 11]. Сербские песни переводили и комментировали Й. Фатер, В. Герхардт, Тальви (псевдоним Терезы фон Якоб, с 1807 г. по 1816 г. жившей в России и изучавшей русский язык) [23].

В России в разные годы к фольклорным изданиям сербского просветителя обращались Пушкин, Гоголь, Чернышевский и другие выдающиеся представители отечественной культуры (см. [2]). Известно, что несколько стихотворений, включенных Пушкиным в цикл «Песни западных славян», были переведены им из Караджича [24, с. 166; 2, с. 119—120].

С деятельностью Караджича в решающей степени связано усиление процесса художественной рецепции сербского эпоса, в 1820—1830 гг. его мотивы находят отражение в литературах Англии, Франции, Германии, России и других стран.

Сербский эпос, таким образом, выступал действенным фактором интенсификации интернациональных литературных контактов в масштабах европейской литературы как региональной общности, уже одно это обстоятельство должно было вызвать интерес к нему со стороны Гете — автора концепции мировой литературы. Тем более, что поэт был так или иначе причастен к некоторым эпизодам этого процесса.

Гете, состоящий в многолетней переписке с Гриммом, был прекрасно осведомлен о его трудах в области славянской филологии и опирался на них в собственных славяноведческих штудиях. Поэт решительно поддержал Т. фон Якоб в ее усилиях опубликовать сборник сербских народных песен: получив рукопись их переводов (основой для которых послужило из-

дание Караджича), Гете высказал несколько пожеланий, впоследствии учтенных издательницей (два тома сборника вышли в 1825—1826 гг. под названием «Народные песни сербов. Метрически переведенные Тальви и снабженные историческим введением»). Первоначально введение планировал написать сам Гете). На появление сборника поэт откликнулся благожелательной рецензией, как и на «Вилу» Герхардта (опубликована в 1828 г.) [16, S. 282—284, 289—291].

Поддержка, оказанная Гете, сыграла важную роль в судьбе Т. фон Якоб как исследовательницы славянской культуры. Постепенно расширяя круг разысканий в этой области, она в 1850 г. публикует по-английски «Историческое обозрение языков и литератур славянских наций с очерком их народной поэзии» [25]. Любопытно, что ее отец — государствовед Людвиг Генрих фон Якоб — одно время состоял профессором Харьковского университета, в подборе научных кадров для которого участвовал Гете.

Разумеется, Гете был хорошо знаком с самим сербским эпосом, в котором он выделял цикл о Королевиче Марко. Интересна характеристика, даваемая поэтом этому образу: «Он может служить грубым подобием греческого Геркулеса и персидского Рустама... Он главный из сербских героев, самый непобедимый, беспредельно сильный, неудержимый в своих желаниях и свершениях» [10, с. 486]. Любопытно и то, что Гете привлекали параллели между этим героем и Георгием Черным, возглавившим в начале XIX в. борьбу сербов с турками [16, S. 352].

Высоко оценивал Гете сербские любовные песни: «Они отличаются величайшей красотой и возглашают прежде всего совершенно безоглядное слияние двух любящих, которым ничего на свете не нужно, кроме их любви; вместе с тем, они духовно богаты, изящно шутливы...» [10, с. 487].

Особое значение приобретает тот факт, что поэт был одним из тех, кто стоял у истоков европейской известности сербского эпоса; на этом вопросе в контексте рассматриваемых проблем следует остановиться более подробно.

В 1774 г. итальянский аббат А. Фортис издал «Путешествие по Далмации», содержащее запись латиницей на сербском языке знаменитой «Хасанагиницы», которую он взял из книги А. Качича-Миошича «Приятная беседа славянского народа» и которой было суждено сыграть важную роль в процессе восприятия в Европе сербской литературы [26]; Фортис дал и ее перевод на итальянский. Гете перевел ее с итальянского на немецкий. «Его перевод близок оригиналу, — отмечает советский исследователь сербского эпоса. — „Хасанагиница“ заинтересовала Гете своей художественностью и теми моральными вопросами, которые в ней так трагически развиты» [27, с. 184].

К этому можно добавить, что поэта, уже тогда испытывавшего острый интерес к Востоку, привлек ориентальный колорит «Хасанагиницы», сложившейся в среде славян-мусульман. Внимание к восточному влиянию в сербской литературе, развивавшейся на стыке западной и восточной цивилизаций, сохранится у Гете и в дальнейшем. Восприятие сербской литературы под этим углом зрения могло оказать стимулирующее воздействие на вызревание гетевской идеи западно-восточного синтеза — одной из центральных категорий концепции мировой литературы поэта [7—9].

В 1778 г. Гердер опубликовал «Хасанагиницу» — вместе с переводами нескольких песен Качича-Миошича — в сборнике «Голоса народов в песнях». «Уже самый тот факт, что сербские песни были включены в такой сборник, как „Голоса народов“, говорит о том, что юнацкие песни нашли себе признание в мировой литературе» [27, с. 185]. Впоследствии Вук Караджич писал о «Хасанагинице» в гетевском переводе: «Это первая папа пародная песня, появившаяся в ученой Европе» [28, с. 338].

Уместным тут будет остановиться на взаимоотношениях Караджича и Гете. Посетив осенью 1823 г. Веймар, Караджич в письме Е. Копитару (тоже заметной фигуре в истории германо-славянских культурных отношений) сообщал: «В Веймаре я провел восемь дней, и могу сказать, что это были счастливейшие дни в моей жизни. У меня было письмо к Гете от Гримма (т. е. Якоба Гримма. — В. А.), в котором он посылал ему перевод

песни Джуры Якшича... Мы долго говорили о наших песнях, он прочел перевод Джуры Якшича, спросил меня при этом, как звучат в оригинале некоторые стихи, и сказал, что напечатает эту песню, затем он попросил меня перевести для него дословно несколько песен и прислать их ему» [29, с. 367].

За несколько лет до этого такое же пожелание Гете высказал посетившему его Коллару: он попросил его «достать и перевести для него несколько словацких народных песен, так как он много слышал об их богатстве» [29, с. 367]. Образцы фольклора славянских стран поэт получал также от Шафарика и Челаковского. А когда Гете в канун его 80-летия посетили Мицкевич и Одынец, поэт «с особым интересом» расспрашивал их о своеобразии польских «провинциальных песен» [30, S. 462].

Со своей стороны, Гете ценил Караджича как знатока и — что особенно важно — пропагандиста культурного наследия сербского народа в Европе. Аттестуя его в статье «Сербские песни» как «замечательного человека», поэт продолжает: «...родившийся в 1787 году и воспитанный на рубеже Сербии и Боснии, с юных лет познал он свой родной язык, который в деревнях значительно более чист, чем в городах, и полюбил свою родную поэзию. Он с величайшей серьезностью стал изучать эти предметы, издал в 1814 году в Вене сербскую грамматику и одновременно сборник сербских народных песен, числом сто... Тогда же я получил этот сборник с немецкими подстрочными переводами... Я очень высоко ценил этот дар и очень ему радовался...» [40, с. 492].

Гете содействовал и ознакомлению немецкой публики с работами сербского просветителя; например, в 1824 г. он опубликовал в издававшемся им журнале «Искусство и древность» выполненный Караджичем перевод на немецкий язык песни о смерти Королевича Марко. Так налаживались и укреплялись контакты между величайшим немецким поэтом и одним из выдающихся представителей славянской культуры.

«Хасанагиница» оказалась в центре внимания Гете к сербскому эпосу. В статье «Сербская литература» поэт, отметив множасьщиеся случаи появления в Германии произведений сербской литературы на языке оригинала, замечает: «Для меня, который в юные годы перевел „Жалобную песнь благородной жены Хасана-Аги“ (так называлась „Хасанагиница“ в гетевском переводе.— В. А.) и возбудил к этому прекрасному произведению некоторое участие, важно настойчивей рекомендовать (изучать) язык, ставший нам доступным благодаря грамматике, словарю и столь многим замечательным стихам (Гете имеет в виду научные труды Караджича и его собрания сербских песен.— В. А.). Я никогда не переставал знакомиться со стихотворениями, написанными на сербских диалектах; правда, только по переводам, которыми меня снабжали венгерские друзья. Все это, однако, оставалось втуне, ибо меня отвлекали другие заботы, но сейчас, когда за дело... взялся господин библиотекарь Гримм, оно уже не может, как ранее, отойти на задний план» [16, S. 280].

И поэт продолжает: «Когда несколько лет назад находившихся в Вене сербов попросили продиктовать их национальные песнопения для любителей натуральной поэзии, высоко их ценивших, то они решительно отказались, так как полагали, что над нами хотя бы посмеяться и унижить их простые, верные природе сочинения, сравнивая их с достигшей высокого искусства немецкой поэзией. Чтобы показать им, что и у нас умеют ценить их своеобразную поэзию, их познакомили с упомянутым выше, чрезвычайно близко следовавшим оригиналу, переводом песни о благородной жене Хасана-Аги, чему они обрадовались, сообщили песню на своем родном языке, в каком виде она и была напечатана; тогда обрели свой смысл некоторые не понятые мною слова. Так продолжает оказывать поздействие верное, проистекающее из чувства и разума начинающие и приносит в позднейшие времена желаннейшие плоды» [16, S. 212].

Перед нами не только одно из свидетельств органичного интереса поэта к сербскому эпосу, но и импульс движения эстетической мысли Гете к концепции мировой литературы и одновременно — характерный пример формирования контекста «эпохи мировой литературы».

В 1827 г. поэт вновь вспоминает о сербских песнях в связи с двумя чрезвычайно заинтересовавшими его событиями: выходом в свет «Гузлы» П. Мериме и антологии Д. Боуринга «Сербская народная поэзия». «Лишь с недавних пор,— подчеркивает Гете в рецензии на „Гузлу“,— французы принялись с живым интересом и благорасположением следить за поэзией чужестранцев и признали за другими народами известные права в области эстетического. Со столь же недавнего времени они стали охотно пользоваться в своих произведениях и чужеземными формами. Самое новое и удивительное, пожалуй, это то, что они теперь все чаще выступают под маской других наций, ...невозможно, конечно, выразить лучше свое проникновение в склад поэзии и образ мыслей другого народа, как приблизившись к ним путем подражания и перевода... Пусть господин Мериме... на нас не сердится, если мы здесь объявим его автором „Театра Клары Газуль“ и сборника „Гузла“...» [10, с. 547—548].

Для адекватного понимания этого высказывания поэта нужно вспомнить о специфике его трактовки французской литературы. По мнению Гете, эта литература, оказывая мощное воздействие на другие европейские литературы, сама оказывается весьма труднопроницаемой для художественных импульсов извне. И факт рецепции в ней мотивов сербского эпоса должен был явиться для Гете одним из доказательств того, что и французская литература постепенно раскрывается для влияния других литератур, и, таким образом, более активно участвует в процессе международных литературных взаимодействий, иными словами, в формировании «эпохи мировой литературы».

В этой связи поэт мог думать и об активной рецепции собственного творчества во Франции: в том же 1827 г. вышли в свет два издания его «Фауста» в переводах А. Стаффера и Ж. де Нерваля [31].

Добавим к сказанному, что в своих литературно-критических работах поздний Гете подчас прибегает к типологическому сопоставлению французской и сербской литератур: как наиболее «культивированной», с одной стороны, и наиболее «народной», с другой. Поэту, хорошо знакомому с основными источниками и исследованиями сербского фольклора, нетрудно было разглядеть в «Гузле» талантливую «подделку».

Примечательна и рецензия Гете на антологию Боуринга. «Известные и признанные сербские стихотворения в английском переводе..., казалось, приобрели новое качество,— пишет поэт,— это были те же самые фигуры, но как бы в новом одеянии» [16, S. 291]. Здесь выступает одна из сторон гетевской теории перевода как органичной части его концепции мировой литературы; по мнению поэта, каждый новый перевод обнаруживает неизвестные ранее грани в самом оригинале. Излагая впечатления от чтения первой части своего «Фауста» во французском переводе, Гете констатирует: «Французский язык, который всему придает веселую легкость, облегчает ее созерцание и понимание, делает ее значительно более ясной и обозримой» [10, с. 539]. А знакомство с «английским» Шиллером открывает для него в пьесах немецкого драматурга глубокое, дотоле не замечавшееся им, шекспировское начало [10, с. 542].

Следует подчеркнуть, что в связи с изучением сербского эпоса Гете ставит и другие важные проблемы перевода. Сравнивая различные варианты переводов на немецкий язык сербских песен, он замечает: «Мы считаем в высшей степени достохвальным, когда другие народы усваивают от нас то, что мы создали своеобразного в своих пределах, однако, не меньшее значение имеет и то, когда иноземцы через нас познают произведения других народов. Если нам и впредь удастся достигать таких свободных от аффектации приближений в переводах, то вскоре иноземцы будут обращаться к нам в поисках товаров, которые трудно получить из первых рук» [10, с. 494].

Поэт формулирует здесь тезис о значении языка-посредника для развития интернационального литературного взаимообщения; в наше время вопрос о литературном посреднике привлекает внимание, в частности, в связи с проблемой мировой литературы [32, л. 290—343]. Гете явно руководствуется тут намерением приобщить к знакомству с богатствами сербской

(и в принципе — любой другой «труднодоступной») литературы максимально большее число читателей.

Обращаясь же непосредственно к немецкой аудитории, поэт высказывает мысль о желательности иметь двуязычные (на немецком и языке оригинала) издания произведений славянских авторов: «...Это помогло бы осуществить наше пожелание, чтобы славянская словесность вошла и в немецкую литературу» [11, с. 424].

Рецензия на английскую антологию имеет любопытное продолжение, где вновь — на сей раз на примере английского языка — всплывает проблема литературного посредника: «Господин Боуринг уже в 1821 году одарил нас также русской антологией, благодаря которой мы смогли ближе познакомиться с теми талантами на отдаленном Востоке, от которых нас отделяет сравнительно мало распространенный (в нашей среде) язык. Вследствие этого не только знаменитые имена обрели для нас более живое значение, но мы еще ближе познакомимся с господином Жуковским, который уже давно стал для нас близко родственным и любимым другом; его нежные стихи и ранее обязывали нас к дружескому почитанию, а ныне мы можем с любовью и восхищением следить за дальнейшим развитием его поэтического таланта» [16, S. 291].

Поэт заканчивает характерным для него обращением, подсказанным его собственным опытом: «Мы весьма настоятельно рекомендуем оба эти издания (то есть сербскую и российскую антологию Боуринга. — В. А.) всем тем, кто обращает свои взоры на Восток и уделяет внимание своеобразию славянского поэтического искусства» [16, S. 291].

Для нас в данном случае важно не только подчеркнуть позитивную оценку, даваемую Гете деятельности Боуринга как культурного посредника между Западом и славянским миром (наряду с русской и сербской, Боуринг пропагандировал также польскую литературу), но и отметить интерес поэта к русской литературе [33—34].

Антология Боуринга, содержащая образцы русской поэзии XVIII — начала XIX вв. [35, с. 200—206], была тем изданием, по которому Гете ознакомился с русской словесностью; впоследствии поэт использовал и другие работы, в частности, написанную по-французски брошюру Э. Мещерского «О русской литературе» (1830), где было уделено место творчеству Пушкина.

Остановимся на примечательном эпизоде рецепции за рубежом последнего русского поэта. В 1838 г. Фарнгаген фон Энзе, много сделавший для сближения русской и немецкой литератур [36—37], публикует свою известную статью о Пушкине, где причисляет его к корифеям мировой литературы. Между работой немецкого критика и концепцией мировой литературы Гете существует взаимосвязь. Фарнгагену фон Энзе, испытывавшему сильное влияние Гете, «была понятна и близка гетевская идея всемирной литературы; в ней он видел осуществление высокого, чуждого национальной замкнутости идеала человечности; в Пушкине он нашел прямое воплощение этого идеала» [38, с. 222]. Статья имела резонанс в Германии (здесь она, в частности, содействовала разоблачению предрассудков относительно славянской культуры) и за ее пределами [39, с. 189—190, 256—259]. В Англии на нее откликнулся глашатай гетевской концепции мировой литературы Карлейль [40, р. 38], в России ее сочувственно прокомментировал Белинский [41, с. 182—185]. Концепция Гете оказалась вовлеченной в процесс восприятия Пушкина в различных европейских странах.

Гете интересовался и русским фольклором [42]. Он знал книгу П. Гётце «Голоса русского народа в песнях», был знаком с «Отзвуками русских песен» Ф. Челаковского (некоторые из этих песен автор прислал Гете с их немецкими переводами). Любопытно, что в библиотеке поэта было издание «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова [43, S. 248—249]. Поэт также проявлял внимание к русской иконописи и русской церковной музыке.

Вернемся, однако, к нашей теме. Гете — автор теории мировой литературы воспринимал рецепцию сербского эпоса в европейских литературах как совокупность сопряженных друг с другом (отчасти «генериро-

ванных» им самим) импульсов, отложившихся в развитии различных национальных литератур и способствовавших их взаимодействию и взаимооближению в рамках наступавшей «эпохи мировой литературы».

Знаменательно письмо Гете к Штрекфусу, при активной поддержке поэта посредничавшему в деле сближения итальянской и немецкой литератур, интенсивно переводившему итальянских авторов, в частности, Данте и Мандзони: «Если Вы знаете какое-либо произведение в иностранных литературах, о котором Вы хотели бы вкратце высказать свое мнение, то сделайте это и поставьте меня в известность. Продукты различных наций столь дьявольски (*veloziferisch*) проникают ныне друг в друга, что нужно выработать для себя новый способ знакомства с ними и суждения о них» [44, S. 136] (см. также [45, S. 28; 46, p. 447—448]).

Несомненно, что, декларируя необходимость «нового» подхода к тому или иному литературному феномену, поэт ведет речь о его рассмотрении в плане мировой литературы; это и имело место в случае с восприятием им сербского эпоса.

Такой подход отражал специфику функционирования сербского эпоса в литературном процессе. Характерным примером рецепции мотивов сербского фольклора может служить их преломление — через посредничество Мериме — в «Песнях западных славян» Пушкина. Русский поэт не обошел своим вниманием «Хасанагиницу» — перевел ее начало, причем по сербскому оригиналу. В Англии «Хасанагиницу» переводил (по переводу Гете) Вальтер Скотт, во Франции — Шарль Нодье. Новый французский перевод баллады появился во втором издании «Гузль» (1840). Многократно опосредованы мотивы сербского эпоса в произведениях пользовавшейся в то время немалой популярностью «вампирической» литературы.

Гете интересовался и современным состоянием сербской литературы, подчеркивая при этом значение фольклорной традиции для ее развития. В 1827 г. он публикует в «Искусстве и древности» статью «Новинки сербской поэзии», где останавливается на анализе «Сербянки» Симы Милутиновича, содержание которой ему подробно пересказал сам автор. Связывая идейно-художественное своеобразие произведения с историческими условиями, в которых развивалась сербская словесность, поэт пишет: «Весьма любопытен тот факт, что Георгий Черный и его соратники (среди них, как известно, был и сам Милутинович. — В. А.) находились в том же конфликте с турками, в какой сейчас вступили греки. Нам было чрезвычайно интересно разобраться в сходных чертах и в различиях между этими двумя восстаниями против давнего господства узурпаторов».

Итак, это поэтическое произведение, насколько мы могли проникнуть в его духом, представляется нам весьма замечательным как повторение часто проявляющихся стремлений, интересным благодаря прекрасно обрисованным характерам главных действующих лиц» [29, с. 468].

Обращает на себя внимание сопоставление поэтом «конфликта» сербов с турецкими поработителями и восстания греков против «узурпаторов» (отметим, что эти национально-освободительные движения сближали также Пушкин и Байрон). Борьба греческого народа, вызвавшая живой интерес и симпатии эллинофила Гете, стала объектом художественной рецепции в знаменитой классическо-романтической «Елене» — третьем акте второй части «Фауста», где поэт в образе легендарного Эвфориона символически запечатлел черты Байрона, принявшего личное участие в греческом восстании [47]. Вспоминая об истории создания «Елены», поэт писал 22 октября 1826 г. С. Буассере, игравшему заметную роль в культурных отношениях между Германисей и ее соседями: «Елена представляет собой одну из моих старейших концепций, задуманную одновременно с „Фаустом“... Ее события обнимают три полных тысячи лет, от падения Трои до взятия Миссолунги (город, где в 1824 г. умер Байрон. — В. А.)» [48, S. 558].

У Гете идет речь о гигантском периоде исторического развития человечества: от воспетых Гомером легендарных событий войны греков с троянцами до вспыхнувших в начале XIX в. восстаний против турецкого гос-

подства. В «Елене» могло отразиться осмысление поэтом многолетнего и разнообразного опыта борьбы не только греческого, но и славянских народов (в частности, сербского) против османского ига. Примечательно, что хронологически занятия Гете сербскими песнями совпадают с его изучением новогреческих песен, которые он переводил частью с оригинала, частью по немецким и французским подстрочникам; поэт, несомненно, почувствовал их созвучие в том, что касается пафоса борьбы против иноземных захватчиков [16, S. 293—303; 49]. Учитывая символично-синтезирующий характер художественного отражения в «Елене» исторических событий [50], вопрос о рецепции в ней славянского материала может быть поставлен с достаточным основанием.

Наряду с восприятием сербского эпоса в ракурсе интернациональных литературных взаимосвязей поэт рассматривал его и в плане исторической эволюции литературы. Гете проводит различие между «народными песнями», которые «звучат монотонно, так как выражают одно и то же ограниченное состояние» [51, с. 346], и «песнями народов», которые «обрисовывают своеобразие того или иного народа и отображают если не весь его характер в целом, то хотя бы его главные и основные черты» [51, с. 351]. Акцент переносится на национально-самобытное начало в фольклорном творчестве, и именно под этим углом зрения трактует поэт сербский эпос.

Обнаруживая широту познаний, Гете соотносит его с гомеровскими поэмами, новогреческими героическими песнями, испанскими романсами, старочешской поэзией, литовскими дайнами, скандинавскими сагами, немецкими «Песней о Нибелунгах» и «Волшебным рогом мальчика», персидскими эпическими сказаниями, французскими народными песнями, библейскими преданиями. В этом последнем случае он сопоставляет лирические песни сербов с ветхозаветной «Песней песен»; для такого сравнения у Гете было тем больше оснований, что он в 1775 г. — то есть почти тогда же, когда перевел «Хасанагиницу» — переложил «Песнь песней» с древне-еврейского.

Сравнительное изучение фольклора разных народов укрепляло в Гете уверенность в том, что, как он писал в статье «Сербские песни», «...единая мировая поэзия существует и, смотря по обстоятельствам, проявляет себя. Ни содержание, ни форма не должны при этом заимствоваться, — везде, где светит солнце, имеет место ее развитие» [51, с. 407].

Такая концепция мировой поэзии свидетельствует о близости Гете к Гердеру; с другой стороны, проводя дифференциацию субстрата мировой поэзии, поэт трактует ее более диалектически.

Если, по мнению Гете, в «эпоху мировой поэзии» ни содержание, ни форма ни должны заимствоваться, то «эпоха мировой литературы» как период активного взаимообщения национальных литератур, напротив, безусловно предполагает такое «заимствование». В этом корень проблемы, тут раскрывается специфика и масштабы интереса Гете — автора концепции мировой литературы к различным этапам эволюции литературы. Поэту, рассматривающему интенсификацию международных литературных связей как один из факторов, обеспечивающих растущее единство мировой литературы в ходе ее исторического развития, важно выявить диалектику этого процесса. От «эпохи мировой поэзии» (а в ее границах — от «народных песен» к «песням народов») Гете восходит к эпохе национальных литератур и далее к «эпохе мировой литературы», связывая ее полный расцвет с грядущими этапами духовной эволюции человечества. Поэт делает здесь значительный шаг вперед по сравнению с Гердером, который еще не вычленял интернациональные литературные контакты из контекста литературного развития и недостаточно четко проводил его периодизацию.

Свои размышления о мировой поэзии Гете в свойственном ему символическом стиле выразил в следующей строфе:

По-царски пел под арфу царь Давид,
У трона — виноградниц песнь звучит,
Меж Буль-буль и персидской розой дрожь,
У диких пояс из змеиных кож.

Меж полюсами обновлен напев;
И танец сфер, в смятении строен хором,—
Пусть племена под тем же небосводом
Свой хвалят дар, раздельность одолев.

Перевод М. Кузмина [52, с. 519]

Одним из самых репрезентативных феноменов мировой поэзии и был для Гете эпос сербского народа, представлявший тот этап эволюции литературного процесса, через который другие европейские (точнее — западноевропейские) литературы давно прошли.

Сербский эпос воспринимался Гете в двух аспектах, специфику которых можно определить терминами современного литературоведения: историко-функциональном [53, с. 208—242], с одной стороны, и историко-типологическом, с другой. О причинах, по которым доминирующим оказался именно первый из них, было сказано ранее. Следует, однако, подчеркнуть, что эти аспекты не были взаимоисключающими, а органично дополняли друг друга, вливаясь в русло универсалистской методологии Гете — творца концепции мировой литературы.

Восприятие Гете сербского эпоса — это только фрагмент обширной панорамы рецепции поэтом духовной культуры славян [21; 33—34; 54—58]. Здесь необходимы дальнейшие разыскания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Harder H.-B. Goethe und die slawische Welt. Goethe und die Welt der Slawen. Gies-sen, 1984.
2. Мазуркевич А. Ради жизни, правды и единства народов. Из разысканий о Вуке Караджиче. — Радуга, 1988, № 1.
3. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981.
4. Strich F. Goethe und die Weltliteratur. Bern, 1957.
5. Schrimpf H. J. Goethes Begriff der Weltliteratur. Stuttgart, 1968.
6. Weber P. Die Herausbildung des Begriffs der Weltliteratur. Literatur im Epochen-umbruch. Funktionen europäischer Literaturen im 18. und beginnenden 19. Jahr-hundert, Berlin und Weimar, 1977, S. 531—614.
7. Аветисян В. А. Гете и проблема мировой литературы. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. М., 1987.
8. Брагинский И. С. Западно-восточный синтез в «Диване» Гете и классическая поэзия на фарсе. М., 1963.
9. Кессель Л. М. Гете и «Западно-восточный диван». М., 1973.
10. Гете И. В. Об искусстве. М., 1975.
11. Мастерство перевода. Сб. 9. М., 1973.
12. Sdun W. Probleme und Theorien des Übersetzens in Deutschland vom 18. bis 20. Jahrhundert. München, 1967.
13. Мастерство перевода. Сб. 5. М., 1968.
14. Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера. — В кн.: И. Г. Гердер. Избран-ные сочинения. М.—Л., 1959, с. VII—LX.
15. Гуляга А. В. Гердер. М., 1975.
16. Goethes sämtliche Werke. In vier Hauptbänden und einer Folge von Ergänzungs-bänden. Bd. 15. (Teil 31). Schriften zur Literatur. Leipzig, 1922.
17. Леман У. И. Г. Гердер как основоположник демократической концепции русско-немецких взаимосвязей. — Из истории русско-немецких литературных взаимосвя-зей. М., 1987, с. 30—37.
18. Гердер И. Г. Идеи в философии истории человечества. М., 1977.
19. Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963.
20. Булыгина В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (пер-вая половина). М., 1977.
21. Данилевский Р. Ю. Русская тема в немецкой литературе первой половины XIX ве-ка. — Восприятие русской культуры на Западе. Л., 1975, с. 86—107.
22. Смирнов Ю. Вук Караджич и его фольклорное собрание. — Сербские пародные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987, с. 3—20.
23. Jähnichen M. Vuk Karadzic der Demokrat und sein Widerhall in der zeitgenössischen deutschen Kultur und Wissenschaft. Weimarer Beiträge, 1987, N 12, S. 1989—1999.
24. Merimee — Пушкин. М., 1987.
25. Mojsievic M. Eine Leistung Goethe zuliebe. Talvj, Goethe und das serbokroatische Volkslied. Goethe — Jahrbuch, Bd. 93. 1976, S. 164—189.
26. Murko M. Das Priginal von Goethes «Klages und vom der elden Frauen des Asan Aga» in der Literatur und im Volksmunde durch 150 Jahren. Brünn, 1937.
27. Краевцов Н. И. Сербский эпос. М.—Л., 1933.
28. Голенищев-Кутузов И. Н. Эпос сербского народа. М., 1963.
29. Рейман П. Основные течения в немецкой литературе 1750—1848 гг. М., 1959.

30. Goethes Gespräche. Bd. 3. Zürich, 1972.
31. Baldensperger F. Goethe en France. Paris, 1904.
32. Коппаф Н. И. Запад и Восток. М., 1972.
33. Дурьялин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре.— В кн.: Литературное наследство. Т. 4—6. М.—Л., 1932, с. 82—504.
34. Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л., 1982.
35. Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. М.—Л., 1958.
36. Ботаникова А. Б. Фарнаген фон Энзе и русская литература.— Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 96—114.
37. Raad H. Varnagen von Ense und die russische Literatur.— Fremdsprachunterricht. 1958. N. 11, S. 568—573.
38. Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении.— Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII. Л., 1974, с. 221—250.
39. Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина М.— Л., 1938.
40. Briefe Th. Carlyle's an Varnagen von Ense aus den Jahren 1837—1857. Berlin, 1892.
41. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1953.
42. Данилевский Р. Ю. Интерес И. В. Гете к русскому фольклору.— Русский фольклор. Вып. 18. Л., 1978, с. 180—187.
43. Goethes Bibliothek. Katalog Bearb. von H. Ruppert. Weimar, 1958.
44. Goethes Werke. Sophien — Ausgabe. Abt. IV. Bd. 43. Weimar, 1908.
45. Goethes Werke. Sophien — Ausgabe. Abt. IV. Bd. 42. Weimar, 1907.
46. Friederich W. P. Dante's Fame Abroad. 1350—1850. Roma, 1950.
47. Аветисян В. А. Гете и Байрон (в связи с концепцией мировой литературы).— Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45, № 5, с. 378—389.
48. Goethe J. W. Faust. Bibliothek der Weltliteratur. Berlin und Weimar. 1975.
49. Irmischer G. Goethe und die neugriechische Literatur. Goethe — Jahrbuch, Bd. 98. 1981, S. 43—48.
50. Аветисян В. А. «Фауст» и концепция мировой литературы Гете.— Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984, Т. 43, № 5, с. 415—427.
51. Гете И. В. Собр. соч. в 10-ти томах. Т. 10. М., 1980.
52. Гете И. В. Собр. соч. в 13-ти томах. Т. 1. М., 1932.
53. Храпченко М. Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., 1977.
54. Propper M. von. Goethe und Puschkin — Wahrheit und Legende. Goethe — Jahrbuch, Neue Folge, Bd. 12. 1951, S. 218—259.
55. Fahrten nach Weimar, Slawische Gäste bei Goethe. Weimar, 1958.
56. Goethe und die Welt der Slawen. Giessen, 1981.
57. Гейман Б. Я. Петербург в «Фаусте» Гете. (К творческой истории 2-ой части «Фауста»).— Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета. Вып. 2. Л., 1950, с. 64—96.
58. Алексеев М. П. Заметки на полях. К сцене из «Фауста» Пушкина.— Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л., 1979, с. 80—97.

ХРОНОМЕТРИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

Повседневные действия людей, составляющих общество, в значительной мере согласуются между собой. Эта координация осуществима постольку, поскольку действующие лица знают, *который час*. Человечество насыщено множеством башенных, настенных, напольных, настольных, ручных, нашейных и карманных часов, они есть на уличных столбах и в пультах управления машинами; производство часов находится на уровне 600 млн штук в год [1]. Радио ежечасно передает для сверки сигналы точного времени, у всех есть возможность набрать в любую минуту номер телефона «говорящих часов». Люди спорят так, что иногда вспыхивают войны, но в отношении того, *который час*, все находятся в идеальном согласии — и не ослабляют внимание к движению минутной стрелки. Для психики это составляет своего рода работу, дополнительную нагрузку, а право отключиться, побыть расточительным в расходовании времени ощущается как отдых. По глубокому замечанию поэта, *счастливые часов не наблюдают*.

Глобальная служба времени, сегодня основанная на атомном эталоне, погрешность которого в одну секунду может накопиться за 700 000 лет, возникла не вдруг, не на пустом месте. Историки культуры знают, что считать и ценить время, разделять суточный круг на все более дробные части люди учились издавна. Первооснова этого развития — внутренние часы человека, существовавшие уже на заре времен и сейчас изучаемые хронобиологией, молодой наукой, объектом которой являются циклические биологические процессы на всех уровнях организации живой системы. Появление часов как орудия, сделанного руками человека, открывает одну из первых страниц истории техники.

Конструктивный принцип первых часов построен на осознании того, что видимое движение солнца по небу закономерно и предсказуемо, а соответственно этому длину и направление тени от неподвижного предмета можно градуировать в единицах времени. Отбрасыватель тени и градуированная шкала при нем составляют солнечные часы. Не останавливаясь на гипотезах о хронометрическом назначении доисторических мегалитических построек — таких, как знаменитый Стоухендж, отметим, что солнечные часы знали в колыбели цивилизации — в Месопотамии [2] и в Древнем царстве Египта [3]. Они продолжали применяться — для юстировки всех других видов часов — до середины прошлого века, пока не начала действовать электросвязь.

В этюде, озаглавленном словами Плавта о Риме, — «Полон город солнечных часов» — О. А. Добиащ-Рождественская привела мысль остготского короля Теодориха Великого, записанную новоназначенным юным квестором Кассиодором (сам Теодорих, как и подобало германскому герою эпохи Великого переселения народов, писать не умел) в послании бургундскому королю Гундовальду, направленном в 507 г. вместе с часами, сконструированными философом Боэцием, и часовщиками впридачу: «Смутно проходит круговорот жизни, если неизвестно точно средство ее

расчленения. Обычай охоты — чувствовать часы по алканию голодного брюха. Человеку свойственно искать для своего быта верного и твердого указателя» [4]. Эту же идею недавно переиздан [5], но без обновления ссылок на первоисточники. Латинский оригинал цитаты см. теперь в [6].

Давний долг русистики — поддержать материалом Киевской Руси тему, выдвинутую выдающимся медиевистом-западником О. А. Добиаш-Рождественской. Однако часов Киевской Руси в музеях нет, археология хранит молчание. Догадка автора этих строк, что в домонгольскую эпоху должны были существовать водяные часы, поскольку без этого невозможна система колокольного звона древнего города [7], не встретила отклика. Предположение черниговского краеведа Г. И. Петраша, что движение солнечного света и тени по орнаменту кладки башни местного Спасо-Преображенского собора XI в. может говорить о хронометрическом назначении орнамента [8], безоговорочно — но и бездоказательно — поддержано В. Л. Ченакалом [9; 10]. Оно осталось предположением, тогда как сходная идея, выдвинутая тем временем в отношении Аахенского собора Карла Великого, имеет обоснование, расчеты и иллюстрации, составившие монографию [11], отрецензированную в печати [12].

На территории нашей страны солнечные часы найдены на армянских храмах с IV в. [13; 14]. По любезному сообщению С. А. Беляева (Институт всеобщей истории АН СССР), в неопубликованной документации археологических раскопок Херсонеса тоже как будто есть данные о солнечных часах в городе, положившем начало крещению Руси. Но сама Киевская Русь образует в представлениях медиевистов, писавших по этому вопросу, пустое место. Книга по всеобщей истории хронометрии, недавно увидевшая свет в нашей стране, приводит данные о древностях Средиземноморья, Китая, Индии, Перу, Родезии — но ни слова о Киевской Руси, причем без объяснения причин, без фиксации внимания на самом факте пробела [15]. Соответственно этому пишут о наших предках и западные медиевисты [16].

Между тем, пробела не было бы, если бы мы внимательнее читали И. И. Срезневского. В его «Материалах для словаря древнерусского языка» дана цитата из Студийского Устава по рукописи конца XII в. (ныне ГИМ, Синодальное собрание, № 330, л. 36): По прѣшъствию третияга стража ноци, рекъше ·Ѡ· час(ъ), падаѣтъ знамениѣ водныхъ час(о)въ. Цитата помещена в статье *часъ* и предваряется определением реалии: «Снаряд для измерения времени по часам, часы (во множ.)» [17].

Эти многообещающие сведения были в поле зрения только языковедов: они отмечены в «Этимологическом словаре славянских языков» [18] и так же лаконично — в одной из статей по исторической лексикологии [19], где новые идеи не выдвигаются, а написание подает вместо падаѣтъ существенно преобразовало синтаксис и смысл фразы. Обращение к рукописи удостоверило, что в «Материалах» И. И. Срезневского ошибки нет. Стремление осмыслить интересующий нас текст есть в учебном пособии для филологических факультетов университетов: «Водяные часы упоминаются в Уставе Студийском конца XII в. По-видимому, это византийские *клепсидры*» [20]. Предположение придется отклонить: А. А. Дмитриевским давно опубликован греческий текст этого предписания Устава. В нем, как увидим ниже, называется не клепсида, а гидрологий.

В интересах полноты интерпретации текста есть необходимость расширить границы цитаты — не в упрек И. И. Срезневскому, поскольку в его «Материалах» ставилась задача лексикографической регистрации факта, взятые там границы соответствовали поставленной задаче вполне. Нужный для историко-культурной интерпретации широкий контекст возьмем в двух древнерусских редакциях — по вышеупомянутому Студийскому Уставу конца XII в. и по никем не привлекавшемуся в делах хронометрии Типографскому Уставу конца XI — начала XII в. (Библиотека Третьяковской галереи, К—5349, л. 120б) — а также по греческой редакции.

1. Текст из Типографского Устава.

О с(ва)тѣи велицѣи нед(ѣлѣ)·вѣдѣти ксть·яко прѣшъствиѣ ·Ѡ· стра-

ию рекше въ Ѡ час(ъ)·подаваѣтъ знамениѣ водньныхъ часовъ· тако же всю нед(ѣлю)·до антипасхы·поп(ъ) вѣстаѣтъ възбоужаѣти·и обиходит(ъ)· възбоужаѣ брат(и)ю· съ свѣщею· вѣщаѣт ѡ снѣмѣ гласѣмъ· Х(ристо)съ въскресе.

II. Текст из Студийского Устава.

О С(В)АТЪИ И ВЕЛИЦЪИ НЕД(Ъ)Л(Ъ)·вѣдѣти кѣтъ· ꙗко по прѣшъствии третия стража ноци· рекше Ѡ час(ъ)· падаѣтъ знамениѣ водньныхъ час(о)въ· по семь вѣстаѣт(ъ) възбоужаѣти·и обиходит(ъ) възбоужаѣ брат(и)ю· съ свѣщею· вѣщаѣт ѡ снѣмѣ глас(ъ)мъ· Х(ристо)съ въскресе.

III. Греческий текст по рукописи № 322 (956) XIII/XIV в. Ватопедской библиотеки (Афон), л. 132 [21].

Περὶ τοῦ ἁγίου Πάσχα. Ἰστέον, ὅτι μετὰ τὸ παρελθεῖν δευτέραν φυλακὴν ἢ καὶ τρίτην, ἣτοι τὴν ἐνάτην ὥραν πίπτει τοῦ ὕδρολογίου τὸ σύσημον, καὶ τῇ τούτου σημασίᾳ ἐγείρεται ὁ ἀφρητιστὴς ἅμα τοῦ κανονάρχου καὶ λαμβάνουσιν ἀμφὸ εὐχὴν εἰς τὸν καθηρούμενον, καὶ ὁ μὲν ἀφρητιστὴς μετὰ φανοῦ περιέρχεται τοὺς κοιτῶνας, προτρέπόμενος τοὺς ἀδελφοὺς εἰς ἐξανάστασιν τῆς ἐωθινῆς ὀξολογίας· ὁ δὲ κανονάρχης ἀπέρχεται τῆς τοῦ ξύλου κρούσεως ἐν ταῖς ὀρισμέναις τόποις.

Теперь становится ясным: речь идет об определении с помощью водяных часов центрального мгновения в центральный день года — в праздник Пасхи, мгновения, когда долгая скорбь великого поста, страстной недели, смерти на кресте и Сошествия во ад, символизируемого сном монастырской братии, завершается вспышкой яркого света пасхального ликования от первого, пробуждающего возгласа «Христос воскрес!».

Известно, как долго и трудно складывалась система определения дня, в который надлежит праздновать Пасху, имеющую подвижную юлианскую дату. По этому вопросу, главному стимулу поддержания и развития астрономических знаний в средние века, нет единообразного ответа в разных регионах христианского мира, но существует необъятная литература. В противоположность этому почти ничего не написано о том, в какой момент пасхальной ночи было принято начинать праздник, а написанное плохо согласуется с тем, что значитсѧ в процитированных выше древних Уставах [22].

Первоисточник — Новый завет обходит молчанием тему о часе события воскресения Христова, причем это не упущение евангелистов. По словам митрополита Филарета Дроздова, «никто из живущих в теле не видал воскресения Христова в то тайное мгновение ночи или глубокого утра, когда оное совершилось. Так было, может быть, по самому свойству сего действия, в котором и видимое Христово тело, преобразуясь в духовное и прославленное, выступало за пределы мира видимого» [23]. Иначе говоря, соприкосновение с заперечностью делает, в понимании богослова, земные часы недействительными, время внутри вечности не существует. О том же говорит существовавший во времена Филарета обычай останавливать в момент кончины человека маятники часов в его доме.

Существует любопытный текст, свидетельствующий о том, что некогда была предпринята попытка дать часовое расписание пяти главных моментов жизни Христа, задним числом примыслить земное время к сакральной вечности. Этот текст, обозначающий дни событий датами египетского (коптского) календаря, возводит самого себя к апостольскому веку, дошел он до нас в составе киевского Изборника 1073 г. и имеется в числе греческих первоисточников этого памятника, готовящихся сейчас к изданию Институтом истории СССР АН СССР. В Изборнике он читается так:

О обавлении господьни отъ ап(осто)льскихъ заповѣдйи.

Роди бо са оубо г(оспод)ъ нашъ І(исоу)с(ъ) Х(ристо)с(ъ)· отъ с(ва)тѣи д(ѣ)вы Марии· въ Виѣломѣ по югуптиѣмъ· х(оиа)ка ·кѣ· въ часъ ·џ· дъне· кже кѣтъ прѣжде ·и· калаидъ иѣноуаревъ· крѣсти же са въ ·л· юго лѣто отъ Иоанна· тивива ·ла· въ часъ ·і· ношти · въ Иорданѣ рѣцѣ· прѣбы же съ нами въ мирѣ· проповѣдаѣ юаггелиѣ ц(е)с(а)рства и(е)б(е)сьнаго и цѣла всакъ недоугъ· и вс ж тазъ въ людѣхъ· ·донъке бы лѣтъ ·лв· и мѣсаци ·г· въ ·лг· роспатъ бы фаменова ·кѣ·

въ д(ь)нь ·с· въ часъ ·с· и лѣны въ ·д·. вѣста же въ третии д(ь)нь· фамоу-
уѡы въ д(ь)нь ·а· въ часъ ·с· ношти· и ꙗви сѧ вѣсѣмъ намъ оучени-
комъ ꙗго·и обави славою своѣж· дньми ·м· десаты·оуча ны про-
повѣдовати о именѣ своѣмъ по казни·и оставленіѣ грѣховъ·
възиде же пахона ·і· въ часъ ·ѡ· дњи [24, л. 247 об].

В подборе этих чисел есть особенность, производившая большое впечатление на умы, восприимчивые к мистике: дата первой Пасхи, праздника с переменной датой, пришлась на такую точку шкалы неподвижного календаря, что событие оказалось первым днем первого месяца неподвижного календаря. Впечатление таинственности производит и неожиданно ночной час крещения на Иордане. Этой особенностью, возможно, объясняется темный колорит некоторых живописных изображений на данную тему [25]. В апокрифе начала VII в. «Пасхальной Хронике» крещение Христово отнесено к десятому часу дня, а Рождество — к седьмому часу не дня, а ночи [26]. Час воскресения не совпадает в Изборнике 1073 г. с тем, который подразумевается процитированными выше Уставами.

У ритуалов есть фундаментальное свойство: они считаются действительными и подобающими, если совершаются не кому когда заблагорассудится, а в определенный момент, соответствующий возвращению циклического времени в ту же точку, в какой имело место чествуемое ритуалом событие. Соблюсти это условие труднее, чем кажется на первый взгляд.

Циклизация времени при церковном счете идет одновременно по четырем циклам — суточному, недельному, восьминедельному (восемь недель составляют столп, или полный цикл выпевания Октоиха), годовому. Удастся достигнуть точности совпадения только по годовому циклу, т. е. календарной дате. Согласно Изборнику 1073 г., крещение Христа состоялось въ третии д(ь)нь недѣла, т. е. во вторник, а родился он ·с· въ часъ ·з· дње [24, л. 248, 250], иначе говоря — в субботу в шестом (а не седьмом, как выше) часу. При праздновании Рождества и Крещения ждать совпадений по дню года и дню недели пришлось бы долго, потому что в году — не целое число недель. Если бы и были доподлинно известны часы всех событий, ставших поводами для церковных ритуалов, то соблюдение таких часов означало бы дезорганизацию общества: что ни день, то повое смещение церковных служб и перестройка распорядка жизни. Порядка ради утвердилось такое понимание суточного цикла, которое обязывает вместить в этот цикл всегда одинаковое число служб в одни и те же уставные часы. Хронометрический педантизм при этом не требуется, богослужбное время не обязано совпадать с временем физическим или соответствовать буквально словам, которые обозначают некоторую протяженность физического времени или место этого отрезка на суточном круге. Так, никого не смущает, что служба, именуемая всенощным бдением, на самом деле продолжается не всю ночь, а часа три, и оканчивается еще до наступления ночи; служба утрени может совершаться вечером, но из-за этого она не теряет своего названия. Литургия должна следовать за службами первого, третьего и шестого часов, но для экономии физического времени возник обычай параллельного, одновременного совершения литургии в храме, а службы часов — в притворе. Богослужбное время даже пускается вспять — когда, совершив литургию, по идее возможную только однажды в день, тут же начинают ее снова.

Люди постригались в монастыри Киевской Руси, чтобы сделать богослужения своим главным занятием. Монастырские храмы жили деятельной и насыщенной жизнью, в суточном круге было тесно от следовавших одна за другой, с небольшими перерывами, церковных служб. Выдерживать ритм, предотвращать систематические сбои можно было не иначе как с помощью часовых приборов.

Требование Типографского и Студийского Уставов, назначающее момент пробудки в пасхальную ночь, не случайно выражено в двух системах счета. Указан девятый час для тех, кто имеет часовой прибор, но названа и третья стража ночи, та часть суток по римскому распределению смен сторожевой охраны Иерусалима, которую иначе называли *galli cantus*,

ἀλεξτοροφῶνι «пение петуха». Она длилась от полуночи до трех часов ночи по нашему счету; названия всех четырех смен ночной стражи перечислены в Мк 13, 35.

Петух — это живой будильник. Присущая ему — и только ему! — неодолимая биологическая потребность подавать голос в определенное время ночи была первопричиной одомашнивания кур, выходцев из Индии. Почему петух поет посреди ночи, биологам неизвестно и поныне, но этой полезной для человека особенностью воспользовались. Древние монахи, отправляясь основывать обитель, брали с собой петуха [27]. Паломница Эгерия, посетившая Святую землю между 381—384 гг., отметила в дневнике, что ночное пение петуха было тем знаком, по которому начинал священнодействовать епископ [28].

Соответствует ли ночное пение петуха девятому часу? Дело в том, что мы привыкли отсчитывать время от полуночи, а создатели Уставов принимали за начальную точку отсчета суток заход солнца.

Момент захода солнца ежедневно смещается по суточному кругу, это создает неудобства для счета времени, усложняет конструкцию часовых приборов. Еще одна трудность древнерусской хронометрии — существование двух традиций в порядке членения суточного круга. Обе заимствованы из Византии.

В первой традиции день и ночь делятся порознь каждая на 12 равных долей, именуемых часами, такие часы (ὄραι καίρηαι) имеют переменную продолжительность. Так делили время иудеи новозаветной эпохи, что удостоверяется фразой Евангелия от Иоанна «Не двенадцать ли часов в дне?» (11, 9), причем это — слова самого Господа, *ipsissima verba Domini*, наиздательно сказанные его ученикам.

Во второй традиции час является величиной постоянной, равной $\frac{1}{24}$ суток, а день и ночь имеют переменное число этих так называемых равноденственных часов (ὄραι ἰσημεριναι), в зависимости от времени года; для удобства вычислений это число часов принимается в пределах календарного месяца постоянным.

Понятно, что как продолжительность переменного часа, так и разность в количестве равноденственных часов между днем и ночью одних и тех же суток зависит от географической широты места наблюдения. В «Записках о Галльской войне» Цезарь лаконично отметил результаты учиненной им в Британии проверки литературных данных о том, что на некоторых островах этого региона якобы бывает полярная ночь: *de quibus insulis non nulli scripserunt dies continuis XXX sub bruma esse noctem. Nos nihil de eo percontationibus reperiebamus, nisi certis ex aqua mensuris breviores esse quam in continenti noctes videbamus* (V, 13), «об этих островах некоторые писали, что зимой ночь длится тридцать суток подряд. Расспросами ничего из этого мы не подтвердили, только видели по точным измерениям водой, что ночи короче, чем на материке».

Латинисты единодушны в том, что под *водой* здесь следует понимать водяные часы. Добавим от себя, что посредством водяных часов Цезарь вычислил то, что принципиально невозможно было определить с помощью часов солнечных. Принцип взаимной дополнительности был предусмотрен и в подарке Теодориха, посланном Гундовальду из Равенны на другие широты (резиденция бургундского короля перемещалась, он облюбовал себе Лион, Вьенну, Шалон-на-Соне). Подарок состоял из солнечных и водяных часов.

Григорий Турский (около 540—594) в астрономическом трактате «Расчет движения звезд» дал таблицу длительности дня, в которой июньский максимум составляет 15 часов, декабрьский минимум — 9 часов, между экстремумами длительность дня ежемесячно уменьшается на 1 час, а затем снова увеличивается ежемесячно на 1 час [29]. По этому поводу О. А. Добиаш-Рожественская заметила: «Какой широте соответствует эта разница? Она не реальна для той Турской страны, где писал Григорий, и скопирована им с более южного текста. Основываясь на этом, мы не придаем значения живого свидетельства этому отрывку и тому знанию,

какое обнаруживает Григорий по вопросу о системе равноденственных часов и годовых колебаний их числа днем и ночью» [5, с. 14].

Этот вопрос стоит не только перед исследователями культуры меро-вингского государства, но и палеославистами. Маргиналии Ассеманиева Евангелиария X/XI в. содержат шкалу переменного числа часов по месяцам, совпадающую с данными Григория Турского [30]. Более того: в том самом списке Студийского Устава, который выше цитировался по поводу водяных часов, находятся такие же сведения, из них достаточно взять относящиеся к максимуму и минимуму часов дня:

М(Б)С(А)ЦЬ·ИУНИИ·РЕКОМЫИ изокъ·имат(ъ)·д(ь)нии ·л̄· д(ь)нь имат(ъ)·час(ъ) ·е̄і· а ноц(ь) ·Ѡ̄· (л. 169).

М(Б)С(А)ЦЬ·ДЕКАМБРЬ·РЕКОМЫИ стоудены·имат(ъ)·д(ь)нии ·л̄а̄· д(ь)нь имат(ъ)· час(ъ)·Ѡ̄· а ноцъ ·е̄і· (л. 101 об).

И это при том, что вся территория Киевской Руси помещалась на широтах севернее Тура! В широтном отношении для Киевского государства значительно лучше подошла бы разбивка часов, связываемая с именем лучшего астронома своего времени, «генія расчета времен в гибернопаксонской культуре», как назвала О. А. Добиаш-Рождественская Беду Достопочтенного (672—735): «Есть все основания думать, что именно Беду принадлежит тот знаменитый календарь, прототип всех календарей европейского Севера, где точное наблюдение распределения потемок и света в различные месяцы закреплено в твердой схеме, соответствующей широте Британских островов:

December — Nox horas XVIII, dies VI.

Martius — Nox horas XII, dies XII.

Junius — Nox horas VI, dies XVIII.» [5, с. 16—17].

Сейчас трактат Беды «О расчете времен» (725) имеется в превосходном критическом издании [31]. Со своей стороны, чтобы сделать ясным положение Киевской Руси в актуальном для средневековья диапазоне широт, даем таблицу вычисленной нами долготы дня в летнее солнцестояние для ряда географических точек. Момент восхода и захода солнца — по верхнему краю диска, по местному времени.

№	Место	Широта	Восход солнца	Заход солнца	Долгота дня
1	Синайский монастырь	28°32'	5 03	19 00	13 57
2	Александрия	31°12'	4 56	19 06	14 10
3	Иерусалим	31°47'	4 54	19 07	14 13
4	Южный вход в Дарданеллы	40°00'	4 31	19 31	15 00
5	Афоп и Ереван	40°10'	4 30	19 33	15 03
6	Солунь	40°38'	4 29	19 34	15 05
7	Константинополь	41°01'	4 27	19 35	15 08
8	Тбилиси	41°44'	4 25	19 37	15 12
9	Рим	41°53'	4 24	19 38	15 14
10	Херсонес	44°36'	4 15	19 48	15 33
11	Тур	47°23'	4 02	20 00	15 58
12	Галич	49°11'	3 54	20 07	16 13
13	Южная оконечность Англии	49°52'	3 50	20 10	16 20
14	Киев	50°26'	3 47	20 16	16 29
15	Джарроу	54°59'	3 20	20 43	17 23
16	Новгород	58°30'	2 51	21 12	18 21
17	Валаамский монастырь	61°22'	2 17	21 44	19 27
18	Северная оконечность Фарерских островов	62°24'	2 01	22 02	20 01

По разъяснению Государственного астрономического института имени Штернберга, изменения этой картины в течение нашей эры малы и для наших целей ими можно пренебречь. Поэтому мы вели расчет по последнему «Астрономическому ежегоднику» [32]. Результат дает основание для следующих выводов.

Загадочная параллель, на которую почему-то ориентировались Григорий Турский, компутист македонского Ассеманиева Евангелиария и древнерусский Студийский Устав, оказывается, в точности соответствует географической широте мыса Кумкале на азиатской стороне южного входа в Дарданеллы. Античное название этого пролива — Геллеспонт (нынешнее турецкое — Чанаккале-Богазы). На часы, настроенные на эту параллель, могли без переналадки ориентироваться Афон, Солунь, Константинополь, Закавказье и Рим. Отсюда — ее высокий авторитет; другая сторона медали — отпадение стимула у этих культурных центров поддерживать и развивать знания, необходимые для профессионального решения задач на вычисление продолжительности дня и ночи на разных широтах. Вкус к этому возник в тиберно-саксонской культуре, давшей Европе множество ученых миссионеров и часовую схему Беда Достопочтенного, основанную на параллели, где наибольший день составляет 18 часов. Эта параллель проходит отнюдь не через монастырь Джарроу, где жил Беда, она находится даже вне основной территории английского государства его времени, но имеет решающее преимущество — уравновешенность между теми частями британского архипелага, которые находятся на юг и на север от нее. Островные миссионеры, в свое время вызвавшие к жизни каролингское Возрождение, иногда добирались и до Киевской Руси [33], но до заимствования Русью часовой схемы Беда дело не дошло.

Григорий Турский и Беда Достопочтенный начинали не на пустом месте, под ними было мощное основание александрийской учености Клавдия Птолемея (II в), известное в новое время под арабизированным названием «Альмагест». В «Альмагесте» градация широт осуществлена по равномерно увеличивающейся — с интервалом в четверть часа — долготе дня в летнее солнцестояние. Для каждой из полученных таким образом параллелей вычислены градусы и минуты северной широты и по возможности указан реальный географический ориентир. Для 15-часового дня широта обозначена в $40^{\circ}56'$, а в качестве ориентира назван Геллеспонт [34]. У предшественника Птолемея — Марина Тирского, производившего вычисления между 107—114 гг., 15-часовому дню соответствует IV климат, ориентированный тоже на Геллеспонт, но с широтой $40^{\circ}51'$ [35]. Знание северных земель у античных ученых, естественно, уступало знанию Средиземноморья. Для 18-часового дня Птолемей называет широту 58° , соответствующую «южным частям Малой Бреттании», у Марина это VII климат с широтой $58^{\circ}04'$, без топографической привязки.

Обращение к «Альмагесту» с его четвертьчасовыми интервалами длины наибольшего дня дает повод задаться вопросом о разрешающей способности часовых приборов, о доступных древним пределах дробности в делении времени.

Установлено, что шумеры делили идеальный год из 360 суток на 12 месяцев по 30 суток, а по этому образцу и сутки членились на 12 *danna* по 30 *geš*. К шумерам восходит и уподобление деления круга делению времени — на 360 градусов [36]. Дальнейших подробностей о делении времени на мелкие доли уцелевшие шумерские тексты не имели повода зафиксировать, как впоследствии не имел его и огромный по объему памятник цельного характера, наш основной источник сведений о древней лексике — Библия. Вместе с тем замечено, что около 100 г. н. э. Гамалиил II в календарных расчетах движения луны пользовался единицей времени, равной $\frac{1}{1080}$ часа [37]. По нашему мнению, причиной выбора главой палестинского Синаедриона столь странного знаменателя дроби является его кратность по отношению к 360, он представляет собой не что иное как утроенное 360 и поэтому, вероятно, был архаичен уже для Гамалиила II, заслужившего, между прочим, вечную благодарность филологов включением «Песни песней» в Библию.

Мысль древних проникала в проблему делимости времени глубже, чем это позволяли регистрирующие приборы. Пифагор, умирая, завещал ученикам развивать теорию колебаний струны изобретенного им монохорда [38], хотя тогда и много позже не было возможности вычислить часто-

ту этих колебаний, о ней судили только по характеру производимого звука, меняя длину струны.

Евангелист Лука нашел для бесконечно малого времени образ точки, поместив определенное событие, сотворение чуда дьяволом, ἐν σιγῇ χρόνῳ «в точке времени» (Лк 4, 5)¹. По определению Герона Александрийского, точка есть то, что не имеет величины, по Евклиду точка не имеет частей [42]. В кругу единомышленников П. А. Флоренского учили, что «как начало всего точка и есть и не есть» [43]. Это место Нового завета стало коптекстом, в котором находится самое древнее свидетельство для слова часъ в славянской письменности — в Марииинском Евангелии начала XI в., где ἐν σιγῇ χρόνῳ переведено как въ чѣсѣ врѣменьнѣ [44]. Здесь чѣсѣ, часъ, означая не $\frac{1}{24}$ часть суток, не отрезок, а его границу, наиболее близок к своему исходному значению, установленному этимологией — «зарубка, отметина» [45]. В готском переводе IV в. это выражение передано через in stika melis, здесь stiks сопоставимо с нем. Stich «укол» [46].

Когда в славянском часъ развилось вторичное значение, относящееся уже не к собственно зарубке, точке на воображаемой линии времени, а к расстоянию между двумя точками, к $\frac{1}{24}$ части суток, терминологическое значение предельно малой частицы времени оказалось за уменьшительным производным от часа — существительным *часыць, часець*. Кирик Новгородец в «Учении о числах» (1136) делит час на 5 дробных часов, дробный час — на 5 вторых дробных часов и так далее до седьмых дробных часов, ($\frac{1}{5}$)⁷ часа, величины, которая обладает свойством неделимости и называется *часець* [47]. В пересчете на привычную нам шкалу часец равен примерно 46 миллисекундам. Для сравнения отметим, что каролингская ученость в лице бенедиктинца Грабана Мавра умела делить час на 60 частей — они назывались остентами (лат. ostentum «знамение») ², а предельно малая частица времени, равная $\frac{1}{376}$ остента, называлась *ictus oculi* «мгновение ока» или *atomus* «атом» [49]. Она равна примерно 159 миллисекундам. Как видим, Кирик Новгородец тоньше Грабана Мавра, в этом сказалась его профессии — он был регептом в Антониевом монастыре и, как все музыканты средневековья, имел дело с Пифагоровым монохордом.

Как раз между мельчайшими единицами Кирика и Грабана — в диапазоне 55—62 миллисекунд — находится принятая в современной психологии и теории информации длительность, воспринимаемая сознанием как собственно настоящее, момент, или *punc stans* «стоящее теперь», по выражению Фомы Аквинского, считавшего себя в этом вопросе последователем Боэция [50]. Об остановке этого отрезка времени думалось Фаусту, когда он заключал пакт с Мефистофелем:

Werd ich zum Augenblicke sagen:
Verweile doch! du bist so schön!
Когда мгновенью я скажу:
Останься же! ты так прекрасно!

Основоположителем учения о моменте является петербургский академик К. М. Бэр, один из самых глубоких и разносторонних естествоиспытателей. В речи «Зависимость нашей картины мира от длины нашего момента» он сказал: «Я не сомневаюсь, что малая мера времени, которую мы называем секундой и определили искусственно, взята от нашего удара пульса или сердца, потому что в человеке зрелого возраста пульс бьется довольно точно из секунды в секунду. Между тем собственно основная мера, с которой действительно работает наше ощущение, еще меньшая,

¹ О чуде см. [39]. Чуду не удалось поколебать Христа, в рапней латинской литургии была попытка, учредить в память об этом праздник *Recessio diaboli a Domino*, «Отступление дьявола от Господа», 14 (или 15) февраля [40; 41].

² Деление часа на 60 минут, минуты на 60 секунд аналогично шумерской градации мер веса, где талант делился на 60 мип, мина на 60 секелов. О делении часа на 60 долей древними греками см. [48].

а именно она является временем, потребным для осознания впечатления на наши органы чувств... Очень часто в названии мельчайшей единицы времени можно распознать ее происхождение, это наиболее выразительно в немецком слове Augenblick, которое означает время, достаточное для того, чтобы бросить взгляд. Римляне называли мельчайшую единицу времени *momentum*, или также *punctum temporis*. Буквально *punctum* — это укол, *punctum temporis* представляет собой, вероятно, время, которое мне нужно, чтобы ощутить укол. Слово *momentum* производят от глагола *movere* „двигать“. Вероятно, здесь имелось в виду вздрагивание, следующее за внезапным уколом. Это латинское слово перешло во многие новые языки. Русское слово *миг*, означая быстрое движение верхнего века над глазным яблоком, тоже имеет значение мельчайшей единицы времени. Точно так же обстоит дело в некоторых других языках, как например в эстонском *silmariik*. Конечный вывод К. М. Бэра: «Так как наша духовная жизнь состоит в осознании изменений внутри нашей способности к воображению, то в каждой секунде мы имеем в среднем примерно шесть моментов жизни, самое большое десять» [51].

Итак, весь диапазон хронометрии, непосредственно доступный органам чувств человека, был Киевской Русью освоен и осмыслен. В том, что относится к техническому усилению органов чувств, тексты говорят о существовании водяных часов, причем даже имеющих будильное устройство, падающее знамение (*τὸ σὺσθημον*).

Главным — если не единственным — требованием к работе церковных водяных часов в Киевской Руси было более или менее стабильное распределение суточного круга местного времени, дающее знак к началу семи ежесуточных богослужений. Высокая точность привязки к истинному началу солнечных суток, т. е. к полуночи [52], не требовалась, но сверку — днем, с помощью солнечных часов — иногда осуществляли, чтобы набегавшая погрешности хода не увели показания водяных часов к явному несоответствию с тем, что показывается положением солнца на небе. Днем солнечные часы просто и верно покажут полдень, а сдвигами восхода и захода солнца по сравнению с уставными данными, вычисленными для Геллеспонта, приходилось пренебрегать, вследствие неумения сделать расчет для своей географической широты. В обозначении того, *который час*, средневековые отличались от нынешнего словоупотребления. К примеру, *третий час*, по унаследованному от греков счету, значило, что три часа исполнено, идет следующий час после трех [53].

У литургистов бытует мнение, что на службе утрени фраза *Слава Тебе, показавшему нам свет!*, возглашаемая перед великим славословием, в идеальной древности совпадала с моментом, когда брызнут первые лучи восходящего солнца. Похоже, что здесь желаемое выдается за действительное: столь виртуозное совпадение без верных часов, настроенных на свою географическую широту, может состояться только как редчайшая случайность. В какой-то мере ей можно способствовать, если при канонархии бдительно следить за состоянием утренней зари и своевременно либо опускать часть тропарей, либо наоборот, какие-то части канона исполнять *по двоици*.

Часы любой эпохи являются изделием точной механики. Это значит, что либо они должны быть изготовлены со всей технологически достижимой тщательностью, либо они будут никуда не годными. Вкус к точности продемонстрировала китайская культура. В одной из словарных картонок Института русского языка АН СССР мы обнаружили упоминание о таком средстве повышения точности китайских водяных часов, которое неведомо профессору Пекинского университета, выступившему с материалом по истории китайских часов [54]. Русский текст, взятый из утраченной рукописи «Описание книги сея государства китайского или хинского» (1734) [55], гласит: «Туть же есть рѣчка, ис которой китайцы емлют(ь) воду и дѣлають часы водяныя, понеже та вода всегда равная». Вероятнее всего, это — образчик китайского юмора, предназначенный для всему удивлявшимся иностранцам. Среди печатных источников это произведение не числится [56].

В часовой культуре древности и средневековья есть все признаки реального — хотя и медленного — технического прогресса. От простейшей клепсидры (ἡ κλεψύδρα), т. е. сосуда с донным отверстием, который отмеренным истечением воды регламентировал длину публичных речей [57], безотносительно к их месту на шкале суточного круга, произошел переход к хитроумному устройству с движущимися частями, показывающему, *какой час*. Оно называлось гидрологием (τὸ ὑδρολόγιον), это слово отыскивается у греческих авторов начиная со II в. н. э., причем все они — ученые: астрономы Клеомед, Ахиллес Таций, математик Птолемей, философ Прокл [58]. Развитие конструктивных идей сегодня лучше всего прослеживается на египтологическом материале: от устройств, показывающих часы в течение месяца, произошел переход к часам, одинаково точным в течение года [59]. Лексиколог отметит для себя, что в языке египтян каждый из 24 часов суток имел название, да еще с синонимами [60].

Когда в греко-латинском мире точные науки захирели, первенство в конструировании водяных часов перешло к арабам [61; 62]. В 806 г. Карл Великий получил в дар от калифа Гаруна-аль-Рашида водяные часы «с удивительным механизмом» [63]. На арабской науке учился Герберт из Орильяка, как раз на пороге времени, когда Русь стала приобщаться к средиземноморской культуре. В начале 989 г. он пишет в Реймсе письмо о вычислении долготы дня водяными часами, заканчивающееся двумя таблицами [64]. Первая распределяет долготу дня по месяцам для широты, где самый длинный день равен 18 часам, но это распределение не такое, как у Беды и его последователей [65]. Вторая таблица — для 15-часового максимума и называется геллеспонтской (Horologium Ellespontii), однако она не совпадает с данными Григория Турского и Студийского Устава. Последний издатели письма Герберта уверены в его зависимости от Марциана Капеллы, латинского писателя карфагенского происхождения, чье творчество относят к концу IV в. н. э. Но в геллеспонтскую таблицу Герберта не укладываются неправильные данные Марциана Капеллы, у которого Diabellespontu maximus horas quindecim, minutus octo [66] (вместо правильного novem). Таблица Герберта — плод его собственных вычислений, будущий папа Сильвестр II был математиком [67], тогда как Марциан Капелла этой добродетелью, насколько знаем, не обладал. Пристрастие к точным наукам, конструированию часов и другие странности создали Герберту репутацию колдуна. Его выкладки показывают, какой степенью точности градуировки часов удовлетворялись лучшие математические умы Европы как раз времен крещения Руси. Месяцем осеннего равноденствия Герберт счел октябрь!

Языческая Русь, расположенная на континентальной равнине, не имела дела с главным стимулом к развитию хронометрии — плаванием в открытом море, куда губительно было уходить без знания самых больших, во все небо, часов вселенной — движущихся созвездий, без накопленных эмпирических данных о розе ветров. Уже в IV в. до н. э., если не раньше, греки регулярно сообщались с Крымом по кратчайшему маршруту, проложенному поперек Черного моря, между Херсонесом и главным центром черноморской торговли — Гераклеей Понтийской, выходами из которой и был основан Херсонес [68]. Но путь из варяг в греки пролегал на своих морских участках вдоль побережий, навигационных задач, неразрешимых без часов, при движении по нему не возникало. Византийские церковные ритуалы впервые познакомили Киевскую Русь с часовыми устройствами, эта техника привилась и распространила свое влияние на осмысление времени в повседневной жизни. Если начальное летописание еще не обращается к понятию часа (евангельская цитата Мк 15,33—37 в «Речи философа», включенной в статью 986 г. «Повести временных лет» — не в счет, так как речь идет не о древнерусских реалиях), то уже в статье 1045 г. Новгородской первой летописи факт зарегистрирован с указанием на час события, для современников столь важного, что ничего другого они в эту летопись не вносили целых пять лет: Сьгорѣ с(ва)таѣ Софиѣ. въ соуб(отоу). по заутрѣни. въ час(ъ). г. м(ѣ)с(а)ца марта. въ .еІ.

Въ то же лѣт(о) заложена быс(ть) с(ва)тат(а) Софиа Новѣгородѣ Володимиромъ кн(а)зѣмъ [69].

Так сгорела «дубовая церковь Софии „о тринадцати верхах“, выстроенная в 989 г. присланным из Киева первым новгородским епископом Иоакимом» [70] и на ее месте был заложен каменный Софийский собор, который высится в новгородском Кремле и поныне. Час пожара назван за много лет до появления Студийского Устава на Руси. Это значит, что в резиденции новгородского владыки служба времени уже тогда была оснащена всем необходимым.

Следующий эпизод, обозначенный новгородской первой летописью с точностью до часа, находится в статье 1069 г. Водское войско подступило к Новгороду 23 октября въ час(ъ) ·Г· д(ь)ни. Подробность уместна, военная операция состоит во взаимодействии больших пеших и конных масс, а чем оно точнее расписано по часам, тем эффективнее. Новгородцы действовали слаженно, они выставили против пришельцев полк во главе с князем Глебом, вожане были разбиты. С такой же военной четкостью «Повесть временных лет» отметит в статье 1095 г., что 24 февраля въ час(ъ) ·ā· д(ь)не Святополк и Владимир послали Олегу требование присоединиться к их походу на половцев, а в статье 1107 г. — что 12 августа въ ·Г· час(ъ) д(ь)не наше войско форсировало вброд Сулу, чем привело в ужас половцев. Но это было позже, а в статье 1074 г. «Повесть временных лет» впервые отхронометрировала собственно киевское событие: 3 мая въ час(ъ) ·В· д(ь)не скончался инициатор введения Студийского Устава на Руси игумен Феодосий Печерский. До этого не удостоился указания на час кончины даже креститель Руси великий князь Владимир. Лишь 17 лет спустя киевские летописцы находят еще одно событие достойным хронометрирования: 14 августа 1091 г. въ час(ъ) ·ā· д(ь)не состоялось торжественное перенесение мощей Феодосия Печерского. Участник этой церемонии епископ Владимира Волынского Стефан, в прошлом игумен Печерский, тоже сподобился быть отмеченным указанием «Повести временных лет» на час своей кончины: он умер 27 апреля 1094 г., въ час(ъ) ·Г· ноци. В статье 1101 г. это сделано по отношению к первому мрянину: 14 апреля въ ·ġ· час(ъ) д(ь)не скончался князь Всеслав Брючиславич, последний сильная личность Полоцкой земли.

Исследователям летописания известна замечательная особенность летописных известий о затмениях солнца и луны — их проверяемость. Они даны с точностью до часа, начиная с солнечного затмения въ час (ъ) ·В· д(ь)не 21 мая 1091 г.; астрономия в состоянии вычислить с еще большей точностью, насколько правильны эти показания [71]. Сейчас есть вычисления по всем затмениям за время существования цивилизации, объяснены закономерности искажений в древних свидетельствах [72].

На закате Киевского государства произошло вызвавшее смятение среди современников землетрясение 1230 г., в день памяти Феодосия Печерского (3 мая), когда в Успенском соборе Киево-Печерской лавры митрополитом всея Руси Кириллом в присутствии великого князя совершалась служба. До внесения этого события в летопись были собраны показания очевидцев из других городов, ближних (Переяславль) и дальних (Владимир Залесский) — и выяснилось, что то ж(е) все быс(ть) по всеї земли одного д(ь)ні одного час(а): в год(ъ) с(ва)т(а)т(а) лит(оу)ргия [73].

Киев и Владимир находятся на разных меридианах (30°30' и 40°25'), разница в местном времени, по которому совершались службы, составляет между этими городами $\frac{2}{3}$ часа, что летописцу было так же неизвестно, как скорость и направление сейсмической волны. Он записал событие так, как оно отложилось в народном сознании, добросовестно не упустив уточняющую хронометрическую подробность: в Златоверхой церкви Богородицы во Владимире паникадило покачнулось чтом(оу) с(ва)т(о)м(о)у еуа(н)г(е)л(ю), этим погрешность в расчете отстояния подземного толчка от известного современникам начала литургии сводится к немногим минутам.

Закончим выражением надежды, что археологи извлекут когда-нибудь из домонгольского культурного слоя вещественное доказательство того, что строки о водяных часах в Уставах — не пустой перевод греческого

текста, якобы пенужного в этой части для упрощенного обихода Киевской Руси. Самое совершенное знание обоих языков не помогло бы киевскому переводчику так искусно и непринужденно изложить фразу о водяных часах, если бы за ней он не видел фактов материальной культуры, не знал предмета, о котором идет речь. Что словарь техники консервативнее самой техники, в данной теме доказывается последствиями дара Теодориха, поступившего во Францию: французское слово *horloge* не отыскано ранее чем около 1170 г. [74], т. е. оно заметно моложе русского. В устной речи все могло быть наоборот, но в письменности — именно так.

Что же касается слова *часъ* в значении «мерный отрезок времени, $\frac{1}{24}$ доля суток», то в древнерусской письменности оно засвидетельствовано уже в той рукописи, которую многие историки языка склонны считать первой по старшинству — во все еще не изданной Путятиной Минее. Надписание службы 7 мая, в греческом оригинале имеющее вид *Ἡ ἀνάμνησις τοῦ σημεῖου τοῦ ἐν τῷ ὄρατῳ φανέντος τοῦ τιμίου σπυροῦ ἐν τῇ ἀγία πόλει περὶ ὄραν τρίτην τῆς ἡμέρας* (Париж, Национальная библиотека, Suppl. grec 564, f. 36), рука писца Путятиной Минеи, которому трудно было бы отказать в понимании своего текста, вывела так: Пам(а)тъ знамениъ крѣста· ѿгда ѿви са на н(е)б(е)си· въ с(вѣ)тѣмъ градѣ· въ ·г· час(ъ) д(ъ)ни (Ленинград, ГПБ, Софійское собрание, № 202, л. 25 об).

ЛИТЕРАТУРА

1. Будущее часов. Материалы международного семинара «Интердизайн-85», Ереван. М., 1986, с. 18.
2. Ключков И. С. Духовная культура Вавилонии. М., 1983, с. 13.
3. Graefe E. Sonnenuhr.— In: Lexikon der Agyptologie, 5. Bd. Wiesbaden, 1984, Sp. 1106.
4. Добиаш-Рождественская О. А. *Oppletum oppidum est solaris* (По вопросу о часах в раннем средневековье).— В кн.: Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь Н. И. Кареева. Пг.— М., 1923, с. 64.
5. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987, с. 8—9.
6. Cassiodori Senatoris Variarum, lib. I, 46.— Corpus Christianorum. Series Latina, t. 96. Cura et studio A. J. Fridh. Turnhout, 1973.
7. Мурынов М. Ф. О новгородской культуре XII в.— *Sacris Erudiri*, XIX. Steenbrugge, 1969/1970, с. 430.
8. Петраш Г. Годшпику 940 літ.— Наука і суспільство. Київ, 1975, № 1, с. 47—48.
9. Ченакал В. Л. Когда появились на Руси солнечные часы.— *Земля и Вселенная*. М., 1978, № 1, с. 72—75.
10. Ченакал В. Л., Ченакал Л. Г. Солнечные часы на Европейской части СССР.— В сб.: Солнечные часы и календарные системы народов СССР. Л., 1985, с. 18—19.
11. Weisweiler H., Hennecke G. *Das Geheimnis Karls des Grossen*. Astronomie in Stein: Der Aachener Dom. München, 1981.
12. *Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie*, 16. Jg. Baden-Baden, 1983, S. 149—150.
13. Туманян Б. Е. Солнечные часы в древней и средневековой Армении.— В сб.: Солнечные часы и календарные системы народов СССР. Л., 1985, с. 94—102.
14. Азатян А. Солнечные часы на монастырских стенах «Амарас» и «Гандзасар».— В сб.: Солнечные часы и календарные системы народов СССР. Л., 1985, с. 123—126.
15. Пипуныров В. Н. История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982.
16. *Lexikon des Mittelalters*, 2. Bd., 10. Lfg. München — Zürich, 1983, Sp. 2043—2046.
17. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1903, с. 1481.
18. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. М., 1977, с. 28.
19. Вязкина Л. В. Из истории слов — терминов времени.— В сб.: Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975, с. 86.
20. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, с. 141.
21. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. I, ч. I. Киев, 1895, с. 225.
22. Оуцкый Д. П. *A quel moment débute la célébration de Pâques dans la liturgie de la Passion? Essai liturgique*.— *Messenger de l'Exarchat du Patriarche Russe*, t. 30. Paris, 1982, p. 108—121.
23. Булгаков С. В. Настольная книга для священноцерковнослужителей. Харьков, 1900 (Репринт — Грац, 1977), с. 560.
24. Изборник 1073 г. М., 1984.
25. *Lexikon der christlichen Ikonographie*, 4. Bd. Freiburg, 1972, Sp. 251—252.
26. *Patrologia graeca*. T. 92. Paris, 1860, с. 545.
27. Hahn E. *Die Haustiere und ihre Beziehungen zur Wirtschaft des Menschen*. Leipzig, 1896, S. 304.
28. *Väänänen V. Le journal — épître d'Égérie (Itinerarium Egeriae)*. Etude linguistique. Helsinki, 1987 (= *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, series B, t. 230), p. 140.

29. Gregorii episcopi Turonensis de cursu stellarum ratio, qualiter ad officium implendum debeat observari. Edidit B. Krusch.— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. T. I, pars II. Hannover, 1885, p. 863.
30. Kurz J. Evangeliář Assemanův. T. II. Praha, 1955, p. 224, 244, 251, 256, 273, 285, 288, 292, 296, 303, 307.
31. Corpus Christianorum. Series Latina, t. 123B. Turnhout, 1977, p. 263—544.
32. Астрономический ежегодник СССР на 1989 г. Т. 68. Л., 1987, с. 560—567.
33. Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 136.
34. Ptolemy's Almagest. Translated and annotated by G. J. Toomer. London, 1984.
35. Abel K. Zone.— In: Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Suppl. XIV. München, 1974.
36. Thureau-Dangin F. Esquisse d'une histoire du système sexagésimal. Paris, 1932, p. 41—44.
37. Историко-математические исследования, вып. VI. М., 1953, с. 207.
38. Münzelhaus B. Pythagoras musicus. Bonn, 1976.
39. Hester D. C. Luke 4, 1—13.— Interpretation. T. 31. Richmond, 1977, p. 53—59.
40. Munding E. Die Kalendarien von St. Gallen. Untersuchungen. Beuron, 1951, S. 38.
41. Dumas A., Deshusses J. Liber sacramentorum Gellonensis. Turnhout, 1981.
42. Начала Евклида, кн. I—VI. Перевод с греческого и комментарии Д. Д. Мордухай-Болтовского при редакционном участии М. Я. Выгодского и И. Н. Веселовского. М.—Л., 1948, с. II, 224.
43. Флоренский П. А. (?). Точка.— В сб.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. Л., 1984, с. 106.
44. Slovník jazyka staroslověnského, 5. Praha, 1962, p. 229.
45. Мельничук А. С. Корень *kes- и его разновидности.— В сб.: Этимология 1966. М., 1968, с. 231.
46. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin — New York, 1975, S. 748.
47. Кирик Новгородец. Учение им же ведати человеку числа всех лет.— Историко-математические исследования, вып. VI. М., 1953, с. 196.
48. Langholf V. Ωρα-Stunde. Zwei Belege aus dem Anfang des 4. Jh. vor Chr.— Hermes, 101. Bd. Wiesbaden, 1973, S. 382—384.
49. Patrologia latina. T. 107. Paris, 1864, с. 677—678.
50. Neumann O. Moment. III. Psychologie.— In: Historisches Wörterbuch der Philosophie, 6. Bd. Basel — Stuttgart, 1984, Sp. 108.
51. Baer K. E. von. Reden gehalten in wissenschaftlichen Versammlungen. St. Petersburg, 1864 (-Beiheft zu Bd. 3 der Grundlagenstudien aus Kybernetik und Geisteswissenschaft. Quickborn bei Hamburg, 1962), S. 254, 256.
52. Spreyer W. Mittag und Mitternacht als heilige Zeiten in Antike und Christentum.— In: Vivarium. Festschrift Th. Klauser. Münster, 1984, S. 314—326.
53. Bauer W. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments. Berlin — New York, 1971, Sp. 1771.
54. Лю Сянь-чжоу. Об изобретении в Китае приборов для измерения времени.— Вопросы истории естествознания и техники, вып. 4. М., 1957, с. 106—107.
55. Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. М., 1984, с. 188.
56. Скачков П. Е. Библиография Китая. 1730—1930. М.—Л., 1932.
57. Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 21. Halbband. Stuttgart, 1921, Sp. 807—809.
58. Liddell H. G. and Scott R. A Greek-English Lexicon. T. II. Oxford, 1940, p. 1845.
59. Sambin C. Les horloges hydrauliques dans l'Egypte Ancienne. Etat des questions.— In: L'Homme et l'eau en Méditerranée et en Proche Orient. III. L'eau dans les techniques. Les Travaux de la Maison de l'Orient, № 11. Paris, 1986, p. 75—84.
60. Osing J. Stundeneinteilung.— Lexikon der Ägyptologie, 6. Bd. Wiesbaden, 1986, Sp. 100—101.
61. Hill D. R. On the Construction of Water-Clocks: Kitab Arshimidas fi 'amal al-binkamat. London, 1976.
62. Hill D. R. Arabic Water-Clocks. Aleppo, 1981.
63. Васильев А. А. Карл Великий и Харун-ар-Рашид. — Византийский Временник. Т. XX, вып. 1. СПб., 1913, с. 104.
64. Die Briefsammlung Gerberts von Reims, bearbeitet von F. Weigle. Weimar, 1966 S. 180—181 (№ 153).
65. Patrologia latina. T. 138. Paris, 1853, с. 1279—1286, 1291—1294.
66. Martianus Capella, ed. J. Willis. Leipzig, 1983, lib. VIII.
67. Gerbert. Opera mathematica. Collegit N. Bubnov. Berlin, 1899.
68. Зебгенидзе А. А. К вопросу о причинах основания Херсонеса.— Материалы I Всеобщего симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 91.
69. Новгородская харатейная летопись. М., 1964, с. 10—11.
70. Каргер М. К. Новгород Великий. Л.—М., 1966, с. 11.
71. Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях. Пг., 1915.
72. Demant A. Verformungstendenzen in der Überlieferung antiker Sonnen- und Mondfinsternisse. Mainz, 1970.
73. Полное собрание русских летописей. Т. I, вып. II. Л., 1927, с. 454.
74. Le Grand Robert, t. V. Paris, 1985, p. 248.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

ЛЕВОЧКИН И. В.

ИЗБОРНИК 1073 Г.: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ИЛИ ХРЕСТОМАТИЯ?

Среди сохранившихся древнерусских книг есть уникальная рукопись XI в., которая все больше привлекает внимание ученых. Это широко известный Изборник 1073 г. Его содержание весьма сложно: в нем сочинения по богословию, философии, этике, красноречию, истории, а также по астрономии, географии, минералогии, физике и другим отраслям средневекового знания. Такой состав Изборника дает основание ученым по-разному определять его место и роль в системе древнерусской книжности и культуры. Н. Н. Розов называет эту книгу древнейшей на Руси энциклопедией [1, с. 78]. Б. А. Рыбаков считает ее монументальной хрестоматией [2, с. 65], а Л. С. Ковтун — хрестоматийным типом книги [3, с. 248]. Но энциклопедия и хрестоматия — разные по своему назначению книги и решить вопрос о том, что же представляет собой Изборник 1073 г. — важная задача.

Если принять во внимание лишь содержание Изборника, то можно с полным основанием считать эту книгу энциклопедией. В ней рассматриваются как религиозные, так и светские, мирские темы. К числу религиозных относятся темы о вере, троице, святом духе, о воплощении слова и др. Эти важнейшие положения христианской религии излагаются в самом начале книги, после чего помещена справка о шести вселенских соборах. Основное содержание Изборника занимает сочинение Анастасия Синаита, написанное в виде вопросов и ответов. Наряду с религиозно-христианскими, в этих вопросах и ответах рассматриваются многочисленные светские темы: о власти, о законах, об имуществе и т. п. К числу светских можно отнести и такие темы, как художественная структура речи («О образех» Георгия Хировоска), основные философские и логические категории («трактат» Максима Исповедника и Феодора Райфского), основы календаря и астрономии (отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина), перечень рекомендуемых и «отреченных книг» и летописные сведения («Летописец вкратце»). Авторами вошедших в Изборник сочинений, помимо уже названных, являются наиболее выдающиеся мыслители раннего средневековья: Василий Великий, Григорий Богослов, Кирилл Александрийский, Иоанн Златоуст и многие др.

Обращаясь к содержанию Изборника 1073 г., О. И. Подобедова пришла к выводу о том, что подборка текстов этой книги преследовала цель «дать разъяснение широкому читателю.., не искушенному в тонкостях догматики и богословия, основных истинах христианского вероучения, предварить основные недоумения, которые могли возникнуть при чтении книг Нового и Ветхого завета, изложить основы понимания некоторых закономерностей мироздания» [4, с. 34]. Но, во-первых, кто такой «широкий читатель» в Древней Руси? И, во-вторых, зачем ему, «широкому читателю», тонкости догматики и богословия? К этому выводу О. И. Подо-

бедовой предстоит еще вернуться, пока же необходимо рассмотреть иной вопрос, связанный с проблемой назначения Изборника.

Помимо содержания любая книга, в том числе и Изборник 1073 г., имеет еще и форму, которая, как известно, существенна. Думается, что без рассмотрения формы Изборника решить вопрос о том, энциклопедия это или же хрестоматия, невозможно. Каковы же «формальные» особенности интересующей нас книги?

Текст Изборника 1073 г. написан в два столбца, что значительно облегчает его восприятие. Книга делится на две части, содержание которых не имеет принципиальных различий. Каждая из двух составных частей рукописи состоит из небольших по объему относительно самостоятельных разделов. Эти разделы, в свою очередь, делятся на более мелкие части — статьи, которые посвящены обоснованию частной проблемы того или иного раздела своими аргументами. Так, например, в ответ на вопрос «что есть знамение совершенного христианина?» приводится восемнадцать ярких и убедительных высказываний отцов и учителей церкви, среди которых Кирилл Иерусалимский, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Иоанн Лествичник и другие мыслители. На вопрос «Каждый ли богатый человек обогатился по божию благословию?» приводится пятнадцать мнений разных авторов, среди которых Иов, Григорий Нисский, Василий Великий, Иоанн Златоуст и др. [5, л. 27 об. — 35 об., 76—79 об.]. Разделы и составляющие их статьи имеют общую последовательную нумерацию, свою в первой и во второй частях книги. Перед второй частью Изборника сохранилось ее оглавление. Такое же оглавление было и перед первой частью, но оно в рукописи 1073 г. утрачено (сохранилось лишь в более поздних списках Изборника).

Книга украшена миниатюрами, фронтисписами, заставками, инициалами, концовками и рисунками. На первой выходной миниатюре изображены князь Святослав, княгиня и пятеро их сыновей. Эта миниатюра уникальна во многих отношениях и, в частности, потому, что на ней вместе с князем и княгиней изображены их дети. Вторая миниатюра — изображение Спаса. На четырех фронтисписах, которые помещены в начале первой и второй частей рукописи, изображены служители христианской церкви в святительских одеяниях. В центре первой заставки написано название книги, в центре второй — название раздела, которым открывается вторая часть Изборника. В начале первой и второй частей книги помещено еще по одному крупному красочному инициалу. Другие, более мелкие инициалы, написанные киноварью и золотом, находятся в началах разделов и статей. Концовки замыкают каждую из двух частей рукописи. На л. 150 об. — 151 нарисованы знаки зодиака. По сравнению с другими украшениями книги эти рисунки выполнены очень неумело. У Стрельца стрела нарисована острием к тетиве, у Льва оказалось пять ног, Рак, Рыба, Скорпион изображены очень схематично. Да и остальные знаки зодиака нарисованы в той же манере. Следует отметить, что все они расползены на полях и не вписываются в первоначальную композицию листов, которые, как и все остальные, заняты текстом. В. Д. Лихачева справедливо писала о том, что знаки зодиака в Изборнике 1073 г. нарисованы непрофессиональным художником [6, с. 73].

В конце книги (л. 263 об.) помещена приписка, состоящая из трех различных по содержанию частей. Ее первая часть констатирует окончание текста («А конць вѣсьмъ книгамъ»), вторая содержит одну из моральных заповедей христианства («Оже ти собѣ не лжбо, то того и другоу не тво-ри»), в третьей говорится о дате создания Изборника и называются имена одного из писцов (дьяка Иоанна) и князя Святослава. Вторую часть этой приписки Б. А. Рыбаков склонен считать отзвуком тех событий весны 1073 г., когда князь Святослав захватил киевский великокняжеский престол, согнав с него своего брата Изяслава [2, с. 65—66]. Такую трактовку можно было бы принять только в том случае, если бы эта сентенция была написана не перед, а после третьей части приписки. Дело в том, что последние три строки приписки (с именами дьяка Иоанна и князя Святослава) написаны по подскобленному пергаменту, а это связывается с

именем Изяслава, для которого якобы первоначально готовился Изборник. Думается, что изречение «Оже ти собѣне лѣбо...» не имеет отношения к смене князей на киевском престоле в марте 1073 г.

Рассмотренное оформление Изборника нельзя считать нейтральным, одинаково подходящим как для энциклопедии, так и для хрестоматии. Как уже отмечалось, основное содержание этой книги составляют вопросы и ответы Анастасия Синаита, а по справедливому мнению А. А. Алексева «вопросо-ответная литература служила учебным и пропедевтическим целям» [7, с. 12]. Организация текста книги, его структура, также свидетельствуют о том, что перед нами скорее хрестоматия, учебная книга, чем просто энциклопедия. Об этом же, как представляется, свидетельствует и система украшений Изборника. Важным аргументом за то, что Изборник — учебная книга, может служить заголовок рукописи: «Съборъ отъ многъ оцѣ, тълкованнн о перазоумньныхъ словесѣхъ, въ еуагголии и въ аплѣ, и въ инѣхъ книгахъ въкратцѣ съложена, на память и на готовь отъвѣтъ». Этот заголовок весьма информативен и почти полностью созвучен с заголовками древнейших Азбуковников: «Толкование неудобъ познаваемым речем, иже обретаются во святых книгах русскаго языка, понеже положены суть речи в божественных писаниях...» [3, с. 216]. Созвучие заголовков Изборника 1073 г. и Азбуковника не случайно. Вероятно, составители Азбуковника знали Изборник (в его более поздних списках) как учебную книгу.

В связи с тем, что Изборник — учебная книга, энциклопедическая хрестоматия, следует рассматривать и вторую часть приписки, о которой шла речь выше. Представляется, что она написана как логическое завершение всего текста, имеющего, в частности, воспитательное значение, т. е. с расчетом положительного воздействия на не умудренного житейским опытом читателя (юношу).

Учебная книга Древней Руси, очевидно, должна отличаться от учебника нового и новейшего времени, который, как правило, содержит в себе сведения по какой-либо одной научной дисциплине. Что же касается Изборника 1073 г., то это — учебник универсальный, энциклопедический. При этом актуальные знания средневековья в нем изложены доступно и в интереснейшей форме вопросов и ответов, наполненных внутренней полемикой, что несомненно способствовало их активному усвоению. В целом Изборник, как энциклопедическая учебная книга, был призван ознакомить учеников с высшей мудростью своего времени и заложить основы их мировоззрения.

Возвращаясь к выводу О. И. Подобедовой о назначении Изборника, следует сказать, что он не является точным, однако, рациональное зерно в нем все же имеется и заключается оно в том, что Изборник действительно предназначался для «новопросвещенных» христиан. Но кто же они такие, эти «новопросвещенные»? Ведь древнерусское общество состояло из известных классов и социальных групп. Если это класс светских феодалов, то тогда зачем его представителям «тонкости догматики и богословия»? Если же это феодалы духовные (священнослужители разных рангов), то эти «тонкости» должны были быть им известны. Ведь без этих «тонкостей» служители церкви попросту не смогли бы выполнять свои обязанности. Что же касается крестьян, ремесленников и купечества, то переводчики Изборника вряд ли могли на них ориентироваться по той простой причине, что в X—XI вв. эти категории населения Древней Руси были слишком далеки от тех весьма сложных понятий, которые содержатся в книге.

Помимо феодалов, крестьян, ремесленников и купцов в Древней Руси была еще одна категория населения — дети. Н. С. Чаев справедливо писал о том, что в Древней Руси существовали «низшие» и «высшие» общепрообразовательные школы [8, с. 220]. Не сомневается в существовании древнерусских школ и Б. А. Рыбаков: «У нас есть несколько свидетельств о существовании школ для юношей; в 1086 г. сестра Мономаха устроила при одном из монастырей Киева школу и для девушек». Убедительно высказывание Б. А. Рыбакова и о том, что «высшим учебным заведением средневекового

тиша был в известной мере Киево-Печерский монастырь» [2, с. 12]. Государственная деятельность (административная, духовная, дипломатическая) требовала множества образованных людей и, следовательно, специально созданных школ с достаточно подготовленными наставниками. Существовала в Древней Руси своя методика обучения. В Изборнике 1076 г. имеется интересная и важная в этом плане статья: «...подобаеть ученики учащему съ мноюу хытростью наставляти» [9, с. 448].

Существование «низших» и «высших» общеобразовательных школ в Древней Руси требовало не только наставников и соответствующей методики обучения, но и учебных книг. Конечно, в «низших» школах можно было, вероятно, обойтись Псалтырью и Апостолом. В школах этого типа, возможно, использовалась и какая-то учебная книга вроде поздних Азбуковников [8, с. 222], но в «высших» школах подобными книгами обойтись было уже невозможно. «Высшая» общеобразовательная школа Древней Руси несомненно давала своим питомцам более обстоятельные знания, чем школа «низшая». В подобных школах, вероятно, знакомились с сочинениями Иоанна Экзарха, Георгия Амартола, Иоанна Дамаскина и других авторов. Но помимо этих сочинений нужна была собственно учебная книга...

Изборник 1073 г. предназначался, очевидно, для обучения и воспитания сыновей великого князя. Изображение на первой выходной миниатюре детей Святослава, конечно же, не случайно. Не случайно и то, что рисунки знаков зодиака в этой книге нарисованы непрофессиональным художником. Не были ли авторами этих рисунков наставник и его ученик-княжич? Здесь следует отметить, что на л. 266 об. Изборника 1073 г. имеется незаконченный, явно детский рисунок фигуры человека...

Текст Изборника был известен на Руси еще с X в., со времени правления княгини Ольги [10, с. 21—23; 11, с. 33—34]. И если Изборник — это учебная книга, то свои функции от начал выполнять с того времени, с какого стал известен. При этом, вероятно, текст книги существовал не в единственном экземпляре, а его содержание было доступно не только для княжеских детей. Повесть временных лет сообщает о том, что сразу же после принятия христианства князь Владимир «...нача поимати у нарочитое чади дети и даяти начаша на учење книжное» [12, с. 31]. В этом «книжном учењи» Изборник, как энциклопедическая хрестоматия, мог выполнять роль основного учебного пособия.

Изборник долго сохранял свою актуальность. В настоящее время известно около двадцати списков этой книги и, кроме того, значительное количество сборников, в которых имеются общие с ней статьи [13, с. 373—378]. Не исключено, что и в более позднее время Изборник и его списки использовались как учебные книги.

Изборник 1073 г. является, как известно, переводной книгой. Его протопротографом был византийский кодекс середины IX в., который, по всей вероятности, перевели на славянский язык епископ Мефодий и его ученики [14, с. 72—76]. Уже на начальном этапе христианизации славянских народов протограф Изборника мог использоваться в качестве учебной книги в школах для подготовки образованных людей из местного населения. Вероятно в Моравии, Паннонии и в Болгарии эта книга играла ту же роль, какую позже на Руси стал играть изборник 1073 г. и его списки. Известно, например, что Климент Охридский, один из учеников Мефодия, организовал в Деволе «низнюю» и «высшую» школу. В «высшей» школе ученики должны были осваивать христианские тексты методом их толкования [15, с. 47—48]. Изборник, который содержит богатую подборку подобных текстов, является прекрасным пособием для этой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розов П. Н. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — Изв. АН СССР, сер. литературы и языка, 1961, т. XXVIII, вып. 1.
2. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.
3. Костун Л. С. Символика в Азбуковниках. — ТОДРЛ, т. XXXVIII. Л., 1985.

4. *Подобедова О. И.* Изборник Святослава 1073 г. как тип книги.— В сб.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.
5. Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное издание. М., 1983.
6. *Лизачева В. Д.* Художественное оформление Изборника Святослава 1073 г.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г. Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983.
7. *Алексеев А. А.* Переводческое наследие Кирилла и Мефодия и его исторические судьбы (Песнь песней в древней славянской письменности).— Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. Л., 1984.
8. *Чаев Н. С.* Просвещение.— В кн.: История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. II. Общественный строй и духовная культура. М.—Л., 1951.
9. Изборник 1076 г. М., 1965.
10. Леонид, архимандрит. Древняя рукопись.— Русский вестник, 1889, № 4.
11. *Шахматов А. А.* Древнеболгарская энциклопедия X в.— Византийский временник, 1900, т. 7, вып. I.
12. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод. М.—Л., 1950.
13. *Левочкин И. В.* Изборник Святослава и русские сборники XV—XVII вв.— ТОДРЛ, т. XI. Л., 1985.
14. *Левочкин И. В.* «Отечественные книги» и Изборник Святослава 1073 г.— Советское славяноведение, 1985, № 6.
15. *Божилев И.* Цар Симеон Велики (893—927): Златният век на Средновековна България. София, 1983.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Брайчевский М. Ю. Утверждения христианства на Руси / АН УРСР. Ін-т археології. Київ, 1988, 261 с.

Българската литература и книжнина през XIII век: Агнография, химнография, историко-летописни съчинения, белетристика, апокрифи из сборниците на XIII век, писма, грамоти, приписки, надписи / Под ред. на Божилев И., Кожухаров С. София, 1987, 320 с.

Бэла И. Ф. Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры. М., 1988, 255 с.

Грек И. Ф. Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России (конец 20-х — середина 50-х гг. XIX в.) / Отв. ред. Андрусов И. А. Кишинев, 1988, 137 с.

Живков Т. Д. Етнокультурно единство и фолклор. София, 1987, 201 с.

Звоинарева Л. У. Творчество Симеона Полоцкого: Истоки, традиции, влияния. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Минск, 1988, 20 с.

Езиковедската българистика в Чехословакия / Съст.: Петър Я. София, 1987, 366 с.

Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы / Отв. ред. Желицкий Б. И. М., 1987, 205 с.

Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени / Отв. ред. Шведова Н. Ю. М., 1988, 233 с.

Косев К., Дойнов С. Освободителната война 1877—1878 и българската национална революция. София, 1988, 391 с.

Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988, 334 с. Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования / АН СССР. Ин-т рус. яз. М., 1988, 344 с.

Първев Х. Създатели и творци на българското езикознание. София, 1987, 375 с.

Рабочий класс СССР и ЧССР и научно-технический прогресс: сдвиги 80-х годов. Ин-т международного рабочего движения АН СССР. М., 1988, 169 с.

Роль Киево-Могилянской академии в культурном единении славянских народов: 36. науч. пр. / Відп. ред. Русанівський В. М.; АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Київ, 1988, 182 с.

Руденко С. Г. Роль партийно-советской печати в укреплении интернациональных связей трудящихся СССР и стран социалистического содружества (На материалах Украины, 1971—1980 гг.). Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 1988, 23 с.

Славянская филология: Межвуз. сб. К X междунар. съезду славистов / Отв. ред. Сафронов Г. И., Л., 1988, 202 с.

Смирнов Ю. И. Восточно-славянские баллады и близкие им формы: Опыт. указ. сюжетов и версий / Отв. ред. Наумов Е. П. М., 1988, 117 с.

Събев Т. Самостояна народностна църква в средновековна България: Християнизаторски процес, основаване и възход, автокефалия и междуцърковно положение. Църква и държава, роля и значение. София, 1987, 436 с.

ЛАБЫНЦЕВ Ю. А.

«СТАТУТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО» 1588 г. — ПАМЯТНИК БЕЛОРУССКОЙ СТАРОПЕЧАТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (к 400-летию выхода в свет)

Более века назад известный польский историк, знаток европейского права В. А. Мацеёвский писал: «Великим памятником законодательства своей эпохи является Литовский Статут, таким, какого не имела современная Европа» [1]. Особое значение Статута 1588 г. было еще и в другом — он стал своеобразным гарантом государственной самостоятельности Великого княжества Литовского, его конституцией и сводом важнейших законов одновременно. В условиях Люблинской унии 1569 г. официальное признание и введение в жизнь параграфов Статута явилось беспрецедентным актом умелой дипломатической и парламентской борьбы княжества со своим экспансивным собратом по федерации, именуемой Речью Посполитой, — Польшей. В этой связи, современный советский исследователь И. А. Юхо совершенно справедливо пишет: «Основное же государственно-правовое значение Статута 1588 г. заключалось в том, что он законодательно оформил сохранение Великого Княжества Литовского как самостоятельного государства вопреки акту Люблинской унии» [2]. Необходимо заметить, что все Статуты (1529, 1566, 1588 гг.) изучены еще явно недостаточно, а по многим вопросам существуют даже диаметрально противоположные взгляды. Именно такое положение вынуждены были констатировать крупнейшие в данной области ученые на юбилейной конференции 1979 г. в Вильнюсе, посвященной 450-летию Статута 1529 г. [3].

Конференция продемонстрировала «различные точки зрения... на одни и те же вопросы, что показывает, насколько еще недостаточно изучена данная проблема» [3, с. 8]. Вместе с тем удалось, кажется, окончательно утвердить общий взгляд на характер языка Статутов, определив его как старобелорусский. Крупнейший знаток Статута 1529 г., литовский историк С. Лазутка, подводя итоги многолетнего изучения этого вопроса, отмечает, что Статут «написан на старобелорусском языке, можно сказать, преобладавшем в то время в госаппарате Великого Княжества Литовского и с этой точки зрения, конечно, он прежде всего является памятником белорусской культуры» [3, с. 152—153]. Еще в большей мере подобное утверждение относится к Статуту 1588 г., созданному уже после отторжения в 1569 г. украинских земель от Великого княжества Литовского, где белорусское население стало составлять абсолютное большинство. Это соотношение касалось и столицы государства — Вильно, в которой было сосредоточено огромное количество и чисто культурных учреждений белорусов. Не случайно, именно в Вильно около полутысячелетия назад впервые в нашей стране заработал печатный станок, вышли первые книги — в 1522—1525 гг. их издавал здесь великий белорусский гуманист, уроженец древнего Полоцка доктор Франциск Скорина, писавший и печатавший на языке близком к народному — белорусскому. Ровно через полстолетия начатое Скориной

возобновил русский первопечатник, белорус по происхождению, Петр Тимофеев Мстиславец, тесно связанный с богатейшими виленскими мещанами Мамоничами, также белорусами, в типографии которых, сыгравшей колоссальную роль в истории Великого княжества Литовского, в самом конце 1588 или начале 1589 г. и был издан рассматриваемый нами Статут.

Вопрос о чисто юридической, правовой оригинальности отдельных положений всех Статутов, несмотря на приведенное утверждение В. А. Мацеёвского и других известных ученых, может быть детально решен лишь в результате анализа аналогичных европейских документов того времени, например, чешских статутов, последний из которых, 1549 г., имел статей почти в два раза больше. Оригинальность Статутов как памятников старобелорусской письменности, старобелорусской литературы — бесспорна. Литературное их значение высоко ввиду гуманистических идей, положенных в основание этих кодексов [4]. Для нас чрезвычайно важно и то, что между взглядами белорусских гуманистов и положениями Статутов много общего. Современными белорусскими исследователями доказано, что «по своей структуре Статут 1529 г. соответствует классификации законов, выдвинутой» Франциском Скориной в 1519 г. [4, с. 103; 5].

По всем меркам того времени перед нами масштабные правовые и литературные памятники эпохи, значимость которых для судеб белорусской культуры невозможно переоценить. Совершенно особое место среди них, конечно же, принадлежит Статуту 1588 г. — он был напечатан, неоднократно переиздавался, разошелся во многих тысячах экземпляров и на протяжении более двух с половиной веков, не утрачивая своей силы, вольно и невольно служил сохранению и развитию белорусского языка и литературы, утверждению их значимости как внутри государства, так и далеко за его пределами. Неудивительно, что именно этот памятник старобелорусской литературы, наряду с произведениями Ф. Скорины, возбудил сильнейший интерес в нарождавшейся в начале прошлого столетия славяноведческой науке. Статут 1588 г. воспринимался прежде всего как некий оазис языковой «белорусскости» в условиях начавшейся к тому времени полонизации живой белорусской письменной культуры, яркая оригинальность и былое европейское величие которой прекрасно угадывались даже при самом беглом знакомстве с ним. Этим и именно этим привлек Статут 1588 г. внимание крупного филолога, ученого с мировым именем С. Б. Липде, автора одного из самых значительных для своего времени очерков о Ф. Скорине, определившего многие особенности Статута как первостепенного памятника языковой культуры белорусского народа [6].

Более чем столетие спустя в Каунасе вышла самая обстоятельная и на сегодняшний день работа о Статуте 1588 г. — трехтомный труд И. И. Лаппо, одного из крупнейших историков Великого княжества Литовского [7]. Филологические аспекты не особенно интересовали автора, определившего язык Статута как «русский» на основе «представления об единстве всего народа русского» [7, т. 1, ч. 2, с. 329—335]. И. И. Лаппо решительнейшим образом возражал против того, чтобы считать язык Статута 1588 г. и шире — всей тогдашней белорусской письменности — белорусским: «Если мы сравним русский язык письменности Великого княжества Литовского с современным нам белорусским, то уже с первого взгляда сразу заметим, что перед нами два языка, связь между которыми не поддается установлению» [7, т. 1, ч. 2, с. 345]. Подобное мнение И. И. Лаппо, конечно же, опровергается всей совокупностью лингвистических исследований, особенно интенсивно проводящихся в последние десятилетия как у нас в стране, так и за рубежом. Впрочем, не раз его опровергает и сам И. И. Лаппо на страницах той же книги: «Правы, без сомнения, те исследователи, которые признают этот язык языком интеллигенции Великого княжества Литовского, на котором она и говорила и писала (далее следует ссылка на В. Ластовского. — Ю. Л.). Совершенно естественно, что этот язык не был тождественным с языком народных масс, как то бывает обычно. Конечно он имел свои недостатки. Но он был дорог тем, кто его считал своим „власным“ и от него еще не отошли, заменяя

СТАТУ ВЕЛИКОКНЯТВИТОВЪ

ВНАДІМІШОГО ГРА КРОЛА ЕГО МЛСТІ
ЖНИМОНЦА ТРЕТЕГО МАКОРОНАЦІИ
ВЪ КРАКОВЕ БИДАНЫ : РОКУ
А Ф ПИ,

ДРВКОВАНО ВЛАДИКАМИ СЕ ВРИСВЕНЦУ,

ВЪ ДРВКРИИ ДОМЪ МАМОИТОВЪ.

ЗАСКИ ПРИБИНАЛЪ КРОЛА ЕГО МЛСТІ .

Статут Великого княжества Литовского 1588 г.

его польским, как то становилось все более и более частым с XVII, а может быть, и с конца XVI столетия» [7, т. 1, ч. 2, с. 357].

Но ведь и такой авторитет в славянской филологии как академик Е. Ф. Карский утверждал почти то же самое, однако, ни ему, ни другим лингвистам и в голову не приходило отрицать неразрывную связь старобелорусского литературного языка — языка памятников старой белорусской письменности с историей культуры белорусского народа, что, собственно, и делал И. И. Лаппо, опровергавший взгляды Карского и, таким образом, опровергавший и самого себя. В современной советской научной литературе исследование И. И. Лаппо не раз подвергалось весьма серьезной критике. Так, например, по поводу определения И. И. Лаппо языка Статута С. Лазутка писал: «Многие русские буржуазные ученые, особенно Ф. Чарнецкий, Ф. И. Леонтович и в какой-то мере И. И. Лаппо, без всяких оговорок, необоснованно, исходя из великодержавных позиций, считали его русским» [3, с. 149]. Не хочется, чтобы читатели усмотрели в этом предвзятость по отношению к И. И. Лаппо. Ему необходимо отдать должное — трехтомный труд ученого и по сей день

крупнейшее историческое исследование о Статуте 1588 г. Однако ко многим положениям этой, поистине, титанической работы необходимо подходить критически, иногда весьма и весьма, ибо они отражают не только в корне устаревшие взгляды, распространенные тогда в науке, но и принципиально неверные трактовки самого И. И. Лаппо. Труд его о Статуте 1588 г. завершается публикацией текста, которую составитель готовил по меньшей мере два десятилетия.

Издание текста Статута 1588 г. И. И. Лаппо — лучшая публикация памятника, к которой часто обращаются историки всего мира. Правда, и здесь, как показывают наши наблюдения, И. И. Лаппо допустил серьезную ошибку, непростительную для столь крупного историка, опирающегося на достижения европейской методологии и техники исторического исследования. В основу своей публикации Статута, которую он считал строго критической, И. И. Лаппо положил не первое, как того требовали все правила, а второе издание Статута 1588 г., точнее его перепечатку, увидевшую свет несколькими годами позднее. Это произошло оттого, что И. И. Лаппо не смог разобраться в последовательности выхода в свет трех отдельных изданий Статута, имеющих титульные листы с одной и той же датой — «1588». Таким образом, несмотря на приведение разноточней по всем трем изданиям Статута, публикация И. И. Лаппо в значительной мере теряет свою ценность. Нам удалось даже разыскать и тот экземпляр Статута второго его издания 1592 г., который был положен И. И. Лаппо в основу публикации. Ныне он хранится в собрании Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [8]. Примечателен старинный переплет этого фолианта, по нашему мнению, изготовленный в Вильно в конце XVI в., возможно, белорусскими мастерами.

Статут 1588 г., как и все предыдущие, плод кропотливой работы многих авторов, своего рода коллективное сочинение, которое на протяжении многих лет писали, исправляли, дополняли, редактировали. Ответственной за каждый Статут была специальная комиссия, которой отводилась ведущая роль в его составлении. В состав комиссии входили разные лица: правоведы и неправоведы — в основном государственные чиновники. Хорошо известно, что в комиссии по выработке Статута 1566 г. православные и католики были представлены поровну, причем в среде католической пятерки был, вероятно, и один кальвинист [7, т. 1, ч. 1, с. 40—90]. Ю. Бардах считает, что в комиссии по составлению Статута 1588 г. ведущую роль уже играли кальвинисты [9, с. 82—83; 10, с. 40—44], но это не совсем так. В комиссию, назначенную королем, вошло одиннадцать человек, среди которых были и православные, и протестанты, и католики. Как и прежде, центром всей деятельности комиссии явилась государственная канцелярия, возглавляемая канцлерами и подканцлерами. Особо отличился в подготовке проекта Статута 1588 г. и его издании родовитые, изначально православные, белорусы: канцлер Остафий Волович, перешедший в 1580-х годах из кальвинизма в православие и подканцлер Лев Сапега, ставший в эти же годы католиком. Учитывая, что первому из них недавно изданная пятитомная «Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» совсем не уделила внимания, а о втором в ней помещена совсем небольшая статья, в которой Лев Сапега предстает перед нами исключительно как государственный деятель, хочется напомнить, что канцлер и подканцлер были и замечательными писателями, великолепно, а вернее безукоризненно владевшими белорусским литературным языком той поры. По существу, они и десятки других их предшественников и преемников на этих должностях и были теми законодателями белорусского литературного языка, которые в значительной степени определяли его судьбы. Образно говоря, канцлера Великого княжества Литовского, ведавшего государственной канцелярией и всем ее делопроизводством, можно назвать верховным редактором языка, ибо каждодневно ему приходилось иметь дело с важнейшими актами, писавшимися на старобелорусском, которые он в той или иной мере вынужден был править и таким образом задавать определенную направленность развития старобелорусского языка. То же самое, что и о канцлере, и даже едва ли в меньшей степени,

следует сказать и об остальных сотрудниках канцелярии, прежде всего о писарях. Непосредственно они выполняли всю предварительную литературную работу, которая редактировалась канцлером или подканцлером, как того и требовал внутренний устав. Следует подчеркнуть выдающуюся роль всех этих писарей в составлении больших и малых документов на старобелорусском языке, в том числе и Статутов. Писари были именно теми, кто литературно оформлял положения Статута 1588 г., непосредственно писал их на старобелорусском языке. От их умения и литературного таланта зависело очень многое, потому что должность писаря всегда была почетной и занималась лицами, которых почти без исключения мы можем называть и литераторами. Немаловажно и то, что почти все делопроизводство в канцелярии и сами Статуты писались старобелорусской скорописью, в основе которой лежит классическое кирилловское письмо. Эта особенность наших восточнославянских письменных культур, с их более, чем тысячелетней традицией, всегда была самым наглядным отличительным признаком, а отчасти и барьером на пути инокультурной экспансии. Таким образом, чисто литературная обработка текста Статутов, писавшихся на государственном языке Великого княжества Литовского — старобелорусском и старобелорусской скорописью, была недоступна католическим епископам и иностранцам-правоведам, входившим в комиссию и изыскивавшимся в основном на латинском и польском языках.

Важно подчеркнуть, что подобная монополия старобелорусского языка и письма в государственной жизни Великого княжества Литовского вызывала неудовольствие католической церкви и короли, с ней последние неоднократно пытались бороться, и не всегда безуспешно. Предложение некоторых правоведов-иностранцев об обязательном введении латинского языка в делопроизводство Великого княжества Литовского вместо старобелорусского было воспринято в государстве чуть ли не как посягательство на его самостоятельность. Правда, вопрос этот не решался всеми однозначно. Следует помнить о том, что тогда и чуть раньше Великое княжество Литовское в сфере делопроизводства было во власти по крайней мере двух языковых традиций — старобелорусской и латинской, что, в частности, отразилось и в языке отдельных документов, написанных на латинском. Но в целом в латинском языке здесь не было никакой нужды, и не получившее развития противоборство двух языковых форм почти сразу же закончилось победой старобелорусского языка. Следует привести на этот счет мнение Ю. Бардаха, считавшего, что «введение латинского языка в качестве официального в законодательство и правовой обиход Великого княжества... не было ни реальным, ни необходимым, так как старобелорусский язык, на котором были написаны все три статута, полно и четко выражал все необходимые правовые понятия» [9, с. 78].

Общее же значение старобелорусского языка и письма в развитии самых различных сторон культуры всех народов Великого княжества Литовского было просто колоссальным и, как ни парадоксально, не изученным и глубоко не изучаемым и по сей день. Приоритет старобелорусского языка и старобелорусского письма был бесспорным, что нашло отражение и во многих положениях Статута 1588 г., закрепившего их государственный характер: «А писарь земьский маеть по руску литерами и словы рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншим езыком и словы».

О необходимости напечатания Статута в Великом княжестве Литовском говорилось давно, в частности, речь об этом шла на Брестском и Виленском сеймах 1544 г. и 1551 г. Осуществление же идеи, несмотря на обещания короля, отодвинулось почти на четыре десятилетия. Оно стало возможным лишь после небывалого развития в государстве белорусского книгопечатания кирилловским шрифтом и создания соответствующей материально-технической базы. К напечатанию его готовились постепенно, загодя. Не исключено, что само рождение типографии Мамоничей в 1583 г. в определенной степени связано с возможностью осуществления в будущем этой идеи. Мы, конечно же, не разделяем мнения И. И. Лаппо о государственном характере типографии Мамоничей [7, т. 1, ч. 2, с. 257—309], слишком многое говорит, что она была частной, и тем не менее, пря-

мые связи ее владельцев с верховной властью Великого княжества Литовского указывают на неизбежность влияния последней на деятельность типографии. Изготовление совершенно оригинального курсивного шрифта, напоминающего письмо великокняжеской канцелярии, неподходящего для издания обычных, традиционных книг, говорит о том, что параллельно с выработкой положений нового Статута шла и усиленная подготовка к его напечатанию, чего так сильно хотело большинство именованных людей в государстве, исключая великого князя, бывшего одновременно и владыкой всей Речи Посполитой. Издание Статута 1588 г., своеобразной конституции независимого, полиэтнического славяно-литовского государства — Великого княжества Литовского, стало не просто фактом культурной жизни, зафиксированным в архивах книгопечатания, а одной из важнейших внутри- и внешнеполитических акций на востоке Европы. Не подлежит сомнению, что вплоть до начала XIX столетия это было главное и самое важное издание из всех почти пяти тысяч печатных книг, увидевших тогда свет в Великом княжестве Литовском.

Изданий Статута, помеченных датой выхода в свет «1588», было три. Известно это уже давно, еще с первой половины прошлого века. Много писал по этому поводу такой выдающийся археограф как профессор И. Данилович, выдвинувший и весьма смелую гипотезу о целесообразности трех изданий Статута с одной и той же датой, которые Мамоничи предприняли для получения дополнительной прибыли, сулимой быстро разошедшимся первым изданием. Данные филологии и книговедческого анализа позволили в дальнейшем уточнить действительное время выхода в свет всех трех изданий, особенно важными оказались выводы А. С. Зёрновой [11] и Э. Лауцявичюса [12], который упрекнул исследовательницу в незнании основной литературы вопроса, в том числе принципиально важных для данной темы работ И. И. Лаппо и С. Пташицкого, писавшего даже о четырех изданиях Статута 1588 г. [13]. В свое время нами были учтены сохранившиеся в мире экземпляры всех трех изданий Статута, напечатанных в 1588 г., около 1592 г. и около 1594 г., каковых удалось выявить почти полсотни [14].

Оригинальный титульный лист первого издания 1588 г. был повторен за исключением некоторых весьма важных деталей и в двух последующих, «Статут Великого Князства Литовского отъ наяснейшого господара короля Его милости Жикимоньта Третего на коронацыи въ Кракове выданный року 1588». Далее следует графический оттиск знаменитой «Погони» — государственного герба Великого княжества Литовского и выходные данные: «Друковано велльном месте Виленьском, в друкарни дому Мамонишов. З ласки и привилья короля его милостив». На титульных листах второго и третьего изданий Статута кроме того помещены обширные библейские цитаты в переводе на старобелорусский язык, что еще более подчеркивало государственный характер и официальную значимость этого языка, наполняя всю книгу особым содержанием, как бы сразу указывало на ее принадлежность к тем памятникам письменной культуры, которые позднее получат название старобелорусских.

Любопытна эволюция, которую претерпела гравюра с изображением «Погони» на всех трех изданиях Статута. На титульных листах второго и третьего изданий «Погоня» оказалась под королевской короной, в напоминание об акте Люблинской унии 1569 г., о котором во время печатания первого издания подканцлер Лев Сапега и ближайшие его помощники сочли возможным просто «забыть». Зато оборот титульного листа всецело «отводился» королевской особе, ксилографическое изображение которой, помещенное там, едва ли стоит считать особенно удачным. На втором листе напечатан текст привилея на латинском языке, данного Л. Сапеге королем Сигизмундом III 11 февраля 1588 г. на издание Статута. Документ этот интересен тем, что в нем подчеркиваются явные преимущества значительного количества совершенно аутентичных экземпляров печатной книги перед рукописью и ее списками, раз от раза наполняемыми все новыми ошибками. Л. Сапеге королем предоставлялось единоличное право на издание Статута «польскими и рускими» шрифтами, чем подканцлер,

а вскоре и канцлер пользовался вплоть до своей смерти в 1633 г., хотя и не спешил с польскоязычным изданием Статута, впервые увидевшим свет в той же типографии Мамоничей лишь в 1614 г., то есть более чем через четверть века после его утверждения и вступления в силу. Важно подчеркнуть, что оригинал Статута, в том числе и его список, утвержденный королем, был написан на старобелорусском языке. Польский перевод появился значительно позже и его качество оказалось не совсем удовлетворительным, так как польская терминология не могла отразить всех особенностей материальной и духовной жизни населения Великого княжества Литовского. Вслед за привилеем Л. Сапеги на трех страницах напечатан манифест Сигизмунда III на старобелорусском языке о даровании Статута, датированный 28 января 1588 г.: «Жикгимонтъ Третий, Божью милостью король Полский, великий князь Литовский, Руский . . . Чинимъ явно симъ нашимъ листомъ всимъ посполите и кождому зособна, нынешнимъ и напотомъ будучимъ, ижъ панове рады и врядники наши и послы Великого Князьства Литовского на сойме вальномъ. . . именемъ всихъ становъ, обывателейъ Великого Князьства Литовского, подали намъ ку потверженью Статут... Мы, господарь... тотъ Статутъ права Великого Князьства Литовского новоправленный симъ привилеемъ нашимъ стверждаемъ и всимъ станомъ Великого Князьства Литовского ку уживанью на вси потомные часы выдаемъ... Писанъ у Кракове, лета Божего Нароженья 1588, месеца генвара 28 дня. Сиисмунъдус рекс. Левъ Сапега, подьяканьцлерый Великого Князьства Литовского. Клябриель Война, писарь».

Далее следует обширное посвящение издания Сигизмунду III в виде политического монолога, написанное европейски образованным Л. Сапегой на родном литературном языке: «Были тые часы, наяснейший милостивый господару королю, коли въ томъ згромаженью и посполитованью людскомъ, которое мы Речью Посполитою называемъ, не правомъ якимъ описанымъ або статутомъ, але только своимъ зданьемъ и уподобаньемъ владность свою господары и короли того света надъ людьми ростегали... А про то он, великий и зацный филозофъ Греческий Арыстотелесь поведилъ, же тамъ бельлуа, а по нашому дикое зверя, пануеть, где человекъ водлугъ уподобанья своего владность свою ростегаетъ, а где оный право, або статутъ, гору маеть, тамъ самъ Богъ всимъ владнеть... А ижемъ тую працу передъ себе взялъ, абимъ тотъ Статутъ въ друкъ подалъ, онъ же вашей к<о>р<олевской> милости офярую... Писанъ у Берестью. Лъта... 1588, месеца декабрия 1 дня. . . Лъвъ Сапега. . .». Посвящение похоже на небольшой политический трактат, написанный блестящим стилистом, и одновременно публицистическое выступление ученого государственного мужа, произносящего перед «всих станов обывателями» и миром горячее Слово о праве своего народа и государства на суверенитет. Все это было совершенно в духе Возрождения, в духе гуманистических новаций, которые появлялись в Восточной Европе.

Посвящение — последнее свидетельство в книге о существовании Люблинской унии 1569 г. и едином государстве — Речи Посполитой. Далее, ни в предварительных статьях, ни в тексте самого Статута об этом нет прямых высказываний. Создается впечатление, что о короле и унии, воздав им самым скромным образом «должное», постарались вовсе забыть. За исключением нескольких первых листов, все издание и графически и текстуально напоминает самую настоящую конституцию независимого государства, напечатанную трудами и на средства одного из самых замечательных европейских мыслителей и литераторов того времени — Л. Сапеги, «на преславные. . . гербы» которого известный белорусский поэт Андрей Рымша помещает в Статуте свою «эпиграмму».

В совершенной исключительности Л. Сапеги как политического мыслителя, высказывавшегося в далеком XVI столетии по сути за конституционную монархию (!), и особенно писателя-патриота еще более убеждает его обращение «Всихъ вобець станомъ Великого Князьства Литовского», помещенное непосредственно перед текстом Статута. Посвящение и обращение свидетельствуют об особом даре слова у Л. Сапеги, создавшие

го не только самую передовую по тем временам правовую концепцию внутриполитического устройства государства, в чем-то даже сродни республиканской, но и безупречно изложившего ее в чисто литературном плане. Повествование в обоих случаях идет как бы на одном дыхании. Подканцлеру удается всецело завоевать внимание читателя, держать его в напряжении. Он очень умело расставляет самые разные акценты, весьма важные как для монарха, так и для «обывателей». Отдавая «должное» королевской особе и в ее лице верховной власти Речи Посполитой, Л. Сапега не забывает напомнить, что власть эта выборная, утвержденная и волею Великого княжества Литовского, которое эту власть добровольно приняло и утвердило. Во всех случаях король должен руководствоваться законами, установленными по взаимному согласию, и строго их исполнять, ни в коем случае не преступая пределы дозволенного, в том числе и настоящим Статутом: «владзу и вольность у руках своихъ маемъ, а права сами собе творачы, яко наибольшей можемъ, волности своее во всемъ постерегаемъ, бо не толко суседъ а сполный нашъ обыватель въ отчизне, але и самъ господарь, панъ нашъ жадное звирхности надъ нами заживати не можетъ, одно толко, колко ему право допущаетъ». Со своей стороны и «обыватели» должны всегда поступать согласно закону, чтобы, как сказал Цицерон, являясь его невольниками, пользоваться свободой. Ссылки на Аристотеля и Цицерона, однако, не должны сбивать с толку — рассуждения государственного мужа Л. Сапеги совершенно оригинальны. Они отражают тот накал страстей, указывают на тот многолетний поиск идеальной внутриполитической доктрины, которые особенно хорошо иллюстрируют общее проявление идей гуманизма среди интеллектуальной элиты, в том числе и в литературной среде, в сферу деятельности которой входило и все связанное с созданием, изданием и распространением Статута 1588 г.

Как гимн конституции и своду законов Великого княжества Литовского и его государственному языку — старобелорусскому — до сих пор звучат слова подканцлера Л. Сапеги: «Про то, маючи таковыи скарбъ въ рукахъ нашихъ, который жадною сумою преплачонъ быти не можетъ, пристоить каждому почтивому ч<о>л<о>в<е>ку, абы о немъ ведалъ, а, будучи добре ведомый, абы яко самъ себе, и поупудливости свои гамовалъ и водлугъ права писаного справовалъ се, а никого не кривдилъ, так если бы одъ кого былъ укривжонъ, абы ведалъ где обороны и лекаръства въ кривъде своей искати маеть, бо яко одинъ сенаторъ Римский другого штрафовалъ. же права отъчизны своее не умель, такъ кожъдый обыватель годень есть наганенья, который вольность се фалить и правъ своихъ умети и розумети не хочеть, которымъ правомъ усю вольность свою обваровану маеть. А если которому народу встыдъ правъ своихъ не умети, поготовю намъ, которые не обчымъ якимъ языкомъ, але своимъ власнымъ права списанные маемъ».

Л. Сапега и «уряд» Великого княжества Литовского прекрасно осознавали огромную важность настоящего издания, осуществленного подканцлером «кошту и накладу своего не жалующы», как это было некогда с Г. Ходкевичем в его имении Заблудове в случае с Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем. Правда, на этот раз речь шла не об одной лишь, самой многочисленной части белорусского народа — православной, а обо всех его частях, обо всех народах государства. Предвидя быстрое и весьма широкое распространение Статута благодаря его напечатанию, Л. Сапега и не предполагал того огромного влияния, которое окажет это издание на литературный процесс, а также, видимо, нормы белорусского литературного языка и правописание, не упорядоченное, впрочем, в нем как следует. Нельзя было предугадать и влияние рисунка шрифтов Статута на всю последующую традицию белорусской скорописи, неизученная история которой обязательно должна быть написана, ибо скоропись эта такой же ведущий компонент белорусской письменной культуры, как и язык.

Статут 1588 г. оказал существенное влияние на культуры соседних народов, в том числе русского. Положения Статута были использованы при подготовке такого важнейшего в истории России документа, как Соборное Уложение 1649 г., тотчас же напечатанного на Московском печатном

дворе и во многом ориентируемого на книжную архитектонику Статута. В 1811 г. Статут был издан в переводе на современный русский язык в Петербурге, еще раньше, в XVII—XVIII вв., он переводился на немецкий и украинский языки, не говоря о польском, на котором выдержал несколько изданий в различных типографиях. Белорусоязычные печатные оригиналы Статута 1588 г. содержались во многих библиотеках ученых, писателей и общественных деятелей Европы. В России XVII в., например, владельцами белорусоязычных печатных изданий Статута были и такие выдающиеся русские литераторы как Никифор Симеонов и Сильвестр Медведев.

Все три белорусоязычных издания Статута, осуществленные в 1588—1594 гг., совокупный тираж которых составил около четырех тысяч экземпляров, получили широчайшее распространение в государстве и далеко за его пределами и находились в обиходе вплоть до первой половины прошлого столетия. На этот счет мы располагаем огромным числом примеров, выявленных нами в процессе изучения истории бытования экземпляров Статута 1588 г. и его белорусских списков. Интересна эволюция характера использования старобелорусского текста Статута, по которому, как свидетельствуют различные пометы, судопроизводство кое-где велось еще и в XIX в. Старобелорусские издания Статута не только не были забыты, а наоборот всячески сберегались, тщательно реставрировались, подновлялись. Совершенно очевидно, что они особо ценились как напечатанные на языке оригинала и в отличие от польскоязычных изданий составляли предмет чрезвычайной гордости их владельца. Во многих из дошедших до нас экземплярах изданий XVI в. позднее были помещены рукописные алфавитные реестры, печатные или рукописные тексты «Трибунала Великого княжества Литовского» (издан в той же типографии Мамоничей в 1586 г.), а также постатейные толкования на полях книги на польском и даже латинском языках.

Число сохранившихся рукописных списков изданий Статута 1588 г. насчитывает несколько десятков. Особенно интенсивно переписка его велась на украинских землях, где в конце концов также стали употреблять Статут 1588 г., причем на Украине копировали далеко не всегда с оригинала, а чаще с более ранних списков¹. Большой интерес к белорусоязычным изданиям Статута проявляли во многих странах мира. Нигде Статут не был просто музейной ценностью, он всегда служил источником важнейшей информации, благодаря печатному слову свидетельствовал о самобытности и величии некогда одного из самых могущественных государств Европы. В этой связи особенно интересны те экземпляры Статута, на которых имеются пометы выдающихся ученых. Пример тому — экземпляр из собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина [16], ранее принадлежавший известному историку-археографу, украинцу по происхождению, И. Н. Лобойко, стоявшему у истоков белорусоведения. Вспоминая о своем приезде в 1822 г. после окончания Харьковского университета в Вильно, И. Н. Лобойко писал: «Я весьма удивлен был письменным памятникам белорусского наречия, но мое удивление еще более возросло, когда я увидел, что здешние архивы по большей части ими наполнены» [17, с. 45].

Были среди них и Статуты, в том числе и тот, из библиотеки виленского базилианского монастыря Троицы, который потом стал собственностью исследователя. И. Н. Лобойко принадлежат прекрасные, почти пророческие слова о белорусской национальной литературе, произнесенные на заре ее возрождения, имеющие самое прямое отношение и к такому первостепенному ее памятнику как Статут: «уверен теперь, что область ее чрезвычайна и обширна и что только тогда приведет она к важным заключениям и открытиям, когда будет рассматриваться в собственных своих пределах и обнаружится через то удобнее взаимная связь между частями. . . , не могу в полной мере изъяснить моего удовольствия, что белорусская словесность еще при жизни моей из мрака забвения с таким достоинством

¹ См., например, украинский список, сделанный где-то на Левобережной Украине в первой половине XVIII в., и аналогичный список конца XVIII в. [15].

выступает на свет» [17, с. 46]. В этом возрождении или новом рождении белорусской литературы заметная роль оказалась отведенной и Статуту 1588 г., потомневшие листы которого стали своеобразной «азбукой» национальной литературы как для ее классиков в лице Янки Купалы и Максима Богдановича, так и для многих их соратников и последователей.

Ныне происходит дальнейшее, углубленное открытие старой белорусской литературы. Она становится достоянием не только исследователей, но и все более и более широких кругов читателей, потому одна из первоочередных задач ученых познакомить общественность и с таким самобытным памятником белорусской печатной литературы, как Статут 1588 г., который необходимо издать в самое ближайшее время. Это дело чести всего отечественного славяноведения².

ЛИТЕРАТУРА

1. *Maciejowski W. A.* Historia prawodawstw słowiańskich, t. I. Warszawa, 1856, s. 207.
2. *Юхо А. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск, 1978, с. 67—68.
3. Первый Литовский Статут 1529 года. Вильнюс, 1982.
4. *Конон В. М.* Гуманистические истоки Статута Великого княжества Литовского 1529 года.— В кн.: Первый Литовский Статут 1529 года. Вильнюс, 1982, с. 94—103.
5. *Юхо Я.* Грамадскія і правыя погляды Скарыны.— Польша, 1967, № 6, с. 175—180.
6. *Linde S. B.* O Statucie litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomosc. Warszawa, 1816.
7. *Линдо И. И.* Литовский Статут 1588 года. Т. 1 (Исследование), т. 2 (Текст Статута 1588 г.). Каунас, 1934—1938.
8. ГБЛ, инв. № 6448.
9. *Бардах Ю.* Литовские Статуты — памятники права периода Возрождения.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976, с. 71—93.
10. *Bardach J.* O dawnej i niedawnej Litwie. Poznań, 1988.
11. *Зёрнова А. С.* Типография Мамоничей в Вильне (XVII век).— Книга: Исследования и материалы. М., 1959, с. 188—196.
12. *Лауцявичюс Э.* Бумага в Литве в XV—XVIII веках. Вильнюс, 1979, с. 151—157.
13. *Ptaszycki S.* Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki.— In: Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania pierwszego Statutu Litewskiego. Wilno, 1935, s. 164—165.
14. *Лабынцев Ю. А.* Предварительный список старопечатных изданий кирилловского шрифта второй половины XVI века. М., 1979. с. 32, 34, 36.
15. Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, рукописный отдел, ф. 20, № 40; Гос. исторический музей УССР, стд-75.
16. ГПБЛ, инв. № 3170.
17. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1864, кн. 2.

²От редакции. Публикуя статью Ю. А. Лабынцева, сообщаем также читателям, что в начале 1989 г. в издательстве «Белорусская Советская Энциклопедия» выходит специальное энциклопедическое издание «Статут Великого княжества Литовского 1588. Тексты. Справочник. Комментарии». (См. об этом: *Петрашкевич А., Кузьмин С.* Статут Великого княжества Литовского 1588. — Политический собеседник. Минск, № 3, с. 32—34).

ВОСКРЕСШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Болгарский читатель получил замечательную книгу: «Возрожденческие диалоги» [1]. Именно — читатель, а не только специалисты-антиквары, литературоведы и лингвисты, искусствоведы и культурологи, историки и философы, хотя и для них это издание — долгожданное событие. Читать ныне «неуклюжие» тексты деятелей болгарского Возрождения: Неофита Бозвели, Георгия Раковского, Добри Войникова, Крстю Шишурки и других — сильное эстетическое переживание. Так небывало и нездешне не скажешь ныне, при всей литературно-художественной изобретательности и мастерстве...

А именно в этом и дело-то: как раз мастерство стало дешевкою: все — грамотны, все — умельцы культурно рассказ, и статью, и пьесу сочинить. Гладкопись эта уже скользит мимо сознания, не задевая ни ума, ни души, ни эстетического чувства. Все изглажено, и господствует средняя, нейтральная языковая норма, со стилистическими отклонениями в зависимости от индивидуальности и яркости таланта писателя.

Но тогда, в эпоху Возрождения шли пробы самой нормы литературного языка в целом. Ведь еще не онормативен был язык, жив и свеж, как в первый день творенья. И каждый из болгарских просветителей, писателей, когда брался что-то высказать, написать, — выдвигал (бессознательно, а кто и сознательно, как Раковский и Богоров и др.) свой вариант литературного языка, синтаксис, стилистику. Читаешь эту книгу — и перед тобою словно выходят состязаться разные мастера языка (как Нюрнбергские мастерзипгеры), и каждый исполняет свою «песню». Тут лавинообразный патетический период Неофита Бозвели напоминает о забытом ныне потенциале языка: каким он мог бы стать, какой облик иметь... Ныне уже не грозит «опасность», что язык по этому руслу может пойти (как было в эпоху Возрождения), но художественный предмет, будучи вставлен в рамку полуторавековой истории, претендует уже не на реальность, а на вымысел: сей стиль и слог представляются нам продуктом в высшей степени смелого литературно-языкового воображения и доставляют эстетическое переживание. То же относится и к воспринимаемым некогда как «тромаки», косноязычные и «хромые», речениям Войникова и Шишурки.

Но не только слогом, мыслями питают нас этим тексты. При чтении их как-то само собой обступают нас видения: ведь многие из этих диалогов разучивались учениками, и все село или городок сходились на сии самодеятельные представления и спектакли, в которые зачастую выливались экзамены в училищах. Поэтому чтение этих диалогов воссоздает в нас и видение простодушной аудитории прошлого века, когда каждое слово, да еще писанное и декламируемое, принималось за чистую монету, как всерьез, прямо к душе и уму обращенное сказание. Мы, избалованные многократием потока литературы, отвыкли от такого трепетного восприятия слова — как святыни... Но вот нас электризует воскресающая тогдашняя публика, и мы с нею простодушно внимаем.

Надо отметить, что в своей вступительной статье и комментариях М. Брадистилова-Добрева очень тонко обнаруживает тенденции к зрелищности и сценичности в диалогах школьных, просветительных, полемических, что порождает диалог-пьесу и ведет к возникновению болгарской национальной драматургии.

Но не только неожиданная свежесть формы — не менее живо то содержание, что преподносится нам в диалогах Возрождения. Тут — вечные темы, что и сейчас так же захватывают, как и тогда: вот старые холостяки Иван и Стоян в диалоге Петко Славейкова, советуются друг с другом, жениться ли им или не желиться, как Папург с Паптагрюзем в книге Рабле, а вот мастерский, почти сократический диалог «Часовника» Г. Атанасова-Живкова. Дочь-ученица, увидев у подружки золотые часики с маленькими алмазами, просит у отца такие же. Мудрый же отец отказывается: «Если часы могут принести честь, они приносят ее лишь часовщику, который мастерски их сковал и собрал...». И так цепью остроумных аргументов отец излечивает дочь от столь распространенного порока зависти, что, по слову Елин-Пелина, если в Болгарии суждено родиться гению, то это будет гений зависти.

Или разговоры детей из «Девичьего букета», переведенные К. Шишуркой с французского: двенадцатилетняя Гроздана, будучи очень уж ученой, рассказывает об огромном удовольствии насмеяться над неучеными. На это семилетняя Влкана отвечает: «...если так, я охотнее бы осталась неученой, чем быть дурной. Если наука нам служит лишь затем, чтобы насмеяться над другими, тогда я не стану стараться становиться разумной...». Вот ведь как: в образовании привкус тщеславия — та ложка дегтя, что бочку меда всю испортит. Все это и ныне полностью актуально.

Но более всего диалогов — на школьные темы, которые все те же и сейчас: ученик ленивый, старательный, отец, учитель — великолепные гамбиты разыгрываются в диалогах из этих фигур. При этом рельефно проступает атмосфера первых болгарских училищ, возникавших в XIX в. на пожертвования самих болгар-народолюбцев, и бывших первым истинно общественным делом пробуждавшихся к гражданской жизни болгар. С трепетом вникаешь в перипетии рождения болгарского просвещения. Оно — детище общества, в отличие от просвещения в России, где его субьектом было могучее государство, которое сообщило всей сети просвещения и образования чиновничий характер. В Болгарии же просветительное дело затевалось снизу (вверху ведь было враждебное государство турок), и вокруг него консолидировалось общество. Эта исконная народность образования стала в Болгарии традицией и далее: читалища, училища. И ныне близко к сердцу принимают в Болгарии дела школы и ученья, и умеют граждане за них браться и на них влиять сами и снизу, а не путем прошений в высшие инстанции.

Живое чтение доставляет современному человеку эта книга. Вместе с тем — научный труд высокой квалификации. М. Брадистилова-Добрева — авторитетный специалист в области литературы, театра и драматургии эпохи болгарского возрождения. Ее многочисленные исследования, в частности [2; 3], расширили и уточнили наши представления об этой славной странице в болгарской истории. Автор вводит в обиход культуры многие новые тексты и факты, дает им и уже известным пронизательное объяснение и обобщение, так что складывается всесторонняя картина литературного и театрального процессов. Антология «Възрожденски диалози» — итог огромной предварительной работы. Автор тщательно собрала, подготовила, текстологически выверила и прокомментировала диалоги болгарских возрожденцев. Издание снабжено словарем незнакомых слов, что облегчает современному человеку чтение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Възрожденски диалози. Встъпителна студия, подбор, научен коментар, бележки и речник на непознатите думи М. Брадистилова-Добрева. София, 1985, 365 с.
2. Брадистилова-Добрева М. Българската историческа драматургия през Възраждането. София, 1975.
3. Брадистилова-Добрева М. Възрожденска театрална култура в България. София, 1983.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БОЛГАРИИ: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ. М., 1987, 568 с.

Рецензируемый коллективный труд, ответственный редактор которого чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин, открывает серию «Кратких историй» зарубежных европейских социалистических стран, готовящихся в настоящее время к изда-нию.

Болгарскими и советскими историками в последние десятилетия проведены глубокие и разносторонние исследования различных сторон экономического, социального, политического, культурного развития Болгарии. Достигнуты существенные успехи в археологической, источниковедческой, историографической работе, что позволило авторскому коллективу «Краткой истории Болгарии» подготовить труд, стоящий, в целом, на уровне современной научной мысли. К числу заслуг авторов следует отнести комплексное освещение истории Болгарии, причем вопросы культуры, которым уделено значительное внимание, рассматриваются в органической связи с социально-экономическими и политическими процессами в качестве важнейших пружин национального развития. Такой подход, к сожалению, не был распространен на новейшую историю. Разделы о культуре этого периода обособлены, да и самим процессам культурного развития уделено меньше внимания, чем по предыдущим эпохам. Несмотря на краткость изложения, авторский коллектив смог показать развитие страны как живой историко-творческий процесс, «населенный» конкретными лицами, многие из которых представлены ярко и образно. Хороший язык, публицистическая емкость (распространенная на заголовки глав и параграфов) при сохранении подлинной научности также благоприятствует успеху новой работы.

Главы, посвященные древнейшему и средневековому прошлому Болгарии (с. 13—180), написаны Г. Г. Литаври-

ным. Принадлежность всего раздела перу одного автора обусловила его концептуальное единство.

Изложение древнейшего прошлого болгарских земель завершается выводом, что в результате пятисотлетнего развития фракийской цивилизации под воздействием вначале греко-римского, а затем восточно-христианского мира сформировался сложный культурный субстрат, оказавший в свою очередь влияние на новых балканских поселенцев — славян и протоболгар. Очерк ранней истории этих народов до их встречи на Балканах опирается на последние данные археологии и новое прочтение ряда письменных источников. Обращаясь к языческому периоду истории Первого Болгарского царства, автор подчеркивает, что первоначально доминировавшие государственно-политические и идейно-культурные традиции протоболгар к середине IX в. уступают место новым, сложившимся путем синтеза протоболгарского и славянского начал под мощным византийским влиянием. Новый этап развития ознаменовался принятием христианства, распространением славянской письменности, завершением процессов складывания древнеболгарской народности и раннефеодального государства. Его расцвет в правление Симеона рассматривается Г. Г. Литавриным как начало упадка Первого Болгарского царства, чему способствовали безмерные политические амбиции «царя болгар и греков», настойчиво проводившаяся им экспансия. Кризис раннефеодальной Болгарии в правление Петра совпал с завершением процессов оформления феодальной монархии и системы государственной и частновладельческой эксплуатации трудящихся. Реакция социальных низов на ускорившуюся феодализацию общества выразилась в широком распространении проповеди богомилов. Рассматривая меж-

дународное положение Болгарии в конце 60-х — начале 70-х годов X в., автор связывает изменение внешнеполитических намерений киевского князя Святослава, предпринявшего в качестве союзника Византии поход на Балканы, с обособлением западноболгарских земель под эгидой Комитопулов, которые, возможно, стали его союзниками. Важен и другой вывод автора — о континуитете социально-экономических, государственно-политических и культурных процессов в развитии средневековой Болгарии после перенесения ее центра на запад. Как подчеркивается в книге, к моменту завоевания Болгарии Византией степень консолидации болгарской народности была весьма высока. Это обстоятельство наряду со сходством форм феодальных отношений и феодальной государственности в обеих странах предопределило то, что и за два столетия имперской власти процессы этнополитической консолидации не прервались, а в отдельных случаях получили новые стимулы. В то же время существенно замедлилось развитие культуры, потерявшей мощную поддержку центральной власти.

Рассматривая историю Второго Болгарского царства, автор делает упор на углублявшуюся феодальную раздробленность и противодействие ей со стороны престола, опиравшегося в еще большей степени, чем в IX—X вв., на государственно-политические традиции и политический опыт Византии. Однако децентрализация одержала верх уже в середине XIII в. в силу объективного характера развития феодальных отношений, вступивших в это время в эпоху расцвета. Упадок государства облегчил завоевание разоренных болгарских земель османами. В то же время, как отмечает автор, этот период ознаменовался высшим подъемом средневековой болгарской культуры, развивавшейся в тесном взаимодействии с византийской, а также еще более прочной консолидацией болгарской народности. Идеино-культурные и этнополитические традиции средневековой Болгарии сыграли особую роль в сохранении самобытности болгар в эпоху османского ига, особенно в его первые три столетия. Установившаяся в болгарских землях социально-экономическая и административно-правовая система была плодом синтеза доосманских традиций и привнесенных завоевателями начал. Османский режим, сочетавший централизованную эксплуатацию с местным произволом и

полным бесправием христианского населения, был тяжким бременем для болгарского народа, подверг жестокой деформации его историческую судьбу.

Главы о национальном возрождении, национально-освободительном движении и национальном освобождении Болгарии, ее развитии в качестве самостоятельного буржуазного государства до 1923 г. написаны М. А. Бирманом (с. 181—336); в подготовке главы о подъеме национально-освободительного движения участвовал Б. Н. Билунов (с. 218—239).

В разделе о болгарском возрождении дано четкое представление о его сущности, социально-экономических основах и движущих силах, о роли духовного пробуждения народа в формировании болгарской нации. При этом с полным основанием широко рассматривается движение за самостоятельную болгарскую церковь, в котором проявились консолидация нации и ее дальнейший духовный подъем. Автор обратил внимание на то, что процесс формирования нации распространился и на территории, где проживали другие этнические группы. Ярко охарактеризованы формирование национально-революционного течения в болгарском освободительном движении, а в связи с этим политическая деятельность Г. Раковского, Л. Каравелова, В. Левского, Х. Ботева. Апрельское восстание 1876 г. определяется как вершина национально-освободительной борьбы болгарского народа, прямой результат деятельности его революционного крыла. Анализ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. дал возможность подтвердить сделанные ранее выводы о том, что национальное освобождение и возникновение болгарского буржуазного государства были результатом действий русской армии и движения самих болгар при решающей роли России. Отмечено решение задач буржуазной революции в ходе этой войны. По представляется, что следовало более четко и определенно сказать о своекорыстных, захватнических целях русского царизма на Балканах, не ограничиваясь лишь указанием на его стремление сохранить и расширить здесь свое влияние (с. 240). Необходимо было, на наш взгляд, несколько рельефнее показать особенности идеологии выдающихся представителей болгарского возрождения, осветить черты сходства и различия в их идеино-политических системах. В особенности это относится к В. Левскому.

Кратко, но достаточно четко и убедительно

тельно рассмотрены сложные проблемы развития страны от национального освобождения до конца первой мировой войны. Здесь обращают на себя внимание фрагменты, посвященные формированию рабочего класса и его политическому пробуждению, характеристике буржуазных и мелкобуржуазных партий. Интересно и в известной степени по-новому представлено участие Болгарии в балканских войнах 1912—1913 гг., в частности, нагнетание в Болгарии «пастроений воинствующего максимализма» (с. 303). Хорошо показано усиление политической активности трудящихся, особенно в годы мировой войны, созревание в 1917 г. политического кризиса. В целом удачно освещены и другие важнейшие стороны развития страны в эти годы. Но в то же время представляется не вполне точной ставшая уже традиционной характеристика установления диктатуры С. Стамболова без учета того факта, что его так называемая прозападная ориентация, видимо, способствовала укреплению независимости Болгарии, пресечению планов русского царизма сохранить страну в качестве «задунайской губернии». Между прочим, историкам следовало бы значительно углубить анализ ряда аспектов внешней и колониальной политики царской России. Да и сам Стамболов в книге оценен не вполне объективно — он ранее был не просто революционером (с. 258), а одним из руководителей Апрельского восстания.

Глубоко освещен новейший этап болгарской истории. Вслед за главой М. А. Бирмана по периоду 1918—1923 гг. следуют главы Р. П. Гришиной, охватывающие 1923—1948 гг. (с. 337—451), а затем Б. Н. Вилунова и В. Н. Гребенникова о остроении и развитии социалистического общества в НРБ (с. 452—539). В комплексе внутренних и внешних факторов, особенно воздействия Великого Октября, рассмотрен революционный кризис 1918—1919 гг. Ярко представлена динамика внутривнутриполитической борьбы, связанная с наступлением сил реакции и фашизма, развертыванием антифашистского движения, отступлением и новым усилением фашизма в 30-е годы, особенностями рабочего и крестьянского движения, формированием народного фронта. На базе новейших исследований освещен «роковой ход монархо-фашистских кругов» (с. 392) — вступление в военно-политический союз с гитлеровской Германией, а затем и превращение в ее сателлита, развертывание вооружен-

ного сопротивления фашизму, назревание политического кризиса, вступление в страну Советских Вооруженных Сил, победа народного восстания 9 сентября 1944 г. В книге показаны реальные трудности первых послереволюционных лет, курс на построение социалистического общества, индустриализация страны, кооперирование сельского хозяйства, успехи в развитии социалистической культуры, совершенствовании социального управления, рост международных связей НРБ. Вместе с тем в главах по новейшей истории подчас проявляется недооценка некоторых выводов исторической науки. Начало пребывания у власти Земледельческого союза следовало бы связывать с образованием не однопартийного правительства БЗНС в мае 1920 г. (с. 326), а с формированием коалиционного кабинета А. Стамболийского несколькими месяцами ранее. Трудно согласиться с тем, что создание национально-революционных организаций связывается прежде всего с перемещением в Болгарию масс населения с не вполне определенными национальным самосознанием (с. 352). Причиной возникновения этих организаций был прежде всего факт оторванности от страны территорий с преимущественно болгарским населением, а деятельность таких объединений отчасти стимулировалась планами мирной ревизии границ, вынашиваемыми болгарскими правящими кругами. Судя по специальным исследованиям, более сложным и продолжительным, нежели представлено в работе (с. 374—375), был процесс перерастания военно-фашистской диктатуры в монархо-фашистскую в середине 30-х годов. Иногда наблюдается стремление скрыть сложные, а подчас и трагические моменты в истории страны. Ничего не сказано о гибели в СССР ряда руководящих деятелей БКП и рядовых политэмигрантов в результате незаконных репрессий, связанных с культом личности Сталина (а ведь книга, напомним, издана в 1987 г.). Лишь две строки посвящены культуре Червенкова (с. 453) и вновь пи слова о незаконных репрессиях, в частности о гибели Т. Костова. Несколько идеализированно в целом представлены процессы развития страны в эпоху социализма, не отражены сложности, недостатки и проблемы, отмеченные, в частности, на пленумах ЦК БКП последних лет.

Мы отдаем себе отчет в том, что авторы краткой истории были вынуждены отказатьсь от многих важных сюжетов

и тем, постановка которых неизбежно увеличила бы объем работы. Но в то же время некоторых пробелов следовало бы избежать. Книгу обогатили бы историко-графические очерки по важнейшим проблемам истории Болгарии. Вызывает неудовлетворенность отсутствие картографического материала, за исключением единственной карты НРБ (с. 455), на которой только обозначены населенные пункты, но не указана численность населения и отсутствуют другие сведения, обычно фигурирующие в таких случаях. Встречается неудачное использование нетрадиционных вариантов болгарских имен и названий (Асениды, Баба Бдин, Иван Мицо, Иван Александр III и др.), неточные термины («Устав-проект», чи-

талища, Владайское восстание и пр.). Название «Дирекция за стопански грижи и обществена предвидливост» переведено двумя авторами по-разному и оба раза неточно (с. 312 и 337). В список литературы следовало бы включить важнейшие болгарские монографические издания, а не только книги (в том числе переводные) на русском языке.

В целом же «Краткая история Болгарии» является удачным началом серии, которую ожидает общественность. В работе содержится стройная и последовательная концепция важнейших этапов истории Болгарии, дано четкое представление о многовековом развитии братского народа.

Польвинный Д. И., Чернявский Г. И.

Критика буржуазной фальсификации истории социалистического содружества в Европе. Отв. ред. д-р ист. наук В. К. Волков. М., 1986 192 с.

Выход в свет рецензируемого сборника, в подготовке которого участвовали советские и словацкие историки, представляется нам весьма актуальным.

В этом издании можно выделить две группы статей. В первой из них критически анализируются взгляды западных «советологов» по узловым проблемам новейшей истории отдельных стран социалистического содружества, во второй — по общим вопросам развития социалистического содружества. Коротко о статьях первой группы. В публикации Д. Чирны-Лантаёвой (ЧССР) «Немарксистская интерпретация народно-демократической революции 1944—1948 гг. в Венгрии» показан процесс зарождения на территории освобожденного от фашизма Потисья в октябре 1944 г. местных революционно-демократических органов, зародыша нового венгерского государства, тем самым отвергаются утверждения буржуазных авторов о «экспорте революции» в Венгрии; сделан убедительный вывод о том, что переход к социалистической революции осуществлялся в Венгрии постепенно, в условиях широкого союза демократических сил.

О. Решетникова (СССР) в статье «Фальсификация политической истории Болгарии 1944—1948 гг. в буржуазной историографии США и Великобритании» большое внимание уделяет руководящей роли БРП (к) в Отечественном фронте

и показу тех действительных отношений, которые сложились у БРП (к) с другими политическими партиями внутри Отечественного фронта на разных этапах революционного процесса; вскрыты попытки империалистических кругов США и Великобритании вмешаться во внутриполитическую жизнь Болгарии для поддержки оппозиционных сил в стране.

С критическим разбором работ западногерманских историков и публицистов, посвященных основным проблемам истории ГДР, выступает в сборнике Э. Иванчикова (ЧССР) «Западногерманская историография и некоторые аспекты возникновения Германской Демократической Республики», где доказывает характер и особенности внутригерманского процесса прерастания народно-демократической революции в социалистическую с присущими ему закономерностями.

В большой статье П. Петруфа (ЧССР) «Чехословакия и „план Маршалла“ (Мифы буржуазной историографии и действительность)» основное внимание фиксируется на изучении политики США по отношению к Чехословакии в первые послевоенные годы, сочетавшей в себе тактику «открытых дверей» и политико-экономического давления с целью воспрепятствовать укреплению экономических отношений с СССР. На основе изучения официальных источников Петруф приходит к выводу, что как только

правительству К. Готвальда стало ясно, что «план Маршалла» не предусматривает экономической помощи странам Европы, а направлен против СССР и народно-демократических государств, оно отказалось участвовать в осуществлении этого плана. Такое решение, как подчеркивает автор, было принято без какого-нибудь давления Советского Союза, о чем измышляют западные советологи (с. 74—76).

Ко второй группе относятся публикации по вопросам международных отношений нового типа и их осуждения в буржуазной литературе. Так, в статье В. К. Волкова (СССР) «Буржуазная литература о складывании социалистического содружества в Европе (исторические концепции Х. Ситон — Уотсона)» вскрыта несостоятельность концепции известного английского историка о том, что «весь комплекс проблем», связанных с развитием революции и проведением революционных преобразований в странах Центральной и Юго-Восточной Европы сводится исключительно к внешнему фактору, которым он считает «советский нажим» (с. 60). Чехословацкий ученый В. Бородовчак («Антимарксистские теории возникновения мировой социалистической системы (Взгляды З. Бжезинского на складывание системы двусторонних договоров европейских социалистических стран)») показал тенденциозность утверждений одного из ведущих американских советологов о характере

двусторонних договоров Советского Союза с государствами Центральной и Юго-Восточной Европы в первые послевоенные годы, якобы отвечавших только интересам СССР, тогда как явились отражением коренных национальных интересов «не только Советского Союза, но и народов данного региона» (с. 123).

Большой интерес вызывает статья известного советского философа А. П. Бутенко «„Идеологическая война“ буржуазной пропаганды и негативные явления в социалистическом мире», где исследуются основные направления идеологической борьбы между социализмом и капитализмом в современном мире. Автор подробно останавливается на причинах политических кризисов в социалистических странах и особенно на событиях в Польше в 70—80-х годах, говорит о противоречиях, возникающих в социалистическом обществе, о роли правящих марксистско-ленинских партий в своевременном выявлении и разрешении возникших противоречий.

Кроме того, в сборнике помещены статьи советских исследователей М. Н. Бобрик, Ф. Г. Зуева, А. К. Кавко, Ю. С. Новопашина, в которых дается критический разбор работ западных советологов по проблемам внутреннего развития стран социализма и взаимных отношений между ними.

Молок Ф. А.

АТАНАСОВ П. Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. София, 1986, 166 с.

Атанасов П. Болгаро-русские литературные связи в XVII и XVIII в.

Болгарские ученые давно и весьма скрупулезно изучают русско-болгарские и украинско-болгарские литературные и художественные связи, в том числе связи таких отдаленных от нашего времени эпох, как средневековые и XVI—XVIII вв. Эти связи привлекли внимание еще деятелей болгарского национального возрождения (1762—1877), но более конкретно и углубленно они начали изучаться с конца XIX в. За истекшее столетие болгарские ученые накопили по этому предмету огромный материал (см. работы И. Шишманова, Б. Цонева, Б. Пенева, Л. Милетича, С. Аргирова, В. Пундева, И. Гошева, В. Златарского, Н. Мавроди-

нова, И. Снегарова, М. Дылевского, П. Динкова, В. Велчева, М. Стоянова, Э. Георгиева, И. Дуйчева, Т. Борова, Д. Петкановой-Тотеовой, Б. Ангелова). В списке этих трудов видное место, несомненно, займет работа болгарского исследователя старой книги, миниатюры и гравюры П. Атанасова о литературных связях наших народов в XVII и XVIII вв.

Эта отлично изданная книга со многими цветными и черно-белыми иллюстрациями интересна не только для литературоведов, но и для искусствоведов, поскольку автор приводит многочисленные сопоставления элементов художественного оформления русских, украинских

и болгарских книг, дает свои толкования «миграции» сюжетных и декоративных деталей из восточнославянских старопечатных изданий в болгарские рукописные книги (находясь под османским игом, болгарский народ не имел до XIX в. собственных типографий).

Труд П. Атанасова ценен прежде всего тем, что в нем уточнены многие известные факты о болгаро-русско-украинских литературных контактах, а также тем, что автор открывает и вводит в научный обиход новые материалы о роли восточнославянской печатной книги в развитии книжного (рукописного) дела в Болгарии. С удивительным трудолюбием П. Атанасов изучил все болгарские коллекции восточнославянских старопечатных изданий, сравнил их с многочисленными рукописями своей страны. Весь этот материал позволил автору сделать важный, концептуально значимый вывод о выдающемся значении нашей отечественной книги в возникновении болгарского национального возрождения.

Книга состоит из девяти глав, каждая из которых посвящена конкретному памятнику печати и его последующей интерпретации в Болгарии. Многие сравнения текстов, равно как и элементов оформления книг воспринимаются в болгаро-русско-украинских связях как открытия. Их число особенно умножилось за последние 5—6 лет, дав новое, более верное представление об общении болгарских переписчиков с русскими и украинскими книгами. Автор публикует лишь самые значительные из них (с. 11).

В главе «Иван Федоров и иеромонах Даниил» подробно анализируется «Сборник недельных поучений» Даниила (рукопись 1626 г.) в сопоставлении с изданным в 1569 г. в Заблудове Иваном Федоровым «Учительным Евангелием», составленным в XIV в. константинопольским архиепископом и вселенским патриархом Каллистом. В ходе этого сопоставления автор не обходит вопроса об украинских изданиях «Учительного Евангелия» в Крылосе и Рахманове (1606, 1619) и румынского — в Брашове (1581), разделяя предположение Г. Коляды, что Иван Федоров мог около 1579 г. посетить румынские и болгарские земли.

Проблемы болгарской рукописной книги в ее связях с восточнославянской печатной книгой рассмотрены в главах «Русские источники болгарских дамаскинариев XVII века», «Грамматика Мелетия Смотрицкого и болгарские мастера книги», «Житие Алексея, человека Божь-

его». Ценной представляется мысль П. Атанасова, что почти все болгарские рукописные копии печатных изданий имели творческий характер. Особенно это касается проповедей греческого оратора XVI в. Дамаскина Студита, именуемых «дамаскинами». Из-за их содержания, косвенно намекавшего на положение угнетенных Османской империей народов, «дамаскины» многократно переписывались в Болгарии в XVI—XVIII вв., причем источником было не столько чрезвычайно редкое венецианское их издание «Сокровище» (1558), сколько составленные русскими редакторами «Прологи». Иную функцию выполняли списки «Грамматики» М. Смотрицкого. П. Атанасов полагает, что именно эта книга восточнославянского ученого положила в середине 50-х годов XVII в. начало силлабической системе стихосложения в Болгарии. Он иллюстрирует эту мысль ссылкой на творчество первого болгарского силлабиста Стефана Ловечского, который и был одним из первых переписчиков «Грамматики» М. Смотрицкого.

Пять глав книги П. Атанасова посвящены истории ряда болгарских рукописей XVIII в. и вносят существенный вклад в исследование предпосылок возникновения движения за болгарское национальное возрождение. Благодушный импульс, данный «Историей славяноболгарской» зачинателя болгарского национального возрождения Паисия Хилендарского, мог дать значительный результат только на почве, подготовленной распространением соответствующих знаний среди широких слоев болгарского народа. А эти знания содержало печатное или написанное слово.

В этих главах освещаются вопросы, касающиеся распространения в Болгарии изданий типографий России, Украины. Можно без преувеличения сказать, что движение за будущую свободную независимую Болгарию началось в XVIII в. с обращением образованных людей к прошлому. Именно исторические факты, напомиравшие болгарам об их этнических славянских корнях, их былой государственности, величии, их культуре и христианской вере пробуждали у многих надежды на будущее, содействовали становлению нового национального самосознания. Невиданными ранее темпами растет интерес к деятелям прошлого, к героям, подвижникам, святым. Из-за политики турецкого правительства и греческого духовенства доступ рядовым болгарам к историческим источникам на их

родном языке был полностью перекрыт. В таких условиях особенное значение приобретала историческая, литургическая, житийная, святоотеческая литература, обильно издаваемая в Петербурге, Москве, Киеве, Львове, Вильне и других городах Восточной Европы.

Судьба отдельных книг этого тематического круга в Болгарии уже была предметом исследования болгарских ученых. П. Атанасов значительно расширяет список книг, оказавших влияние на болгарское книгописание и на общественную жизнь в самый ответственный момент — начало движения за национальное возрождение. Среди них — киево-печерские издания «Житие и служба Иоанна Рильского» с предисловием Антония Радивиловского (1671), «Синописис» И. Гизеля (1680), фундаментальные 4-томные «Чегъи Минви» Дмитрия Ростовского (конец XVII — начало XVIII в.), петербургские книги по историографии — «Деяния гражданские и церковные» Ц. Барония (1719), «Книга истории» М. Орбини (1722), где впервые в русской исторической науке были приведены сведения о болгарском народе. Эти и другие подобные издания вполне обоснованно трактуются как важный фактор в развитии житийно-исторического жанра болгарской литературы.

Иллюстрации дают читателю полное представление о художественном уровне оформления печатной книги у восточных славян и соответственно болгарской (рукописной) книги исследуемого периода. Воспроизведенные сюжетные и орнаментальные гравюры, титулы и фронτισписы, полосы набора и их отдельные фрагменты свидетельствуют о развитости гравировального искусства, разнообразии шрифтов, культуре верстки. Внимание

читателя, возможно, будет привлечено к интерпретации образов некоторых выдающихся болгарских деятелей, например, Иоанна Рильского, получившего на Украине в 1671 г. первое в истории гравюры изображение. Возможным автором двух гравюр с образом Иоанна Рильского был киевский гравёр Илья. Характерно, что ориентируясь на русскую, украинскую печатную книгу, болгарские переписчики и миниатюристы сохранили свой традиционный стиль письма и украшения, до самого конца XVIII в. использовали плетешку, растительные и звериные мотивы средневековья. Более ощутимо влияние русской и украинской гравюры в фигурных композициях, но и здесь видны результаты существенных переработок. Болгарская рукописная книга, будучи ориентирована на восточнославянскую по своему содержанию, в то же время сохранила свое национальное «лицо» в художественном оформлении. Это важное свидетельство того, что межнациональные связи не могут быть серьезным препятствием в развитии и приумножении национальных традиций, вплоть до мельчайших особенностей стиля и индивидуальной манеры творчества.

Литературоведческий характер исследования П. Атанасова препятствовал более подробному сравнению всех элементов оформления восточнославянских и болгарских книг в эпоху их весьма интенсивного «общения». Однако воспроизведенный в иллюстрациях материал говорит сам за себя. И логически можно ожидать, что следующую свою работу П. Атанасов посвятит именно художественной стороне наших связей в области книжного дела.

Занаско А. П., Степовик Д. В.

ПЕРЕИЗДАНИЕ В ГДР ЦЕННОЙ КНИГИ Й. ВЕНЦИГА

Современная полиграфическая промышленность предоставляет читателям возможность ознакомления с историческими источниками в виде фотомеханических копий старинных изданий. Немало факсимильных воспроизведений, представляющих интерес для историков-славистов, готовится в Отделении репринтов лейпцигской организации «Центральный антиквариат ГДР». Сведения об этих книгах можно почерпнуть в Каталоге репринтов [1]. В этом списке значатся, например,

«Народные сказки Чехии» (книга 1819 г. пражского немецкого писателя В. Герле), две книги И. Я. Гануша, издание Й. П. Йордана и Я. Смолера «Ежегодники славянской литературы, науки и искусства» (репринты вышли в свет в 1970 и 1976 гг.). Как готовящиеся к переизданию указаны произведения Й. Добровского (№ 217 — Slovanka) и В. Гавки (№ 389 — Dobrowsky's Slavin); каталог дает не только ретроспективную, но и некоторую перспективную ориентацию

в продукции лейпцигских книгоиздателей.

Весной 1985 г. вышло фотомеханическое издание книги 1857 г. Й. Венцига «Сокровища западнославянских сказок. Литературный портрет чехов, моравян и словаков в их сказках, легендах, историях, народных песнях и пословицах» [2]. Сборник был задуман как первый том серии «Культурно-историческая домашняя библиотека» и выдержал в XIX в. несколько изданий (третье — в 1870 г.). Подготовители репринта располагали при копировании оригинальными изданиями 1857 г. из фондов научных библиотек Веймара и Лейпцига. (Заслуживал бы внимания еще один экземпляр 1857 г. — с экслибрисом «Из книг братьев Гримм», хранящийся в библиотеке Берлинского Гумбольдтского университета.) Помимо почти десятка книг, пражский немецкий педагог и литератор-переводчик Венциг (1807—1876) имеет на своем счету либретто знаменитых чешских опер «Далибор» и «Либуше» на музыку Б. Сметаны.

Сборник, подготовленный Венцигом, состоит из предисловия, двух частей с примечаниями автора и потного приложения. Первая часть включает 40 чешских, моравских, валашских и словацких сказок. Во второй части представлены народные чешские песни и пословицы.

В предисловии переводчик и составитель Венциг оценивал сборник как вклад в решение актуальной задачи духовного сближения различных наций: он знакомит немецкого читателя с «чехами, моравянами и словаками, составляющими в Австрийском государстве население численностью приблизительно в 7 млн и принадлежащими к одной чехословацкой языковой семье...». «Чехи, — писал Венциг, — далее всех славянских народов продвинуты на запад, народ с великим прошлым, мастерски изображенным в „Истории“ Палацкого, который необходимо отличать от его земляков, богемских немцев, в развитии культуры ушли дальше всех славян» [2, S. V].

Затем Венциг характеризовал виды деятельности чехословацкого населения: «Они со старанием работают в сельском хозяйстве, хотя и для фабрик поставляют смысленых, ловких рабочих; особый талант проявляют они к математике, музыке и иностранному языку. Из их среды выходит много храбрых, умных воинов (австрийские артиллеристы состоят большей частью из чехов), умелых чиновников, которые используются во всех провинциях монархии». Венциг перечис-

лил этнографические группы моравского населения и несколько строк уделил словакам [2, S. VI].

Венциг пояснил свой замысел «литературного портрета» или, буквально, «картины характера». Своей книгой он хочет дать представление «о внутренней и внешней жизни чехославян», представить «образованной публике» источник как эстетического удовольствия, так и материала для поучительных размышлений. Его книга — отнюдь не ученый труд (хотя для исследователя и содержит немало информации). Поэтому он как составитель вполне сознательно отказался от какой-либо обработки этих памятников фольклора. Важно сообщение Венцига, что материалы для первой части сборника почерпнуты как из опубликованных, так и не опубликованных собранных сказок и легенд К. Я. Эрбена, Б. Немцовой, Я. Малого, Б. М. Кульды, М. Микшичека, что свидетельствует о его связях с чешскими будительскими кругами. В связи с этим вспоминается, что Ф. Палацкий в письме 1861 г. родным из-за границы в числе друзей, кому он просил передать приветы, первым упомянул Й. Венцига [3].

Венциг считал, что в переведенных им сказках отразилась религиозность их безымянных авторов, «которая образует основную черту славянского характера». Он характеризовал фигуру черта в чешских сказках, раздумывал о сходстве некоторых этих сказок с немецкими, словацкими — с древнегреческими. Венциг приходит к выводу, что в данной области культуры «необходимо решить еще много загадок, и случится это не раньше того времени, когда наконец произойдет отказ от полбичатости и будут суммированы достижения Востока и Запада Европы, сознательно сравнены как части одного неделимого целого».

Источниками для второй части переводов Венцигу послужили книги К. Я. Эрбена, П. Й. Шафарика, Я. Коллара, Ф. Супила, Й. В. Камарита и других авторов, главным образом XIX в. Включение в книгу приложения с нотами и текстами песен составитель объяснял высокой музыкальной одаренностью чехов: «Красотой и разнообразием чешские мелодии могут сравниться с лучшими напевами любого народа». Венциг заявлял: «Эти мелодии пользуются в Австрийском государстве всеобщей любовью, и я буду считать своей особой заслугой, если мне удастся вынести их за пределы австрийских границ». Составитель включил

в фольклорный сборник также «компози-торскую» песню «Где отчизна моя». Венциг пояснял, что эта песня на слова Й. К. Тыла и музыку Ф. Шкroupa была исполнена впервые немногим более 25 лет назад, но очень скоро завоевала огромную популярность «как в низших, так и в высших кругах» чешского общества, а также «стала своей у других славянских народов». Внешне неожиданное включение в сборник произведений народного творчества именно этой профессиональной песни обнажает связь усилий Венцига с деятельностью чешских будителей, для которых и фольклор, и «компози-торская» патриотическая песня были разными формами одного и того же — национально-патриотического просветительства.

Переводческая деятельность И. Венцига уже анализировалась в исторической литературе как крупнейшего посредника в чешско-немецком литературном обмене [4]. Предисловие дает основание говорить о Венциге и как о публицисте. Вдохновенные строки автора предисловия составляют малую толику по сравнению с текстами поэтических переводов, однако именно они сообщают всему сборнику новое качество. Общая установка автора, заявленная уже в названиях или подзаголовках его книг, делает творчество немецкого литератора не просто частью стихийно складывавшейся в немецкоязычном мире картины чешского национального общества, что, безусловно, важно, но и частью усилий, сознательно

направлявшихся в разное время представителями разных общественных слоев на формирование такой картины. Эта деятельность пока еще очень мало изучена. Проведению такого исследования мешает недоступность многих книг (и, в частности, этого автора), давно ставших библиографической редкостью. Вот почему необходимо приветствовать факсимильное издание сборника «Сокровища западнославянских сказок».

Переизданный сборник интересен не только как источник по истории чешско-немецких культурных связей, но и просто как собрание текстов замечательных сказок. Это и памятник составителю-переводчику, литератору-гуманисту Йозефу Венцигу.

Хореза О. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Reprints 1976/80. Gesamtverzeichnis der lieferbaren und der in Vorbereitung befindlichen Produktion nach dem Stand vom 31. 12 1978. 233 S., Leipzig.
2. *Wenzig J.* Westslawischer Märchenschatz. Ein Charakterbild der Böhmen, Mähren und Slowaken in ihren Märchen, Sagen, Geschichten, Volksgesängen und Sprichwörtern. Leipzig, 1857. (Leipzig, 1984. Zentralantiquariat der DDR. Reprintabteilung).
3. *Rodinné listy F. Palackého dceři Marii a zeti F. Riegrovi.* Vyd. Stloukal. Praha, 1930, s. 189.
4. *Jähnichen M.* Zwischen Diffamierung und Widerhall. Tschechische Poesie im deutschen Sprachgebiet 1815—1867. Berlin, 1967, S. 270.

Й. Ф. АНДЕРШ. Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською. Київ, 1987, 192 с.

И. Ф. АНДЕРШ. Типология простых глагольных предложений в чешском языке в сопоставлении с украинским

Одной из характерных черт современной теоретической лингвистики является серьезное внимание к проблемам функционально-семантического синтаксиса. В последнее время не только утверждается важная роль семантики в синтаксических исследованиях, но и особо акцентируется ее значение для теории и методики анализа синтаксических структур. В этом плане несомненный интерес представляет и рецензируемая монография, в которой решаются задачи построения структурно-семантической типологии простых гла-

гольных предложений в современном чешском литературном языке в сопоставлении с украинским.

Книга состоит из краткого предисловия, трех глав, заключения, развернутого резюме на чешском языке, перечня используемых символов и списка литературы.

Исследование И. Ф. Андерша направлено на выявление моделей-образцов простых глагольных предложений, характерных для чешского и украинского языков, на раскрытие динамических свя-

зей между различными типами моделей и их семантическими реализациями, на установление сходства и различий анализируемых синтаксических структур в двух близкородственных языках. Непосредственным объектом исследования являются двусоставные предложения с полнозначными и неполнозначными глаголами в функции предиката и модификационно связанные с ними односоставные глагольные конструкции.

Прежде всего хотелось бы отметить солидную теоретико-методологическую базу, на которой строится исследование И. Ф. Андерша. Автор хорошо ориентирован в новейшей советской и зарубежной лингвистической литературе, посвященной теоретическому осмыслению синтаксической проблематики, в частности, принципов и методов системного описания и моделирования структуры предложения.

Теоретическая концепция автора наиболее полно отражается в первой главе «Синтактико-семантическое моделирование простого предложения». И. Ф. Андерш уточняет и углубляет трактовку важных теоретических понятий и положений (семантическая структура предложения, модели предложения, метод синтактико-семантического моделирования, учет валентностных свойств глагола-предиката и др.), творчески развивая исходные концептуальные построения своих предшественников. Опираясь на достижения современной синтаксической теории (прежде всего чехословацкой), он формулирует следующие основные принципы синтактико-семантического моделирования предложения: 1) типовая и индивидуальная семантика глагола, выступающего в роли предиката, предопределяет его валентную и интенционную структуры, которые эксплицитно выявляются в разного типа формально-синтаксических и семантико-синтаксических структурах предложения; учитывая валентно-интенционные свойства глагольных предикатов, можно моделировать минимальные структуры предложения (структурные модели); 2) при моделировании структуры предложения важно различать абстрактный (в терминах членов предложений) и конкретный (в терминах морфологических классов слов) уровни; на первом уровне определяются валентные и интенционные типы минимальных структур, а на втором — их морфолого-синтаксические и лексико-семантические реализации: учет синтаксических функций слов в предложении позволяет дифференциро-

вать те структурные модели, которые имеют одинаковое морфологическое оформление, но отличаются синтаксическими связями; 3) минимальная структура предложения состоит лишь из конститутивных компонентов, которыми могут быть как главные, так и второстепенные члены предложения; 4) под семантической структурой предложения подразумевается совокупность содержательных отношений, устанавливаемых между его компонентами; она описывается в терминах предиката и участников действия (партиципантов), например: агент — действие, носитель состояния — состояние и др., ср., в частности семантические структуры «агент — активная деятельность — пациент»: *Kluk se drží zábradlí* или «носитель характерного свойства или признака — характерное свойство или признак»: *Kukačka kuká*.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является тесная органическая связь обсуждаемых теоретических постулатов с конкретными целями исследования, что ярко проявляется в главах, посвященных системному анализу простых глагольных предложений. Их устройство рассматривается с учетом взаимодействия формально-синтаксической и семантической сторон и описывается в виде набора структурных и семантических моделей. В главе «Двусоставные минимальные структуры предложения» на основе анализа большого фактического материала автор выделяет двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные структурные модели, устанавливает диапазон их семантических реализаций и дает их сопоставительную характеристику. При этом выявляется значительное сходство анализируемых структур и моделей: в обоих сравниваемых языках представлено одинаковое количество основных валентных и интенционных типов минимальных структур предложений, в основном совпадают и семантические группы глаголов, на базе которых конструируются исследуемые модели. Наряду с этим раскрываются и определенные структурные, семантические и функциональные расхождения. Их причины автор видит, в частности, в различиях управления при некоторых глаголах, ср.: *napadat nepřítel* — *napadati na protivníka*, *řídít ústav* — *ředit institutem*, *podobat se otcovi* — *naobdávati батька*; в отсутствии или малочисленности глаголов определенной семантической группы (например, в чешском языке пет глаголов типа *vejížetisya*, *privějševatisya*, *mrjatisya*, *pricjutisya*

и др., выражающих не реальное, а воображаемое восприятие органами чувств); в особенностях морфологического оформления глагола-предиката.

В третьей главе «Модификация двусоставных минимальных структур предложения (структурных моделей)» рассматриваются формальные и семантические изменения, которым подвергаются структурные модели в речи. Автор выделяет и описывает три типа межмодельных модификаций: потенциальные, реверсивные (обратные) и бесподлежащие.

Потенциальные модификации структурных моделей простого предложения связаны с замещением функционально-синтаксических позиций подлежащего и детерминантов, в результате чего исходная модель реализуется не в полном составе, например: *Já jsem rozdál dětem bonbóny* → *Rozdál jsem bonbóny*.

Реверсивные модификации обусловлены перемещением агенса и пациенса в рамках двусоставных предложений: агенса из позиции подлежащего в позицию дополнения или обстоятельства, а пациенса из позиции дополнения или обстоятельства в позицию подлежащего; предикат при этом может получать возвратную, невозвратную или причастно-аналитическую форму и выражать пассивную, демипассивную, медиальную и активную перспективу, ср., например, реверсивно-пассивную модификацию: *Komsomolci uspořádali konferenci* → *Konference byla uspořádána komsomolci*.

Бесподлежащие модификации двусоставных структурных моделей представляют собой принципиально иной тип изменений, поскольку в этом случае позиция подлежащего вообще отсутствует и исходная конструкция переходит в разряд односоставных, ср. один из возможных вариантов подобных изменений: *Voda ubývá* → *Ubývá voda*.

Детальный анализ указанных модификаций позволил автору не только раскрыть динамику системных отношений между различными типами простых глагольных предложений — двусоставными и односоставными, агентивными и деагентивными, пассивными и активными, личными и безличными, но и еще раз подчеркнуть сходства и различия чешского и украинского языков в данном синтаксическом звене. Выяснилось, что в украинском языке значительно больше разнообразных модифицированных структур, чем в чешском. При этом в чешском языке хорошо представлены преимущественно те конструкции, в которых

субъектный компонент в форме косвенного падежа, ср.: *Čekalo se*; *Šlo se* и др. В украинском языке широко представлены рефлексивно-пассивные предложения с творительным лица, причастно-пассивные предложения с творительным личными местоимениями, реверсивно-демпассивные предложения с дательным лица, бесподлежащие конструкции с дательным и творительным субъекта (типа: *Метро будеться робітниками*; *Записка була складена мною*; *Микола почулися кроки*; *Хлопцям не працювалось*; *Його поранило осколком*), которые не свойственны чешскому языку.

Сопоставительная направленность исследования И. Ф. Андриша имеет важное значение как в теоретическом, так и в практическом плане. Сделанные им наблюдения, касающиеся сходства и различия структурной организации, семантики, лексического наполнения и функциональной нагрузки рассматриваемых предложений и моделей, могут быть полезны при подготовке одноязычных и двуязычных словарей лексико-синтаксической сочетаемости глаголов, учебных пособий по синтаксису чешского и украинского языков, а также в переводческой практике.

Следует отметить и надежность богатого фактического языкового материала, послужившего базой исследования. Его источниками были тексты современной чешской и украинской художественной, публицистической и научно-популярной литературы, данные толковых и переводных словарей, материалы лексических картотек Института чешского языка ЧСАН и Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР, в том числе данные картотек чешско-украинского словаря, одним из составителей и редакторов которого является автор.

К недостаткам рецензируемой книги, на наш взгляд, можно отнести прежде всего слишком сжатое изложение истории изучения ряда теоретических проблем, тесно связанных с темой исследования. Это относится, в частности, к истории разработки теории членов предложения в отечественном языкознании (в книге фактически рассматривается только новейшая литература по данному вопросу), а также к учению о глагольной интенции (в связи с этим значительно большего внимания заслуживала книга Э. Паулини [1], представляющая собой один из первых опытов системного анализа лексико-синтаксических свойств глагола и заложившая основы той теоретической концепции

интенции глагольного действия, которая получила творческое развитие в современном словацком языкознании). Не всегда последовательной и бесспорной представляется предлагаемая автором трактовка некоторых частных вопросов. Так, например, к определенно-личным модифицированным предложениям (без подлежащего) автор относит лишь те структуры, глагол-предикат которых выступает в форме 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа (т. е. типа: *Volám vás; Ste me román* и т. я.). Если в аналогичной конструкции без подлежащего глагол-предикат имеет форму 3-го лица (например: *Křičí*), то она к определенно-личным модифицированным предложениям не причисляется, хотя такие конструкции тоже «представляют собой неполную реализацию двусоставных структурных моделей» (с. 137). Видимо более последовательным было бы признание того, что определенно-личные структуры как особый тип по-

тенциальных модификаций могут конституироваться глаголом-предикатом во всех трех лицах.

Рецензируемая книга написана на высоком научном уровне, автору удалось внести свой вклад в разработку малоисследованной проблематики синтаксиса славянских языков. Представленная в книге оригинальная и хорошо обоснованная концепция синтактико-семантического моделирования может послужить теоретической основой для построения сопоставительной типологии простых глагольных предложений современных славянских литературных языков.

Смирнов Л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pauliny E. Struktúra slovenského slovesa. Studia lexikálno-syntaktická. Bratislava, 1943.*

W. WENZEL. Studien zu sorbischen Personennamen. T. I. Systematische Darstellung. Bauzen, 1987, 175 S.

В. ВЕНЦЕЛЬ. Очерки лужицкой антропонимии. Т. 1. Системное описание

Монография Вальтера Венцеля посвящена исследованию лужицкой антропонимии по материалам XIV—XVIII вв. Всего изучено 250 различных источников, относящихся к территории между средней Эльбой и верхним течением Шпрее и насыщенных антропонимией (церковные описи, налоговые списки, расчетные книги и др.), причем основная их масса (70%) приходится на XVI в. По преимуществу это архивные источники; использовано лишь 14 опубликованных документов. Многолетний кропотливый труд ученого «в пыли архивов» дал замечательные результаты.

В. Венцель собрал 17 тыс. случаев употребления антропонимов, по которым реконструировал около 3500 разных лужицких имен, прозвищ, фамилий, восстановил процессы исторического развития лужицкой антропонимии.

В 15 главах книги лужицкая антропонимия подвергнута всестороннему и глубокому анализу. Самая обширная, следующая непосредственно после вводной, обобщающая глава «Общие проблемы и результаты» (с. 13—46) рассматривает

переход от одночленности к двучленности в именовании лужичан и преобразование прозвищ в фамилии. Уже в XIV в. среди лужичан в городах преобладали двучленные именованья, а в селах они составляли не менее половины. Но фамилий среди них явно не было. Переход прозвищ в фамилии автор видит в приобретении этими антропонимами официального характера и в их структурной перестройке. Но главное свойство фамилий — их наследуемый характер, перенос от поколения к поколению — по памяти — выявить нелегко. Поэтому время появления и закрепления лужицких фамилий так и остается установленным нечетко, и в дальнейших главах автор нередко рассматривает фамилии и прозвища без их дифференциации.

По своей морфемной структуре лужицкие фамилии в таком их широком понимании распределяются по 9 типам. Из них лишь 3 имеют как онимическую, так и апеллятивную базу (основа с одним, двумя либо тремя суффиксами: *Bélik, Głowack, Mětoweńc*). Остальные 6 типов свойственны лишь образованиям от лич-

ных имен. Эти 9 структурных типов членятся далее на 78 подтипов по конкретным суффиксам либо особенностям производящей основы. После краткого критического анализа предложенных ранее построений В. Венцель выдвигает свою генетическую (онимические, апеллятивные и неясные либо многозначные фамилии, с детализацией этих групп), семантическую (не вполне убедительная группировка отапеллятивных образований) и генетико-морфематическую классификацию исследуемых фамилий. Особое внимание уделено антропонимическим контактам с немецким языком и проблематике интерференции.

Последующие главы монографии как бы дополняют и развертывают положения, сформулированные в этой обобщающей главе. Так, обстоятельно рассмотрен фонематический аспект лужицкой антропонимии. Необходимость извлечь фонологию из графики и по немецкой записи восстановить лужицкое звучание вынудила автора провести компактное сопоставление древнелужицкой, нижнелужицкой, верхнелужицкой и немецкой фонологических систем. Сопоставление это имеет самостоятельную научную ценность и служит автору опорой для дифференциации лужицких форм во времени и пространстве.

Развернутый анализ морфемной структуры лужицкой антропонимии и изменений этой структуры помог определить онимическую наполненность каждого из выделенных автором типов и подтипов, а также чередования суффиксов и развитие их вторичных форм. Прослежены также лексико-семантические трансформации антропонимов, включая их народноэтимологические преобразования.

По своей онимической и этнической принадлежности выделяются и анализируются собственные имена, не совпадающие с прозвищами (их мало — по преимуществу это календарные имена, например, Handrej, Tomaš, Madlena); антропонимы, отразившие польское и чешское влияние; имена, не имеющие однозначной интерпретации (чрезмерная исследовательская осторожность автора приводит к включению в эту группу даже таких этимологически прозрачных имен, как Pstruh при в.-луж. pstruha «форель», Bosu при в.-луж. bosu «босой» и др.); неясные антропонимы (среди них, например, и Wutran, но ср. в.-луж. wutrac «вынести, перенести»); лужицкие фамилии немецкого происхождения.

Информативна глава об антропоними-

ческой статистике. Здесь указаны количественные параметры изученной лужицкой антропонимии почти во всех возможных ее аспектах. Так, самыми частотными, по числу образований, оказались следующие 10 антропоформантов: -ik, -iš, -ak, -k, -a, -ic, -ap, -uš, -ka, -š. 10 самых частых фамилий (часть из них единично употребляется и в функции имен): Nowa, Jenš, Beniš, Kuba, Hanuš, Manik, Rak, Mětš, Kral, Nanoš.

Первые в изучении лужицкой антропонимии В. Венцель применил методику лингвистической географии и вообще ареальный подход. Подход этот тем уместнее, что ученый установил ономастически и этнографически очень важную закономерность: фамилия привязывается к дому, к усадьбе, а не к человеку. Если владелец усадьбы менялся, то он получает фамилию старого владельца, даже если не приходится ему родственником; прежнее же именование этого нового владельца рано или поздно исчезает из источников. Эта особенность лужицких фамилий по сути преобразует их в своеобразные микропонимы и создает широкие возможности для их перехода к представителю другой национальности, в частности от лужичан к немцам. Вместе с тем эта особенность редуцирует мобильность фамилий, четко их локализирует, что благоприятствует ареальному подходу. Приложенная к монографии карта распределения фамилий Kowal и Kowaf (с производными) дает выразительную изоглоссу, практически совпадающую с изоглоссой соответствующего апеллятива.

Учитывая отмеченную «топонимизацию» лужицких фамилий, их исходную языковую принадлежность можно установить лишь этимологическим путем. Автор проделал подобный этноантропонимический анализ и сопоставил в обследованных им (по документам) 616 населенных пунктах зафиксированные здесь лужицкие и генетически немецкие (их около 14 тыс.) фамилии. Соотношение тех и других представлено на четырех картах. Если у Эльбы и в низовьях ее притока Черного Эльстера лужицкие фамилии встречаются редко и ни в одном населенном пункте не преобладают, обычно же не составляют и четверти всех фамилий, то в верховьях Черного Эльстера и в прилегающей части бассейна Шпрее лужицкие фамилии господствуют, во многих поселениях — безраздельно. Установленное В. Венцелем географическое распределение лужицких и немецких фамилий позволяет точнее определить ход немецкой

экспансии на восток и онемечивания лужичан.

Монография завершается краткими социоантропонимическими заметками (социальное расслоение у лужичан переплетается с этническим) и обширными списками источников, литературы, названий населенных пунктов и их сокращений.

R. OLESCH. *Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. IV. Indices.* Köln — Weip, 1987, 360 p.

Р. ОЛЕШ. *Тезаурус древяно-полабского языка. Т. IV. Указатели*

Завершен выпуск «Тезауруса древяно-полабского языка», изданного крупнейшим современным полабистом Рейнгольдом Олешом. Первые три тома Тезауруса содержали полный словарь всех словоформ, имеющих в известных нам памятниках полабского языка конца XVII — начала XVIII вв., расположенных в алфавите оригинальных написаний (т. е. написаний, выполненных средствами немецкой орфографии людьми без специальной подготовки, не всегда последовательно). Словарная статья Тезауруса включает полную цитацию слов и их сочетаний из источников, принятую в полабистике транскрипцию (с некоторыми незначительными отклонениями от предшествующих словарей, которые вызваны новыми прочтениями и некоторыми новыми предложениями Олеша по интерпретации звуковой системы полабского языка). В словарную статью включался также немецкий (а для одного из источников — словарь Пфедфингера — французский) эквивалент оригинала, а также перевод заглавного слова на современный немецкий язык. Кроме того, словарные статьи содержат этимологические сведения: отсылки к праславянскому или западнославянскому (дополабскому) этиму, а для заимствований — исходные нижне-немецкие формы. Праславянские и западнославянские реконструкции сопровождаются указанием рефлексов в других славянских языках. Приводятся греческие, латинские и некоторые другие этимоны для заимствований из этих языков, проникших в полабский через нижне-немецкое посредство.

Как уже отмечалось в нашей рецензии на предыдущие три тома Тезауруса [1], если написание слова в источниках неизвестно, найти это слово в Тезаурусе нелегко из-за различных и непоследовательных способов записи в источниках. Поэтому столь важен и полезен четвер-

Монография эта — заметное явление в разработке не только лужицкой, но и всей славянской антропонимии. Автор продолжает свою работу и готовит вторую ее часть, которая будет представлять собой объемный словарь нижне- и верхне-лужицких фамилий.

Карпенко Ю. А.

тый том Тезауруса, содержащий указатели.

Том открывается индексом древяно-полабских слов в принятой в словаре транскрипции. Этот указатель открывает возможность легко найти в Тезаурусе нужное слово на основании его предполагаемого звучания (транскрипции). Следует только иметь в виду некоторые особенности трактовки полабской звуковой системы, изложенные во вступлении к первому тому Тезауруса. Сравнение указателя транскрипций со словником словаря К. Полянского и Дж. Зенерта [2] показывает, что Тезаурус не только дает полную цитацию и оригинальные написания, но и пополняет словник за счет слов, отмеченных в одной из копий словаря Хеннига (НВ — I), например: *alt'is* 'сечка', *an* 'к', *bant* 'пипа'. Второй указатель — обратный (ретроградный) словник тех же транскрипций, что облегчает разыскание нужных словоформ. Это особенно важно, если учесть, что в Тезаурусе даны не только слова, но и все словоформы, а следовательно, рядом оказываются словоформы с одинаковыми окончаниями. Третий индекс тоже построен на базе транскрипции — это указатель приведенных в материале предложений (*Satzbelegungen*). Представляется, что тематическая его организация (человек и его деятельность; местонахождение человека; приветствие; погода — температура — время; разное) лишь в малой степени способствует легкости нахождения соответствующего предложения, хотя алфавитное расположение предложений (что видно и из размещения предложений внутри указанных тем) тоже едва ли облегчает отыскание нужных фактов, что хорошо известно из практики использования фразеологических словарей. В словаре К. Полянского и Дж. Зенерта соответствующий материал под общим

заглавием «Полабская фразеология» был расположен по источникам, что также затрудняло поиск. Быть может, было бы полезно, не ограничиваясь предложениями, привести в указателе все словосочетания (в конце концов их не столь уж много в полабском материале), что поставило бы рядом с приведенными (в разделе приветствий) выражениями *dübrä jautrü* 'доброе утро', *dübrä nūc* 'добрая ночь', *dübrē dan* 'добрый день', *dübrē vicer* 'добрый вечер' другие сочетания с прилагательными *dübrē* 'хороший': *dübrē defkä* 'добрая девка', *dübrä d'olü* 'доброе дело', *dübrä mlakä* 'хорошее молоко', *dübrä vainä* 'доброе вино' и др., см. [3].

Вторая группа указателей — немецкие. Во-первых, это указатель немецких переводов полабских слов, сделанных в источниках или же издателем Тезауруса (первые переведены на современную орфографию, различия в переводах отмечаются шрифтом). Далее следует указатель немецких переводов слов из других славянских языков. Два индекса указывают немецкие литературные соответствия приведенных в словаре нижне-немецких или средненижнемецких форм. Далее идут небольшие указатели германских форм, использованных в этимологических справках в Тезаурусе при указании источников заимствований: старофризских, древнесаксонских, древневерхнемецких, средневерхнемецких, аллеманско-швабских и нововерхнемецких (т. е. современных литературных немецких). К этим немецким индексам, в которых главное место уделено немецким переводам, примыкает указатель французских переводов из словаря Пфеффингера (в современной орфографии). Индексы немецких и французских переводов позволяют использовать Тезаурус и в режиме «от значения к слову», что существенно, как потому, что не всегда легко реконструировать возможную полабскую континуанту того или иного праславянского слова, так и потому, что в некоторых случаях, учитывая наличие нерегулярного семантического развития, а также многочисленные (около 20%) заимствования, полезен именно поиск полабских слов по заданным значениям.

Третью группу указателей составляют индексы славянских слов, использованных в этимологической части словарных статей. Первостепенное значение имеют здесь два индекса праславянских (дополабских) слов. Первый включает пред-

ложенные в Тезаурусе праславянские формы, второй — отклоняемые реконструкции. Это позволяет при необходимости найти и проанализировать не только полабские слова на основании праславянских, дополабских форм, но и те слова, которые ранее рассматривались как продолжения определенных дополабских (праславянских) форм, но затем были проэтимологизированы по-другому. При этом имеются в виду те ранние этимологии, которые указаны в этимологической части Тезауруса. Для изучения полабско-инославянских связей определенное значение имеют индексы слов отдельных славянских языков, встретившихся в этимологической части словарных статей. Поскольку они опираются на текст Тезауруса, где не всегда полно учтены работы, в которых даются инославянские параллели, индекс по является исчерпывающим. К примеру, в нем нет белорусского соответствия полабскому слову *сіркос* 'сверчок' — *цyrкун*, которое делает ненужным объяснение начального *c-* в слове через пемецкое влияние (см. [4]). Однако и приведенные материалы представляют определенный интерес.

Последнюю группу указателей составляют индексы греческих и латинских форм из этимологической части Тезауруса, а также включающие по одному-два слова индексы английских, англосаксонских, нидерландских и испанских слов. Том завершается списком опечаток к первым трем томам Тезауруса. К нему приложена вкладка — цветная карта внешнего округа Люхов — Данненберг, на территории которого обитали в конце XVII — начале XVIII в. последние носители древняно-полабского языка.

Итак, в наших руках теперь полное собрание известных науке материалов по древняно-полабскому языку. Тезаурус включает как данные из опубликованных Олешем заново полабских источников (фототипическое воспроизведение словаря Христиана Хеннига по рукописи XXIII, 842 Нижнесаксонской библиотеки в Ганновере и сборник «Малых источников» [5; 6]), так и данные из других копий словаря Хеннига, которые были известны по примечаниям П. Роста [7] и И. Юглеру [8]. Благодаря настойчивым и плодотворным усилиям Р. Олеша слависты получили практически исчерпывающие данные о мертвом языке полабских древян, приведенные как в изданиях, так и в упорядоченном виде Тезауруса. Издания Олеша превосходят все, чем мы

до сих пор располагали в полабистике. И, естественно, эти издания, базирующиеся, конечно, на вкладе предшественников, прежде всего И. Юглера и А. Шлейхера, П. Роста и Т. Лера-Сплавинского, Н. С. Трубецкого и К. Полянского, ставят перед наукой новые задачи. Главной очередной задачей является создание нового, основывающегося на полных и хорошо представленных материалах, описания полабского языка по всем аспектам: фонетическом и семантическом, словообразовательном и грамматическом. Пример самоотверженного труда Р. Олеша показывает, что создание такого описания вполне возможно. Представляется, что для современной славистики оно было бы полезным. Поскольку на русском языке мы располагаем пока только кратким очерком полабского языка [9], было бы естественным и желательным появление такого описания в нашей стране.

Супрун А. Е.

1. *Супрун А. Е.* Рец. на кн.: Р. Олеш. Тезаурус древне-полабского языка. — Советское славяноведение, 1986, № 4, с. 115.
2. *Polański K., Sehnert J. A.* Polabian-English Dictionary. The Hague — Paris, 1967.
3. *Супрун А. Я.* Лексичная спалучальнасць у палабскай мове. Мінск, 1973, с. 29—32.
4. *Супрун А. Е.* Новые издания по полабской лексикографии и лексикологии. — Советское славяноведение, 1966, № 2, с. 96.
5. *Olesch R.* Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Köln — Graz, 1959.
6. *Olesch R.* Fontes linguae dravaco-polabicae minores et Chronica venedica J. P. Schvtzii. Köln — Graz, 1967.
7. *Rost P.* Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
8. *Olesch R.* Juglers lüneburgisch-wendisches Wörterbuch. Köln — Graz, 1962.
9. *Супрун А. Е.* Полабский язык. Минск, 1987.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Українсько-болгарські культурні взаємини, XX ст.: Зб. наук. пр. / АН УРСР; Укр. ком. славістів; Болг. акад. наук; Болг. ком. славістів. Київ, 1988, 214 с.

Урошевський А. Етнічні процеси на Косову током турске владавине. Београд, 1987. 112 с.

Щерба С. П. Решение демократических и социалистических задач в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Житом. гос. пед. ин-т им. И. Франко. Житомир, 1988, 219 с.

Bogucka M. Dzieje kultury polskiej do 1918 roku. Wrocław etc., 1987, 436 s.

Borkowski J. Ludowcy w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1987. Cz. 1, 374 s. Cz. 2, 412 s.

Czubiński A. Najnowsze dzieje Polski. 1914—1983. Warszawa, 1987, 462 s.

Dejiny filozofického myslenia na Slovensku / Sloven. akad. vied. Úst. filozofie a sociológie. Bratislava, 1987, 495 s.

Dutch studies in South Slavic and Balkan linguistics / Ed. by Barentsen A. A. et al. Amsterdam, 1987, 298 p.

Inwentarz rękopisów Biblioteki Jagiellońskiej N 9001—10000 / Oprac. Grzybowska J. Warszawa — Kraków, 1987, 112 s.

Kierunki rozwoju Polski po drugiej wojnie światowej / Pr. zbior. pod red. Topolskiego J. Poznań, 1987, 120 s.

Nasza przeszłość: Studia z dziejów Kościoła i kultury katolickiej w Polsce / Red. Duńska J. et al. Kraków, 1987, 288 s.

Niedziela Z. Literatura czeska w latach II wojny światowej. Warszawa — Kraków, 1987, 74 s.

Odrodzenie i reformacja w Polsce / Pol. akad. nauk; Inst. historii. Wrocław etc., 1987, 252 s.

Općina Gornje Dubrave: Radovi iz dalje prošlosti i narodnooslobodilačke borbe / Odg. ured.: Zatezalo B. Kariovac, 1987. 1024 s.

Ożóg K. Kultura umysłowa w Krakowie w XIV wieku: Środowisko duchowieństwa świeckiego. Wrocław etc., 1987, 167 s.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА

О новом теоретическом видении социализма, а еще более — о настоятельной необходимости социалистического общества в самопознании шел весьма откровенный разговор прошлой осенью на болгаро-советском теоретическом семинаре обществоведов [1].

Он был организован Институтом истории БКП при ЦК БКП. С болгарской стороны в семинаре приняли участие руководители и сотрудники названного Института, а также представители Академии общественных наук и социального управления при ЦК БКП, Болгарской академии наук, Софийского университета «Климент Охридский»: Д. Елазар, Д. Сирков, акад. Е. Матеев, В. Боев, А. Алдонов, Д. Иванов, К. Василев, С. Петров, Д. Варзоновцев, О. Шентов и др. Советская сторона была представлена сотрудниками Института экономики мировой социалистической системы АН СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС: А. П. Бутенко, В. И. Дашичев, Е. А. Амбарцумов, Ю. С. Новопашин, Л. Ф. Шевцова, В. И. Киселев, Б. М. Пугачев.

С результатами творческого интернационального диалога обществоведов двух стран, начавших перестройку и обновление социализма под руководством коммунистических партий, пока могут ознакомиться лишь немногие специалисты, имеющие доступ в Институт научной информации по общественным наукам. Хотя материалы семинара, вне всякого сомнения, достойны внимания всех тех, кто ищет ответы на обострившиеся историко-философские вопросы «кто виноват?» и «что делать?». Нет окончательных ответов на эти непростые вопросы, семинар на них не ответил, но зато показал, что поиск нужно и можно вести одновременно в разных направлениях.

Обсуждению подвергнут широкий круг тем, так или иначе раскрывающих сущ-

ности общественно-политические и экономические стороны социалистического общества. Живая мысль и живая, порой даже горячая, речь обращены к анализу, может быть, не одинаково убедительному, разных моделей социализма (Маркса и Энгельса, Ленина, Сталина, современной) экономики и политики, идеологии и власти, деформаций и перестройки политической системы, сферы международных отношений социализма, ответственности марксистской науки в переломное время.

Обо всем этом участники семинара говорят смело и полщепрятно, поскольку знают, что не должно быть закрытых тем и углов жизни, особенно для исследования, по тут же и вспоминают порой, что есть еще такие темы и углы и в каких-то случаях даже находят оправдание их «закрытости», несмотря на то, что многие на себе испытали — с разных сторон — ее развращающее влияние.

Наслаивание оценок, критических и позитивных высказываний, пакопление теоретически разработанных взглядов и ситуативных озарений — все это хорошо для начала, которому обязательно требуется продолжение, иначе оно теряет смысл. Чтобы не был утрачен опыт проделанного на семинаре труда, его следовало бы критически продолжить и развить. К участникам семинара здесь могли бы присоединиться их сторонники и противники — есть пища тем и другим, поскольку материалы носят дискуссионный характер.

Кремнев В.

ЛИТЕРАТУРА

1. О новом теоретическом видении социализма. Материалы болгаро-советского теоретического семинара (Банско — София, 22 сентября — 5 октября 1987 г.) София, 1987, 379 с.

Новая книга чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбурга, оказавшаяся, к нашему глубокому прискорбию, последней (Виктор Иванович скончался в мае 1988г.), посвящена проблемам средневековых городов Италии. У медиевистов-славистов к ним интерес особого рода. Ряд югославянских народов долгие годы взаимодействовал с ними (Венеция около четырехсот лет владела Далмацией). Те, кто занимается историей городов Далмации и Истрии, сталкиваются с теми же проблемами, что и исследователи прошлого городов Италии. Думается, югославы с вниманием отнесутся к соображениям В. И. Рутенбурга и прежде всего к его мысли, что нельзя «полностью пренебрегать чертами сходства античных городских центров со средневековыми» (с. 4). Справедливость этого тезиса нельзя не оценить, особенно помня, как часто в нашей урбанистике пытались насадить идеи решительного дисконтинуйтета между античным и средневековым городом. Столь же справедлива (и, заметим, более нова) оценка того, что долго имповалось в литературе политической (или феодальной) раздробленностью Италии. По мысли Рутенбурга, следует говорить не о раздробленности, а о «полицентризме», о невозможности для страны в тот период развиваться в рамках единого государства, невозможности, продиктованной своеобразием итальянской городской жизни (с. 9—10).

Заявив с самого начала книги об этом своем исходном убеждении, В. И. Рутенбург уже не мог дать синтезированной картины города. И он развернул перед читателем многообразие вариантов эволюции разных городов, при этом каждый раз объясняя, символом какого пути развития является тот или иной центр. Вот как выглядит оглавление его книги: «Милан деловой, Генуя бакирская, ... Падуя аграрная, Болонья ученая, Флоренция возрожденческая...». При этом заметим, что описание каждого города вовсе не так схематично, как это может показаться из названия главы, а в ряде случаев это описание и вовсе не схематично. Например, история Генуи или Спены (менее повезло, на наш взгляд,

очеркам о Кремоне, Милане или пополамской Флоренции). Порой изложение, может быть, даже перегружено материалом, который имеет бесспорное отношение к истории города и в то же время связан скорее с характеристикой самого движения Возрождения. Так, автор книги правомерно возводит деятельность гениев Чинквеченто к городской среде, их породившей, но тем не менее известная условность этой связи очевидна — не одни горожане были потребителями ценностей, созданных этими гениями. Иное дело — политико-философские доктрины, как те, которые были ориентированы на город (Т. Кампанелла), так и те, которые стремились к преодолению городской разобщенности (М. Макьявелли). Здесь связь с судьбами города ощущается более отчетливо.

Жанр книги определить непросто. Она легко читается, а выразительные иллюстрации, подобранные с большим вкусом, делают это чтение особенно приятным. И в то же время читатель ощущает два дополнительных пласта — собственных исследований автора и полемических соображений, которыми наполнена книга. Читателю-непрофессионалу адресованы и ряд известных истин, которые сообщает автор (например, о походах Фридриха Барбароссы), что, по всей видимости, оправдано, однако не упрощает серьезной работы.

Ленинградская школа итальянистов, долгие годы возглавляемая В. И. Рутенбургом, имеет уникальные условия для работы: в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР хранится около 10 тыс. итальянских рукописей. Три приложения к книге («Итальянские города в архивах Москвы и Ленинграда», «Ломбард во дворце» и «Потерянный и найденный Уццано») содержат красочный рассказ о содержании этих рукописных собраний, истории их возникновения и о тех открытиях, которые были сделаны в процессе работы над ними. Новая книга В. И. Рутенбурга дает полное представление об успехах ленинградских медиевистов.

Фрейденберг М. М

Д. ВЕЖХОЛОВСКА. «Горный венец» Петра Негоша. Поэтика произведения.

Рецензируемая монография, выпущенная издательством Высшей Педагогической Школы, состоит из вступления, четырех разделов, посвященных анализу языково-стилистических форм драмы Негоша, ее образам, структуре, функциям времени и пространства, заключения и сопровождается резюме на русском языке.

Сложна геологическая проблема «Горного венца»: исследователи были склонны видеть в нем подраматическую драму или поэму, обладающую драматической формой. Д. Вежхоловска отмечает, что хотя в большинстве работ, посвященных жанровой квалификации произведения, учтено влияние героической эпики, однако практически не принят во внимание фактор, составляющий значимый контекст каждого произведения, — эпоха создания «Горного венца». Автор монографии обращается к произведениям польской литературы того же периода — «Дядям» А. Мицкевича, «Кордиану» Ю. Словацкого, «Небожественной комедии» и «Иридиону» З. Красиньского, — которые также могут служить примером несценической романтической драмы. Сопоставления с польской литературой эпохи романтизма неоднократно звучат в монографии Д. Вежхоловской. Аналогию эту автору подсказали характерные для славянских литератур пути развития, обусловленные общим для многих славянских народов опытом неволи.

В результате анализа структуры основных языковых конструкций «Горного венца» получен интересный материал, дающий представление о преобразовании традиционных эпических мотивов в настоящее драматическое произведение эпохи романтизма. В форму диалогов, монологов, песен и припевов Негош ввел разнообразные языково-стилистические формы, типичные для героического эпоса, стараясь придать им единое драматургическое звучание. Наряду с эпическими и драматическими элементами в монографии рассмотрены и лирические, которые также присущи языковым формам «Горного венца».

В сценическом развитии литературных образцов Д. Вежхоловска рассматривает тип, который напоминает известных романтических героев, воплощающих драматическое одиночество своих создателей-поэтов, мучительно переживаю-

щих противоречие между величием духа и низменными обстоятельствами. На протяжении действия драмы он существенно меняется: на смену герою, терзаемому внутренним душевным разладом, приходит вышедший из черногорской среды настоящий народный предводитель.

Анализ структуры произведения дает возможность выявить в нем как общие черты, характерные для эпохи романтизма, так и специфические, присущие только ему. Композиция «Горного венца» основана на отдельных картинах, что типично для драмы эпохи романтизма. Открытая форма драмы позволила Негошу свободно оперировать фрагментами, иллюстрирующими целые пласты культуры родного народа, а также показать дилемму власти и нравственные проблемы пезаурядной личности. Конструкция действия драмы разрознена, ибо Негош в основном вводит в произведение сцены, где всякий раз показан какой-то новый аспект окружающего мира (главным образом под углом зрения национально-религиозного конфликта в Черногории). В контрастных по настроению и тематике картинах «Горного венца» реализована романтическая концепция произведения — изображение жизни во всем ее богатстве, со всеми ее противоречиями. «Целое в отрывках» — называет Д. Вежхоловска произведение Негоша, отмечая также, что наряду со свободой сочетания отдельных эпизодов, в произведении Негоша очевидны старания направить развитие драмы в классическое русло, с кульминацией и развязкой.

Временные и пространственные представления в драме Негоша имеют немало черт, характерных для этих категорий в романтической драме (символика дня и ночи, народных праздников). Композиционным принципам отвечает также структура времени и пространства, образуя организационную основу и связь между отдельными частями.

Рецензируемая монография содержит большой сравнительный материал, она не лишена полемических моментов, отличается цельностью структуры, живостью языка и, несомненно, вызовет интерес у многих читателей.

Корбич Г.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ СЛАВЯНАМ И ИХ СОСЕДЯМ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В марте 1988 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) состоялась научная конференция «Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма», в которой приняли участие сотрудники ИСБ, Института истории СССР АН СССР, МГУ и других учреждений Москвы, Ленинграда и Минска. Организованная сектором истории средних веков как VI Чтения памяти видного советского слависта В. Д. Королюка, хронологически она охватывала период раннего средневековья (до XIII в.) и имела интердисциплинарный характер: были заслушаны доклады историков, лингвистов, филологов, археологов, палеографов.

Открывая конференцию, Г. Г. Литаврин подчеркнул научную актуальность темы «Славяне и их соседи», указал на сложности и перспективы ее изучения. Вяч. Вс. Ивашов высказал смелую научную гипотезу о сильном иранском воздействии на славян на раннем этапе их истории. О большом значении Хазарии для развития Древней Руси, о состоянии изучения хазарской проблематики сделал доклад А. П. Новосельцев.

Славяно-балканские взаимосвязи с лингвистической точки зрения рассмотрел В. Э. Орёл. Историкографические аспекты славяно-волошских отношений осветил Е. П. Наумов. О проблемах изучения «Именника болгарских ханов», источника столь важного, столь и загадочного, рассказала Л. В. Горина. О. В. Иванова проанализировала этнополитическую ситуацию в долине Вардара в X в. Предположение об участии южных славян в христианизации Руси сделал А. Б. Страхов. Роль средневековой Фанагории в контактах с окружающим миром по данным археологии проследил А. Г. Атавиц.

Ряд докладов был посвящен славяно-византийским взаимоотношениям. Г. Г. Литаврин сравнил принцип наследственности власти в Византии и Болгарии. Славяно-византийского характера деятельности Кирилла и Мефодия коснулись Е. М. Верещагин. Ряд источников был

проанализирован в выступлениях Н. Ф. Каврус, М. В. Бибикина, А. И. Рогова. О восприятии византийской хронистикой крещения Руси как факта малозначительного и — шире — об отсутствии в Византии политики целенаправленной христианизации соседних народов высказал предположение С. А. Иванов. Определенную корректировку такого взгляда дал И. С. Чичуров.

Интересную гипотезу о восточнославянских племенах выдвинул Ф. Д. Климчук, предполагающий, что «вервиане» раннесредневековых зарубежных источников — это не отраженное «Повестью временных лет» племя в Западной Польше. О контактах мордовских племен с восточными славянами сделала доклад Р. Ф. Воронина.

О русско-скандинавских и русско-прибалтийских контактах было несколько докладов. И. П. Шаскольский показал, что под политическим влиянием Древней Руси в XI — начале XIII в. оказались почти все прибалтийско-финские племена. Е. Л. Назарова остановилась на проблеме происхождения вендов Латвии, отрицая их славянскую принадлежность. В докладе Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина о роли межэтнических взаимовлияний в формировании русской и скандинавской культур подчеркивалось специфическое положение надплеменной «дружинной» культуры, синтезировавшей разнотипные элементы — от предметов быта до религии.

Часть выступлений касались международных торговых связей. А. В. Назаренко подчеркнул большое значение раннесредневековых коммуникаций, в особенности сложившегося в IX в. трансевропейского пути Хазария — Киев — Краков — Прага — Западная Европа. В. Б. Перхавко отметил, что Древняя Русь имела наиболее интенсивные торговые контакты прежде всего с западными славянами.

О славяно-германских отношениях был доклад В. К. Ронина «Этническое самосознание и особое право славян в Германской империи», где доказывалось, что на протяжении веков особый правовой

статус поддерживал в славянском населении империи его славянское самосознание. Чешско-баварские отношения в первой половине X в. проанализировала М. Ю. Парамонова.

Одно из заседаний было целиком посвящено славяно-венгерским связям. Лингвистический аспект этих связей рассмотрел Е. А. Хелимский, проанализировавший ряд языковых заимствований и сделавший вывод о существовании в Венгерском королевстве славянского интердиалекта. Источниковедческий характер имели доклады В. П. Шупарина (о венгерском Анониме) и А. В. Горизонтовой (о юридических памятниках). Анализ образа венгров в исторической традиции их западнославянских соседей дал Б. Н. Флоря. П. М. Пашаева с точки зрения истории науки осветила будитель-

скую историографию славяно-венгерских взаимоотношений. Г. П. Мельников представил обзор современной словацкой историографии по этой же проблеме.

В оживленной дискуссии шел свободный обмен мнениями по наиболее острым проблемам. Особо следует выделить выступление В. С. Савчука, обратившего внимание на методологическую отсталость разработки проблемы ассимиляции в советской исторической науке.

В заключительном слове Г. Г. Литвин отметил важность тематики конференции, подчеркнул, что советские исследователи этой проблематики должны быть на должной научной высоте, не склоняясь к этническим пристрастиям и конъюнктуре.

Мельников Г. П.

НАУЧНАЯ ВСТРЕЧА СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ

27—30 апреля 1988 г. в Гродно состоялась встреча советских и польских историков, организованная обществами дружбы обеих стран и приуроченная к первой годовщине подписания Декларации о советско-польском сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры. Тема научной конференции — «Традиции дружбы и сотрудничества народов СССР и ПНР». В ней приняли участие советские ученые из Москвы, Минска, Гродно, Кирова, Иркутска, Тюмени и польские — из Варшавы, Белостока, Гданьска, а также активисты Общества советско-польской дружбы (ОСПД) и Общества польско-советской дружбы (ОПСД). К работе конференции проявили большой интерес центральные, республиканские и местные средства массовой информации. Она проходила при активной поддержке и участии Гродненского обкома КПСС, Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами, гродненского областного отделения ОСПД.

Ученые СССР и ПНР собрались вместе не для оглашения торжественных текстов, а для откровенного обмена мнениями по важным, нередко острым вопросам взаимоотношений двух стран, для воссоздания картины российско-польских и советско-польских культурных связей, выявления традиций революционного сотрудничества народов СССР и Польши. Такой подход позволял

проследить дальнейшее развитие традиций сотрудничества, дружбы, связей уже на современном этапе истории советского и польского народов. Эту задачу подчеркивали в своих выступлениях руководители советской и польской делегаций Г. В. Средин и С. Наврот.

Работа конференции строилась по проблемно-хронологическому принципу. Первый комплекс обсуждавшихся проблем относился к дооктябрьскому периоду. Были заслушаны доклады о контактах (преимущественно культурных и научных) между поляками и русскими в XIX — начале XX в. (Г. Курчис, ПНР), и об этапах развития революционного союза российского и польского пролетариата (С. М. Фалькович, СССР). Сообщения Б. С. Шостаковича и В. М. Фоменковой (СССР) конкретизировали вопрос о польско-русских связях на материале сибирской и вятской ссылки. Такое расширение «географии» связей вызвало большой интерес польских участников встречи. Привлекло внимание также сообщение А. К. Кавко (СССР) об отношении различных кругов польского революционного и, в частности, рабочего движения к освободительной борьбе белорусского народа.

Перейдя к рассмотрению проблем взаимоотношений народов СССР и Польши в период становления советского и польского государств, историки обсудили

доклад А. Я. Манусевича (СССР) об участии поляков в Октябрьской революции и борьбе за Советскую власть, дополненный сообщением о польских интернационалистах в Сибири (В. А. Данилов, СССР), а также доклад Э. Басиньского (ПНР) «Роль Советской России в восстановлении независимости Польши в 1918 г.». Последний привлек внимание глубиной постановки вопроса и четко расставленными акцентами, что было отмечено в выступлениях советских ученых. Оживленную дискуссию вызвал и доклад М. Лечика (ПНР), посвященный трудным вопросам конфликтных отношений Польши и Советской России в 1918—1919 гг. Здесь вновь встала проблема связи советско-польских отношений с интересами литовского, белорусского, украинского народов; подчеркивалась необходимость учета этого аспекта темы. На конференции освещалось польско-белорусское сотрудничество в 20-е годы в борьбе за демократические права в Польше (И. О. Царюк, В. Ф. Лядысев, СССР).

Значительное место заняла тема советско-польского боевого сотрудничества в годы второй мировой войны. Наряду с учеными ПНР, рассказавшими о вкладе польского народа в победу над фашизмом (М. Вечорек) и о помощи советским военнопленным партизанам, воинам Красной Армии на польских землях (А. Добровьский, Я. Гмитрук), выступали и советские журналисты — ветераны войны, которые привели конкретные яркие примеры боевого содружества наших народов (П. Е. Брайко), поведали о подвигах советских бойцов на территории Польши (В. И. Демиц). Эти выступления обсуждались вместе с докладом Р. Назаревича (ПНР) «Революция в Польше и исторический перелом в польско-советских отношениях», подчеркнувшего тесную взаимосвязь между этими историческими явлениями.

Проблематика советско-польского сотрудничества в послевоенный период бы-

ла представлена докладом Б. Бялокозевича (ПНР), рассматривавшего его в аспекте культуры. М. Козак (ПНР) в своем докладе показал процесс укрепления сотрудничества и дружбы польского и советского народов на материале Белостокского воеводства, поддерживающего братские связи с Гродненской областью. Он особо выделил при этом роль ОПСД и его советских партнеров. При обсуждении этого комплекса вопросов было внесено много конкретных предложений по усилению и развитию работы общества дружбы, в том числе в сфере культурного обмена, личных контактов населения приграничных районов.

Новому, современному этапу сотрудничества, ознаменовавшемуся подписанием Декларации 1987 г., посвятила доклад И. С. Яжборовская (СССР). Отметив задачи, вставшие в этой связи перед историками Советского Союза и ПНР, она проанализировала уже проделанную ими работу.

О значении конференции, о роли общечеловеческости в дальнейшем сближении, укреплении традиций дружбы и сотрудничества народов СССР и Польши сказал в заключительном слове ответственный секретарь Центрального правления ОСПД В. В. Писарюк.

Все участники конференции были единодушны в ее оценке как нового шага на пути сотрудничества ученых в решении сложных исторических проблем. Отмечалась большая свобода и откровенность дискуссий, важность совместного выявления пробелов, недочетов или искажений в разработке отдельных периодов истории взаимоотношений народов двух стран, выработка общими усилиями как стратегического направления дальнейших исследований в этой области, так и первоочередных задач, конкретных предложений и планов научного сотрудничества.

С. Ф.

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР (ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ)

В течение 1987 г. совет провел шесть заседаний, на которых были защищены пять диссертаций. Тематика защищенных работ наглядно свидетельствует о значительной широте и разнообразии

исследуемых вопросов новой и новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, о большом хронологическом и страноведческом диапазоне интересов молодых ученых нашей страны.

В частности, на защитах были проанализированы конкретные процессы общественно-политического и социального развития в западно- и южнославянских странах в XIX—XX вв., равно как и освещенные во многом по-новому (причем на базе многих неизданных материалов из архивов СССР) аспекты международных отношений в данном регионе в XVII и XIX вв., что позволяет получить более полное представление о роли России в системе европейской дипломатии нового времени и значении русской политики в тот или иной период для положения зарубежных славянских стран, для взаимоотношений их с другими государствами и т. д.

Остановившись вначале более подробно на работах, посвященных общественно-политическим проблемам новой истории зарубежных славянских народов. В кандидатской диссертации О. В. Борисовой «Прогрессивная интеллигенция Болгарии и борьбе против реакции и фашизма в конце 20-х — начале 30-х годов» на основе широкого круга источников (официальных болгарских изданий и прессы, частично — архивных источников, хранящихся в НРБ) показано, что борьба болгарского народа в те годы против реакции и фашистской угрозы развертывалась при все возрастающем участии разных слоев интеллигенции. Организуя отпор силам реакции, БКП сумела привлечь значительные силы прогрессивной интеллигенции (в частности, некоторые творческие организации, деятелей мелкобуржуазных партий) к участию в период Лейпцигского процесса в кампании в поддержку Г. Димитрова и его товарищей, к участию в антивоенном движении, движении за нормализацию отношений с СССР.

В кандидатской диссертации Т. И. Студеникиной «Польское и немецкое общественно-политические движения 30—40-х годов XIX в. (соотношение и взаимосвязи прогрессивных течений)» на обширном материале разнообразных источников — прессы тех лет, мемуаров, публицистики и архивных документов из хранилищ СССР и ГДР — был впервые проведен сравнительно-исторический анализ социального облика и идейных

основ левого крыла польского освободительного движения и немецкой мелкобуржуазной демократии. Бесспорным достоинством работы представляется специальное освещение автором национального аспекта идеологии польских и немецких демократов той поры, их отношения к идее международного революционного сотрудничества, хода и результатов польско-немецкого диалога, в особенности при рассмотрении событий революционной весны 1848 г. в Великом княжестве Познанском, входившем в состав Прусской монархии.

Тот же хронологический отрезок (т. е. начало второй трети прошлого века) был избран К. В. Никифоровым для своей кандидатской диссертации — «Внешняя политика Сербского княжества в 40-х — начале 50-х годов XIX в.». Он обратился к разработке внешнеполитических планов и деятельности сербских правящих кругов той поры и их отношениям с дипломатией царской России, используя интересный материал из фондов АВНР, позволивший более полно представить складывание великосербской объединительной концепции, сохранившей силу до 1918 г.

Проблемы международных отношений и дипломатии нового времени в этом регионе получили также тщательное освещение в кандидатской диссертации Л. В. Заборовского «Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. (Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе)». Л. В. Заборовский, опираясь на многочисленные источники (в том числе — практически не известные ранее материалы ЦГАДА), наглядно показал основные черты внешнеполитической деятельности России, Речи Посполитой, Швеции (отчасти также и других держав Европы) в сложный период середины XVII в. (1653—1655); в работе подчеркнуты динамика этих дипломатических отношений, реальная взаимосвязь их с международной ситуацией континента в целом, как и с внутренним положением Речи Посполитой на начальном этапе русско-польской и накануне так называемой Первой Северной войны.

Наумов Е. П.

ЮБИЛЕИ

Льву Сергеевичу Кишкину 19 марта 1988 г. исполнилось 70 лет. Л. С. Кишкин — д-р исторических наук, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих правительственных наград СССР и ЧССР, ведущий специалист ИСБ в области истории чешской и словацкой литератур. Много и плодотворно работает он над проблемами чешской национальной культуры, методологии сравнительного изучения литератур, чешско-русских и словацко-русских литературных связей. Работы ученого хорошо известны нашим славистам, а кроме того подробно освещены в изданной в ЧССР библиографии («Библиография работ Л. С. Кишкина». Вступ. ст. Л. Штолля; сост. А. Я. Огнева. Прага, 1978, 54 с.) За последнее десятилетие вышли в свет новые работы исследователя: «Миколаш Алеш и чешская культура» (1978), «Алешские исследования» (изданы в ЧССР, 1978), «Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты» (1983), «Бродзянские реликвии» (изданы в ЧССР, 1981), «А. Ф. Смирдин» (1987), «Чехословацкие находки» (1985) и др.

Л. С. Кишкин — один из основных авторов коллективных трудов: «Очерки истории чешской литературы», «История словацкой литературы», совместный советско-чешский труд «Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения», «Литературные связи и литературный процесс»; его перу принадлежат разделы, посвященные чешской и словацкой литературам в выходящей сейчас девятитомной «Истории всемирной литературы», цикл исследований, посвященных А. С. Пушкину и его окружению, его эпохе.

Много энергии отдает ученый популяризации литературы и культуры братских славянских народов, переводя художественные произведения (Св. Чеха, Ф. Л. Челакковского и др.), выполняя редакторскую и составительскую работу по их изданию (Хрестоматия по чешской литературе XIX—XX вв., стихи Гведослава и др.).

Неизменный интерес научной общественности вызывают выступления Л. С. Кишкина на больших славистических форумах, съездах, конференциях, поднимающие актуальные проблемы нашей науки.

Льву Никандровичу Смирнову 30 мая 1988 г. исполнилось 60 лет. Л. Н. Смирнов окончил с отличием славянское отделение филологического факультета Московского университета (1954). С марта 1955 г. работает в Институте славяноведения АН СССР младшим, затем старшим научным сотрудником, а с 1977 — заведующим сектором славянского языкознания.

Л. Н. Смирнов — автор более 120 научных работ по разным проблемам грамматики, словообразования и лексики славянских литературных языков, теории и истории этих языков, социолингвистики, теории и практики художественного перевода, истории славяноведения и др.

В центре внимания научной деятельности Л. Н. Смирнова находятся проблемы истории, грамматического строя современного словацкого литературного языка, отраженные в монографии «Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке» (1970), в коллективных трудах «Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков» (1978), «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.» (1978), «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе» (1981) и др.

Л. Н. Смирнов ведет большую работу в качестве редактора-рецензента шеститомного «Большого словацко-русского словаря», (три тома уже изданы Институтом языкознания Словацкой академии наук), в изучении вопросов сопоставительного языкознания, активно участвует в разработке социолингвистических проблем; один из авторов коллективного труда «Развитие языковой жизни в странах социалистического содружества» (Прага, 1987), руководитель сдаваемой в печать работы «Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе».

Л. Н. Смирнов неоднократно выступал с докладами на международных съездах славистов, других международных и всесоюзных съездах, конференциях и симпозиумах, является членом специализированных советов по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и балканистики АН СССР и Московском университете, редколлегии серийного издания «Славянское и балканское языкознание», за-

местителем главного редактора журнала «Советское славяноведение», членом комиссии по социалингвистике при Международном комитете славистов.

Словацкая академия наук в 1983 г. наградила Л. Н. Смирнова золотой медалью Людовита Штура; Чехословацкая АН в 1988 г. — серебряной медалью Йозефа Добровского за заслуги в развитии общественных наук.

Ивану Ивановичу Удальцову 12 марта 1988 г. исполнилось 70 лет. Юбиляр принадлежит к поколению, которое возмужало накануне Великой Отечественной войны, защитило Родину в кровопролитных боях, с полной отдачей трудилось в послевоенные десятилетия, продолжает успешно работать и сегодня.

Судьба связала И. И. Удальцова с Институтом славяноведения АН СССР с момента его основания: в 1947—1950 гг. — младший научный сотрудник, в 1959—1962 гг. — директор института, с 1979 г. — старший научный сотрудник.

Научные исследования сменялись длительной работой в партийных и государственных учреждениях — в качестве советника-посланника в ЧССР, посла СССР в Греции.

В 1950—1951 гг. в Чехословакии и СССР И. И. Удальцов опубликовал труды по истории революции 1848—1849 гг. в Чехии. Глубокое знание источников, тщательность исполнения, убежденность ученого уже тогда — на заре советской славистики — привлекли внимание к его работам. Перу И. И. Удальцова принадлежит и другой, единственный в своем роде труд: «Историография чешского национального возрождения. Новейшие чехословацкие и советские исследования. 1950—1980 гг.» (М., 1984), монография была защищена в качестве докторской диссертации. В книге проанализировано содержание сотен работ. Историографический обзор И. И. Удальцов сопроводил самостоятельным рассмотрением проблем общетеоретического характера. Поэтому труд его стал энциклопедическим пособием для историков, занимающихся не только проблемами прошлого чешского народа, но и эпохой перехода от феодализма к капитализму в Центральной Европе в целом.

КНИЖНАЯ ПОЛКА СЛАВИСТА

Polски Spisz: Jedność kultury ludowej i jej historii uwarunkowania. Środowisko naturalne — warunki gospodarowania. Antropologia. Gwary / Pod red. Białego Z. Kraków, 1987, 262 s.

Poraziński J. Sejm Lubelski w 1703 roku i jego miejsce w konfliktach wewnętrznych na początku XVIII wieku. Warszawa etc. 1987, 141 s.

Prekursorzy słowiańskiego językoznawstwa porównawczego (do końca XVIII wieku) / Pod red. Orzechowskiej H., Basaja M. Wrocław etc., 1987, 362 s.

Sawicka J. Struktura słowa u bałkańskim języcim (u porównaniu sa sąsiednim języcim). Wrocław etc., 1987, 122 s.

Skrzypek A. Procesy integracyjne państw wspólnoty socjalistycznej. 1946—1971. Studia i historia. Wrocław etc., 1987, 196 s.

Słowo piękne i prawdziwe: Kongres Kultury Języka Polskiego, 7 i 8 grud. 1984 r. Materiały kongresowe / Pod red. Urbańczyka S. Warszawa, 1987, 311 s.

Soudobé tendence vývoje národnosti v ČSSR. Praha, Academia, 1987, 216 s.

Spiesz A. Bratislava v XVIII storočí. Bratislava, 1987, 237 s.

Stevček J. Sučasný slovenský román. Bratislava, 1987, 308 s.

Swiątkiewicz W. Integracja kulturowa i jej społeczne uwarunkowania. Katowice. 1987, 140 s.

Teatr polski w latach 1890—1918: Zabór austriacki i pruski / Red. nauk. Siwert T., Taborski R. Warszawa, 1987. 495 s.

Terseglav M. Ljudsko pesništvo. Ljubljana, 1987, 169 s.

Turska K. Ubiór dworski w Polsce w dobie pierwszych Jagiellonów. Wrocław, 1987, 282 s.

CONTENTS

DISCUSSIONS

Towards the 70th Anniversary of the Formation of Independent National States in the Central and South-Eastern Europe	3
--	---

ARTICLES

<i>Kopasheva M. I.</i> The Czechoslovak Historical Writing on the Structure of the Society in the CzSSR (the Sociohistorical Aspect of Studies). <i>Yermolayeva I. I.</i> A Chapter from the History of Social Policy in Poland (the Unificational Law of 1933). <i>Belyayeva V. I.</i> Munich and Historians: New Trends in British Bourgeois Historical Writing. <i>Avetisyan V. A.</i> Goethe and Serbian Epics. <i>Muryanov M. F.</i> The Chronometry of the Kievan Rus.	14
--	----

MONUMENTS OF CULTURE

<i>Levokhin I. V.</i> The Svyatoslav's Izbornik of 1073: an Encyclopaedia or a Chrestomathy? <i>Labyntsev Yu. A.</i> The Lithuanian Statute of 1588 as a Monument of the Old Byelorussian Literature (On the Occasion of the 400th Anniversary of the Lithuanian Statute)	70
---	----

COMMUNICATIONS

<i>Gachev G.</i> Reborn Literature	85
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Polyvianny D. I., Chernyavsky G. I.</i> Краткая история Болгарии: С древнейших времен до наших дней. <i>Molok F. A.</i> Критика буржуазной фальсификации истории социалистического содружества в Европе.	87
<i>Zapasko A. P., Stepovik D. V.</i> Атанасов П. Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. <i>Khoreva O. A.</i> A New Edition of Y. Wenzig's Important Book in the GDR. <i>Smirnov L. N.</i> И. Ф. Андерш. Типология простых деесливных речень у чеськй мови в зіставленнї з українською.	91
<i>Karpenko Yu. A.</i> W. Wenzel. Studien zu sorbischen Personennamen. T. I. Systematische Darstellung. <i>Suprun A. Ye.</i> R. Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. T. IV. Indices	98

NOTES OF BOOKS

<i>Kremnev V.</i> The Problem of a Renewed Theory of Socialism. <i>Freidenberg M. M.</i> Рутенбург В. И. Итальянский город от раннего средневековья до Возрождения. <i>Korbicz G.</i> (Polska). D. Wierzchołowska. «Górski wieniec» Petra Njegoša. Poetyka utworu	103
---	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Melnikov G. P.</i> Ancient Slavs and Their Neighbours: Synopsis of a Conference. <i>S. F.</i> Bilateral Meeting of Soviet and Polish Historians. <i>Naumov Ye. P.</i> In the Specialized Council on General History of the Institute for Slavic and Balkanic Studies.	106
Birthdates	110

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.06.88	Подписано в печать 03.08.88	А-13518	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 12,1	Уч.-изд. л. 11,6
		Тираж 1192 экз.	Бум. л. 3,5
		Заказ 1706	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»**ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:****ДАНЧЕНКО С. И.****РУССКО-СЕРБСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
(70—80-е годы XIX в.) 12 л. 2 р. 50 к.**

Более века назад в одной из аудиторий Белградского университета звучала русская речь — свою первую лекцию прочитал сербским студентам молодой ученый-славист П. А. Кулаковский. В то же время в России «на благо сербов» трудились замечательные представители отечественной науки и культуры И. С. Аксаков, Н. А. Попов, А. А. Майков, В. И. Ламанский, А. Н. Пыпин и др.; укреплялось сотрудничество П. Л. Лаврова и его соратников с сербскими радикалами (Р. Милошевичем, П. Тодоровичем и др.). Об этом рассказывает автор в книге, которая основана на новых документах из архивов СССР и Югославии.

Книга рассчитана на историков, славистов.

**ЧЕШСКАЯ НАЦИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ
ФОРМИРОВАНИЯ. 20 л. 3 р. 90 к.**

В монографии показывается, как в условиях иноземного гнета, когда, казалось, существование самого чешского языка было под угрозой, чехи сформировались в жизнестойкую нацию и заложили основы своего дальнейшего прогрессивного развития.

Издание предназначено для историков, филологов, искусствоведов и всех интересующихся историей и культурой славянских народов.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51; 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140; 320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 420043 Казань, ул. Достоевского, 53; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.